

912
Г - 511
133084

П. ГИРО

ЧАСТНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ
ЖИЗНЬ ГРЕКОВЪ

Вып. V

ИЗДАНИЕ ТВА О. Н. ПОПОВОЙ
С-ПЕТЕРБУРГЪ

1911

1911

Аѳинскій акрополь въ настоящее время.

9(3)
~~428~~
Г511

190
~~Г511~~

А

Ж

П. ГИРО

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ
ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГРЕКОВЪ

5670
Мил. 16114

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО ФРАНЦУЗСКАГО ИЗДАНІЯ
Н. И ЛИХАРЕВОЙ

СЪ 18-Ю РИСУНКАМИ

ВЫПУСКЪ V
Пр.65

Пр58

Издание Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

Тип. Г. Шумахера и Б. Брукера (Екатери. кан., 94).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Управление.

Содержаніе: 1. Основаніе городовъ.—2. Незначительные размѣры греческихъ государствъ.—3. Духъ государства-города.—4. Общественные классы.—5. Жители Аѳинъ, не входившіе въ разрядъ гражданъ.—6. Дарованіе правъ гражданства.—7. Преслѣдованіе гражданина-самозванца.—8. Пересмотръ списковъ гражданъ.—9. Гражданинъ.—10. Порабощеніе гражданина государствомъ.—11. Общественныя трапезы въ Спартѣ.—12. Демы и филы.—13. Любовь къ свободѣ.—14. Обязанность гражданина защищать національныя учрежденія.—15. Предпочтеніе, оказываемое правленію средняго класса общества.—16. Демократическія учрежденія.—17. Аѳинское Народное Собраніе по изображенію комическихъ поэтовъ. — 18. Засѣданіе аѳинскаго Народнаго Собранія.—19. Экстренное засѣданіе Народнаго Собранія.—20. Государственный челоуѣкъ V вѣка—Перикль.—21. Политическій дѣятель IV вѣка— Гиперидъ.—22. Недостатки аѳинской демократіи.—23. Совѣтъ въ Спартѣ.—24. Народное Собраніе въ Спартѣ.—25. Царская власть въ Спартѣ.—26. Эфоры.—27. Борьба партій въ Греціи.—28. Убіиства въ Корцирѣ.—29. Греческій тираннъ II в. до Р. X.

1. Основаніе городовъ.

Греки думали, что мѣстоположеніе города должно выбираться и указываться божествомъ, поэтому при основаніи города они обращались къ дельфійскому оракулу. Геродотъ ¹⁾ называетъ нечестивымъ и безумнымъ поступокъ спартамца Доріея, который выстроилъ городъ, „не обратившись за совѣтомъ къ оракулу и не исполнивъ ни одной изъ предписанныхъ церемоній“; и благочестивый историкъ не выражаетъ никакого удивленія, что городъ, сооруженный безъ соблюденія установленныхъ правилъ, про-

¹⁾ Геродотъ—см. вып. I. стр. 5, прим. 2.

существовалъ только три года. Фукидидъ ¹⁾, вспоминая тотъ день, когда была основана Спарта, сообщаетъ о религіозныхъ пѣснопѣніяхъ и жертвоприношеніяхъ, совершавшихся при этомъ. Тотъ же историкъ рассказываетъ намъ, что у аѳинянъ былъ цѣлый уставъ основанія городовъ и что они не устраивали ни одной колоніи, не согласуя съ этимъ уставомъ своихъ дѣйствій. Въ одной комедіи Аристофана ²⁾ („Птицы“) можно видѣть точную картину церемоніи, совершавшейся въ подобныхъ случаяхъ. Изображая смѣшное основаніе города птицъ, поэтъ, конечно, думалъ объ обычаяхъ, которые соблюдались при основаніи человѣческихъ городовъ, поэтому и вывелъ на сцену жреца, зажигающаго огонь очага и призывающаго боговъ, поэта, поющаго гимнъ, и прорицателя, возглашающаго предсказанія.

Павсаній ³⁾ путешествовалъ по Греціи приблизительно въ эпоху Адріана ⁴⁾. Когда онъ пріѣхалъ въ Мессенію, то заставилъ жрецовъ рассказать ему объ основаніи города Мессены и передалъ намъ ихъ рассказъ. Событіе это совершилось не въ особенно древнія времена, а именно въ эпоху Эпаминонда ⁵⁾. За три вѣка до этого мессенцы были изгнаны изъ своей страны и разсѣяны среди другихъ грековъ. У нихъ не было отечества, но они свято соблюдали свои обычаи и національную религію. Фиванцы хотѣли водворить ихъ въ Пелопоннесъ, чтобы обосновать враговъ Спарты у ея границъ. Но побудить мессенцевъ рѣшиться на это было чрезвычайно трудно. Эпаминондъ, которому приходилось имѣть дѣло съ людьми суевѣрными, рѣшилъ пустить въ ходъ предсказанія оракула, возвѣстившаго, что этотъ народъ возвратится въ свое прежнее отечество. Чудесныя видѣнія засвидѣтельствовали, что національные боги мессенцевъ, измѣнившіе имъ въ эпоху завоеванія, сдѣлались снова благосклонны къ нимъ.

Тогда только этотъ робкій народъ рѣшился отпра-

¹⁾ Фукидидъ—см. вып. I, стр. 4, прим. 2.

²⁾ Аристофанъ—см. вып. I, стр. 38, прим. 2.

³⁾ Павсаній—см. вып. II, стр. 61, прим.

⁴⁾ Адрианъ—римскій императоръ (117—138 г.).

⁵⁾ Эпаминондъ—фиванскій полководецъ (411—363 г. до Р. Х.).

виться въ Пелопоннесъ въ сопровожденіи ѳиванскаго войска. Но надо было узнать, гдѣ строить городъ, такъ какъ нельзя было даже и подумать о занятіи прежнихъ, оскверненныхъ вражескимъ завоеваніемъ городовъ. Для выбора мѣста населенія невозможно было воспользоваться обычнымъ средствомъ, т. е. запросить дельфійскаго оракула, такъ какъ пиѳія въ то время была на сторонѣ Спарты. Къ счастью, боги имѣли возможность выразить свою волю иными путями. Одному мессенскому жрецу приснилось, что предъ нимъ предсталъ богъ его народа и объявилъ о своемъ намѣреніи обосноваться на горѣ Итомъ и приглашалъ народъ идти туда же. Мѣстоположеніе для новаго города было такимъ образомъ указано. Оставалось узнать, какіе обряды необходимо было выполнить при основаніи его. Мессенцы забыли свои собственные обряды, а воспользоваться обрядами ѳиванцевъ или какого-либо другого народа не могли, и потому не знали, какимъ образомъ приступить къ постройкѣ города. Снова очень къ стати на помощь приходитъ сонъ, приснившійся другому мессенцу. Боги приказали ему пойти на гору Итомъ и поискать тамъ тисовое дерево, которое росло около миртоваго, и рыть въ этомъ мѣстѣ землю. Онъ поступилъ, какъ ему было приказано, выкопалъ урну, а въ этой урнѣ нашелъ оловянные листки, на которыхъ былъ начертанъ уставъ священной церемоніи. Жрецы сейчасъ же сняли съ него копію и записали въ свои книги. Всѣ рѣшили, что урна была закопана какимъ-нибудь древнимъ мессенскимъ царемъ до завоеванія страны.

Къ основанію города приступили немедленно вслѣдъ за полученіемъ устава. Жрецы прежде всего совершили жертвоприношенія. Они призывали древнихъ боговъ Мессеніи: Діоскуровъ ¹⁾, Зевса Итомскаго, древнихъ героевъ, извѣстныхъ и почитаемыхъ предковъ. Мессенцы полагали, что всѣ эти покровители страны покинули ее въ тотъ день, когда въ ней водворился непріятель. Ихъ заклинали снова вернуться сюда, произносили формулы, которыя

¹⁾ Діоскуры—божества Касторъ и Поллуксъ.

должны были принудить ихъ поселиться въ новомъ городѣ вмѣстѣ съ гражданами. Это было очень важно. Главное, къ чему стремились эти люди, было привязать боговъ къ себѣ, и, можно думать, религіозная церемонія не преслѣдовала другой цѣли. Древніе думали, что формулами и обрядами они прикрѣпятъ національныхъ боговъ къ занятой землѣ и заключатъ ихъ въ намѣченную ограду. Поэтому они говорили: „Идите къ намъ, божественныя существа, живите съ нами въ этомъ городѣ“. Въ теченіе всего перваго дня происходили жертвоприношенія и молитвы. На другой день при пѣніи народомъ религіозныхъ гимновъ проводилась городская граница.

(Fustel de Coulanges. La cité antique, стр. 157—159).

2. Незначительные размѣры греческихъ государствъ.

Съ точки зрѣнія современнаго человѣка греческія государства кажутся какими-то миниатюрами ¹⁾. Арголида имѣла отъ 8 до 10 миль въ длину и отъ 4 до 5 въ ширину. Лаконія была почти такой же величины. Ахайя занимала узкую полосу земли по склону горной цѣпи, спускающейся къ морю. Вся Аттика составила бы лишь часть одного изъ нашихъ уѣздовъ. Территорія Коринѳа, Сикіона, Мегары равнялась предмѣстью современнаго города. Обыкновенно, въ особенности на островахъ и въ колоніяхъ, государство представляло собою одинъ городъ съ расположенными вокругъ него фермами и съ морскимъ побережьемъ. Изъ акрополя одного государства невооруженный глазъ легко

¹⁾ Вотъ каково было населеніе (включая и рабовъ) главнѣйшихъ греческихъ государствъ, по вычисленію одного ученаго:

Фокида, Локрида, Дорида	655.700	Лаконія и Мессенія	300.000
Беотія	135.000	Элида	186.000
Аттика	527.600	Ахайя	61.000
Мегара и Корцира	150.000	Сикіонъ	46.000
Коринѳъ	100.000	Фліунтъ	31.000
Арголида	110.000	Аркалія	161.000

(Примѣч. автора).

различалъ акрополь и возвышенности другого, сосѣдняго государства.

При такомъ ограниченномъ пространствѣ всѣ вопросы, связанные съ государствомъ, были совершенно ясны для людей той эпохи. Въ самомъ понятіи отечества не было ничего грандіознаго, отвлеченнаго и неопредѣленнаго, какъ, напримѣръ, у насъ. Оно легко могло быть воспринято внѣшними чувствами, сливалось съ представленіемъ о мѣстѣ рожденія, и оба эти понятія являлись въ умѣ гражданина съ совершенно опредѣленными чертами. Желая представить себѣ Аѳины, Коринѳъ, Аргосъ или Спарту, человекъ воображалъ очертанія своей долины или своего города. Онъ зналъ всѣхъ своихъ согражданъ и могъ легко представить себѣ всѣ уголки своего государства. (Taine. Philosophie de l'art, т. II, стр. 125).

Самые великіе умы Греціи не допускали, чтобы греческое государство могло занимать большія пространства. Когда Платонъ дѣлаетъ мысленно попытку создать республику, отличающуюся прочнымъ устройствомъ, онъ начинаетъ съ указанія, что это государство не должно состоять болѣе чѣмъ изъ 5.040 семействъ. „Если территория“, говоритъ онъ, „сможетъ прокормить такое число жителей, то она достаточно велика, и ее не слѣдуетъ увеличивать“. (Законы, V). Аристотель раздѣляетъ это мнѣніе: „Опытъ показываетъ“, говоритъ онъ, „какъ трудно, чтобы не сказать невозможно, дать правильно-закономѣрную организацію слишкомъ многонаселенному государству. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что всѣ тѣ государства, которыя славятся прекрасной организаціей, не допускаютъ чрезмѣрнаго увеличенія ихъ народонаселенія“. (Аристотель. Политика, VII, 4, 5, пер. Жебелева).

3. Духъ государства=города.

Согласно требованіямъ греческой религіи каждое государство-городъ должно было быть совершенно независимымъ. Каждое изъ нихъ стремилось непременно обладать своимъ собственнымъ сводомъ законовъ, потому что имѣло

свою особую религію, а законъ вытекалъ именно изъ религіи. Судъ въ каждомъ изъ нихъ долженъ былъ пользоваться верховными правами въ области правосудія, и высшей инстанціи не должно было быть. У каждаго государства были свои религіозные праздники и свой календарь. Въ двухъ разныхъ государствахъ были различные годы и мѣсяцы, потому что были различны тѣ или иные религіозные обряды. У каждаго города была своя собственная монета, на которой первоначально изображалась его религіозная эмблема. Каждый имѣлъ свои особые вѣсы и мѣры. Греки не допускали мысли, чтобы между двумя государствами-городами могло быть что-нибудь общее. Разграниченіе проводилось такъ глубоко, что едва могли представить себѣ допустимость браковъ между гражданами двухъ различныхъ городовъ. Подобный союзъ въ то время казался всегда страннымъ, и въ теченіе долгаго времени его считали незаконнымъ. Аѳинское законодательство видимо не хотѣло признавать такого брака, и повсюду дѣти, родившіяся отъ него, считались незаконными и лишались гражданскихъ правъ. Для признанія законнымъ брака между жителями двухъ государствъ-городовъ требовалось особое соглашеніе.

Вокругъ территоріи каждаго государства-города проходила священная линія границы. Это была граница и для національной религіи и для ея боговъ. По ту сторону этой линіи царили другіе боги и отправлялся другой культъ.

Самой поразительной чертой исторіи Греціи и является это крайнее раздробленіе территоріи и духъ обособленности, царившій въ каждомъ изъ государствъ-городовъ. Греціи никогда не удавалось объединиться въ одно государство. Это не поддающееся никакимъ вліяніямъ раздробленіе Греціи приписывалось природѣ ея страны. Говорили, что пересѣкающіяся во всѣхъ направленіяхъ горы устанавливали между людьми естественныя границы. Но горъ не было между Фивами и Платеей, между Аргосомъ и Спартой, Сибарисомъ и Кротомъ. Географическія условія оказываютъ, конечно, извѣстное вліяніе на исторію народовъ, но воздѣйствіе религіозныхъ вѣрованій въ этомъ отношеніи гораздо могущественнѣе. Между двумя сосѣдними

государствами воздвигалось нѣчто болѣе непроходимое, чѣмъ горы, и заключавшееся въ рядѣ пограничныхъ священныхъ камней, различіи культовъ, преградахъ, которыя каждое государство-городъ воздвигало между иностранцемъ и своими богами. Государство воспрещало чужеземцу доступъ въ храмы своихъ городскихъ боговъ. Оно требовало, чтобы принадлежащіе ему боги ненавидѣли и поражали иностранцевъ ¹⁾).

Вслѣдствие этого древніе греки не могли ни создать, ни даже вообразить никакой другой общественной организаціи, кромѣ государства-города. Имъ казалось невозможнымъ, чтобы нѣсколько городовъ объединились и жили на равныхъ правахъ, имѣя одно и то же правительство. Случалось иногда, что два государства-города заключали союзъ, временное соглашеніе въ виду какой-нибудь общей выгоды или необходимости устранить опасность, но полного сліянія не происходило, потому что религія создавала изъ каждаго государства-города особую организацію, которая ни съ какой другой не могла соединиться. Обособленность была закономъ государства-города. (Fustel de Coulanges. La cité antique, стр. 237—239).

4. Общественные классы.

При изученіи соціального строя Греціи въ древнѣйшую эпоху, т. е. въ царскій періодъ, можно замѣтить, что первое мѣсто въ обществѣ занимаетъ классъ, состоящій изъ главъ семей. Часто этихъ людей считали такими же благородными, какъ и царей. Они любили приписывать себѣ божественное происхожденіе; какъ и цари, они носили наименованіе βασιλεύς. Въ Итакѣ домъ Одиссея былъ царскимъ по преимуществу, но онъ не былъ единственнымъ родомъ, имѣющимъ царское званіе; кромѣ него существовали богатые землевладѣльцы, которымъ принадлежала и большая часть обработанной земли. Наконецъ, они соби-

¹⁾ Рѣчь тутъ идетъ только о древнемъ періодѣ; съ теченіемъ времени чувства эти очень ослабѣли. (Прим. автора).

рались вокругъ царя на совѣтъ и, въ зависимости отъ обстоятельства, высказывали свои мнѣнія или диктовали свою волю.

Второй классъ общества состоялъ изъ всѣхъ находящихся въ родствѣ съ главами благородныхъ фамилій. И по рожденію и по правамъ эти люди также принадлежали къ классу аристократіи. Они владѣли землей и, если не засѣдали въ Совѣтъ, то присутствовали на собраніяхъ гражданъ. Ихъ болѣе низкое положеніе вытекало только изъ того обстоятельства, что они были обязаны повиновеніемъ главамъ фамилій, въ то время какъ эти послѣдніе покорялись только царю.

Третье мѣсто въ обществѣ занимали постоянные слуги дома, подраздѣлявшіеся на рабовъ и вольноотпущенниковъ.

Къ послѣднему классу можно отнести всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя не могли ни на какихъ основаніяхъ умѣститься въ семейныя рамки людей, о которыхъ шла рѣчь. Это могло случиться или потому, что они по доброй волѣ или по принужденію вышли изъ семьи, или же потому, что имъ было отказано во вступленіи въ нее. По этой причинѣ они вели очень необезпеченное существованіе. Сюда входили ремесленники, случайные сельскіе рабочіе, искатели приключеній, нищіе.

Съ паденіемъ царской власти социальное устройство греческихъ государствъ нисколько не измѣнилось. Аристократія продолжала занимать господствующее положеніе, и можно отмѣтить только ту разницу, что отнынѣ управленіе всецѣло принадлежало ей одной. Этотъ благородный и въ то же время богатый классъ часто назывался древними авторами классомъ всадниковъ. Слѣдуетъ хорошенько вдуматься въ смыслъ этого слова. Всадникомъ былъ не тотъ человѣкъ, который отправлялся на войну верхомъ на лошади, но тотъ, кто обладалъ лошадьми. Въ тѣ времена, когда пастбищъ было въ изобиліи, лошади наравнѣ съ быками и овцами представляли одинъ изъ главныхъ источниковъ богатства. Состояніе измѣрялось главнымъ образомъ количествомъ скота, и достаточно было замѣтить,

что такой-то человекъ занимается разведеніемъ скота, чтобы этимъ опредѣлилась его принадлежность къ крупнымъ землевладѣльцамъ. Преобладающая роль всадниковъ зависѣла отъ того, что они владѣли значительною частью земли. Въ нѣкоторыхъ республикахъ этотъ классъ носилъ названіе геоморовъ, что означало людей, которые подѣлили между собою землю. Это наименованіе особенно употреблялось въ Сиракузахъ и на о-вѣ Самосѣ. Геоморы владѣли всей землей и захватили всю власть.

Аристократія не представляла собою вполне замкнутой касты, и нерѣдко случалось, что какой-нибудь иностранецъ благороднаго происхожденія получалъ доступъ въ нее, но для людей простонароднаго происхожденія онъ не открывался никогда. Повидимому, даже этотъ классъ не считалъ допустимыми смѣшанные браки. Однако, мало-помалу наряду съ аристократіей образовалась своего рода богатая буржуазія, которая пріобрѣтала все больше и больше значенія. Свое богатство этотъ классъ черпалъ главнымъ образомъ изъ торговли и промышленности, получившихъ, начиная съ VIII вѣка, громадное развитіе. Но онъ началъ вполнѣ пріобрѣтать также земли и принялся обрабатывать незанятые пространства, луга и лѣса, предоставляемые ему государствомъ. Буржуазія энергично стремилась не упустить никакого случая, дававшего возможность пробить брешь во владѣніяхъ аристократіи, и такіе случаи становились все болѣе и болѣе частыми.

Греція въ это время представляла собою картину общества, гдѣ еще не было вполне опредѣленно установленныхъ общественныхъ группъ и гдѣ, наоборотъ, непрерывное поступательное движеніе толкало низшій классъ сблизиться съ классомъ среднимъ, и этотъ послѣдній — смѣшаться съ высшимъ. Прогрессъ этотъ осуществился благодаря труду. Гезіодъ¹⁾ воспѣваетъ тотъ видъ соревнованія, который побуждаетъ человека состязаться со своимъ сосѣдомъ въ дѣятельности. Для выраженія своей страсти къ работѣ и жадности къ наживѣ Гезіодъ находитъ выра-

¹⁾ Гезіодъ — см. вып. III, стр. 31, прим.

женія исключительныя по силѣ, и подобныя чувства испытывалъ не онъ одинъ. Въ этомъ отношеніи онъ только былъ выразителемъ ходячихъ въ его время идей, и вполне понятно, что такое настроеніе умовъ способствовало созданію благосостоянія, а затѣмъ и богатства многихъ людей.

Всякая преграда между двумя классами, которымъ досталось богатство, должна была исчезнуть. Они начали сливаться между собой посредствомъ браковъ, хотя аристократія, желавшая поддержать чистоту своей крови, была этимъ крайне скандализована, и вскорѣ старинная родовая аристократія почти повсюду уступила мѣсто аристократіи богатства. Такимъ образомъ, въ Аѳинахъ уже съ Солона (въ началѣ VI в. до Р. Х.) социальныя различія опредѣлялись доходами каждаго человѣка. Въ первый классъ, п е н т а к о с і о м е д и м н о в ѣ, входили всѣ граждане, земля которыхъ давала чистый доходъ въ 500 медимновъ (262 гектолитра) зерна или жидкости. Второй классъ, в с а д н и к о в ѣ, долженъ былъ получать урожай въ 300 медимновъ (157 гектолитровъ). Третій классъ, з е в г и т о в ѣ (тяжело вооруженной пѣхоты)—200 медимновъ (105 гектолитровъ). Если доходъ былъ ниже этой цифры, то человѣкъ записывался въ число ѳ е т о в ѣ.

Каждый изъ этихъ классовъ пользовался особыми общественными преимуществами, но повинности ихъ находились въ прямомъ соотношеніи съ ихъ привилегіями, и каждый гражданинъ обязанъ былъ по отношенію къ государству тѣмъ большими повинностями, чѣмъ большими правами онъ пользовался. Надо замѣтить, что при этомъ дѣленіи гражданъ на классы принимались во вниманіе только земельныя богатства. Впослѣдствіи аѳиняне стали сообразоваться также и съ движимымъ имуществомъ, и въ первый классъ начали допускаться люди, обладающіе достаточнымъ доходомъ или капиталомъ, независимо отъ ихъ источника. Но классы въ ту эпоху уже измѣнили свой характеръ, принадлежность къ нимъ не связывалась больше съ политическими правами и служила только для установленія различныхъ разрядовъ плательщиковъ налога.

Старинное дѣленіе на классы Солона было даже уничтожено въ IV вѣкѣ. Съ этого времени въ Аѣинахъ стали только различать богачей, обладавшихъ литургическимъ цензомъ¹⁾, и людей, которые его не имѣли. Собственно говоря, это были не настоящіе социальныя классы, но разряды, установленныя для взиманія податей. Однако, не слѣдуетъ думать, что съ этого момента въ Атикѣ установилось полное равенство: въ ней всегда продолжала существовать настоящая общественная іерархія. Рабы, вольноотпущенники и метэки, т. е. поселившіеся на постоянное жительство иностранцы, занимали низшія ступени; законъ ставилъ ихъ всѣхъ значительно ниже гражданъ: онъ не признавалъ никакихъ правъ за рабами, отказывалъ въ распространеніи политическихъ правъ на метэковъ и вольноотпущенниковъ и не давалъ имъ даже полныхъ гражданскихъ правъ. Такимъ образомъ, хотя въ самыхъ демократическихъ обществахъ граждане и были, за ничтожными исключеніями, всѣ равны между собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ они сами составляли совершенно замкнутую олигархію. Эта олигархія рѣзко выдѣлялась изъ массы всего населенія; проникнуть въ нее людямъ, стоящимъ внѣ ея, было очень трудно, и относилась она къ этимъ послѣднимъ съ тѣмъ презрѣніемъ, которое въ прежнія времена проявляли аристократы по отношенію къ простонародью. Въ Аѣинахъ цифра этихъ привилегированныхъ достигла 80.000, количество же остального населенія было болѣе 400.000.

Въ аристократическихъ государствахъ разслоеніе общества намѣчалось еще рѣзче. Если взять въ качествѣ типичной страны Лаконію, то въ ней можно видѣть три разряда людей: и л о т ы—крѣпостные, соединенные съ землей неразрывною связью; п е р і э к и—происходившіе отъ первобытныхъ обитателей этой страны и пользовавшіеся только гражданскими правами; наконецъ, с п а р т і а т ы—доряне по происхожденію и единственныя граждане; среди нихъ съ теченіемъ времени также произошли подраздѣленія, и такимъ образомъ эта и безъ того немногочисленная оли-

¹⁾ Литургія—см. ниже. гл. XI, § 9.

гархія дала новую олигархію, еще болѣе тѣсную. Ее называли классомъ равныхъ, и она сосредоточила въ своихъ рукахъ всѣ богатства и всю власть. Ниже равныхъ по общественному положенію слѣдовали въ нисходящемъ порядкѣ неодамоды, мотаки и низшіе. Подъ этими наименованіями подразумѣвались люди, которые не успѣли пріобрѣсть всѣхъ политическихъ правъ, или которые по разнымъ причинамъ отчасти утратили ихъ. Всѣ эти подчиненные классы были проникнуты глубокой ненавистью по отношенію къ равнымъ. „Не существовало такого илота, періэка или неодамода“, говоритъ Ксенофонтъ¹⁾, „которому не доставило бы удовольствія съѣсть спартиата живьемъ“.

Во всѣхъ республикахъ существовала одна грань, которую законы никогда не могли сгладить, потому что она вытекала изъ самой сущности вещей. Это — грань, отдѣлявшая богатыхъ отъ бѣдныхъ. Можно даже видѣть, что начиная съ IV вѣка между гражданами осталось только это единственное различіе, и хотя оно не было установлено законами, тѣмъ не менѣе существованіе его было вполнѣ реально. Въ нѣкоторыхъ государствахъ пытались ослабить его путемъ проведенія системы налоговъ, отнимавшихъ у богатыхъ ежегодно значительную часть ихъ состоянія, и путемъ системы вспомошествованія, которая если и не доставляла бѣдному благосостоянія, то все же мѣшала ему впасть въ крайнюю нищету. Такъ обстояло дѣло въ Аѳинахъ. Въ результатѣ подобныхъ мѣропріятій было уменьшеніе классовой ненависти и предупрежденіе революцій, но общественный миръ въ Греціи соблюдался только въ видѣ исключеній. Бѣднякъ имѣлъ тамъ меньше возможности, чѣмъ у насъ, возвыситься благодаря труду и экономіи, потому что ему приходилось бороться съ конкуренціей рабовъ, и онъ не всегда могъ найти приложеніе для своихъ физическихъ или умственныхъ силъ.

Бывали, конечно, случаи, что человѣкъ, вышедшій изъ низшихъ слоевъ общества, выдвигался мало-по-малу въ первые ряды, но это происходило рѣдко. Такимъ обра-

¹⁾ Ксенофонтъ — см. вып. I, стр. 44, прим.

зомъ, населеніе каждаго города дѣлилось на два класса: одинъ—классъ владѣльцевъ, который стремился увеличить свое богатство и сохранить его; другой—„бѣдный и въ то же время лѣнивый, завистливый и несчастный, жаждавшій богатства, но не обладавшій ни умѣніемъ, ни возможностью достигнуть его“. (Fustel de Coulanges). На сторонѣ этого класса была численность и грубая сила. У него явилась мысль использовать это двоякое преимущество для захвата состоянія своихъ противниковъ. Это создало почву для длиннаго ряда насилій и гражданскихъ войнъ, которыя во всѣ времена были бичомъ Греціи, но которыя въ третьемъ и во второмъ вѣкѣ до Рождества Христова особенно усилились.

5. Жители Аѳинъ, не входившіе въ разрядъ гражданъ.

Многіе жители Аттики, помимо рабовъ, не входили въ составъ аѳинскихъ гражданъ.

1. Метэки.—Метэкомъ назывался иностранецъ, поселявшійся въ какомъ-нибудь городѣ на постоянное жительство. Онъ обязанъ былъ найти себѣ среди гражданъ патрона (покровителя), въ противномъ случаѣ имущество его подвергалось конфискаціи. Онъ долженъ былъ нести всѣ обычные налоги и военную службу. Онъ не допускался только въ разрядъ всадниковъ; кромѣ того, онъ платилъ спеціальнй налогъ въ 12 драхмъ (около 4 р. 45 коп.) ежегодно. Онъ не имѣлъ права пріобрѣтать земельную собственность и могъ владѣть только рабами и движимымъ имуществомъ; поэтому большинство метэковъ занимались торговлей и промышленностью. Нѣкоторые изъ нихъ получали особую привилегію, называемую изотеліеіеі. Она давала имъ возможность не имѣть патрона и не платить особаго налога. Они пріобрѣтали, кромѣ того, всѣ гражданскія права.

2. Вольноотпущенники. — Вольноотпущенникъ былъ почти всегда иностранцемъ по происхожденію и почти во всемъ подобенъ метэку; различіе между ними заклю-

чалось только въ одномъ: вольноотпущенникъ былъ лишень права свободно выбрать себѣ патрона, и эту роль непременно долженъ былъ играть его прежній господинъ.

3. *Nôthoi*.—Такъ назывались не только дѣти, происшедшія отъ родителей, которые не вступили въ законный бракъ, но также тѣ люди, отецъ и мать которыхъ были иностранцами. По положенію они сливались съ метэками. Надо прибавить, впрочемъ, что большею частью на такого рода отклоненія отъ законовъ въ Аѳинахъ смотрѣли сквозь пальцы.

Приобрѣтеніе правъ гражданства считалось большимъ счастіемъ, но для этого требовалось выполненіе многочисленныхъ формальностей. Прежде всего закономъ было запрещено „дѣлать аѳиняниномъ челоуѣка, который не заслужилъ правъ гражданства какими-нибудь значительными услугами, оказанными государству“. (Демосѳенъ. Противъ Неэра, 89). Во-вторыхъ, надо было, чтобы какое-нибудь частное лицо внесло проектъ подобнаго постановленія, а народъ рѣшилъ бы, что этотъ проектъ подлежитъ обсужденію. Если онъ соглашался обсудить его, то голосованіе происходило на особомъ собраніи, гдѣ должно было присутствовать по крайней мѣрѣ 6.000 гражданъ. Наконецъ, каждый гражданинъ, если онъ не находилъ это предложеніе справедливымъ, могъ поднять процессъ противъ челоуѣка, внесшаго его, и суды пользовались правомъ отмѣнить принятое постановленіе.

Иногда бывали попытки незаконнаго внесенія своего имени въ списки гражданъ, что можно было сдѣлать при посредствѣ какого-нибудь должностнаго лица. Открытіе подобнаго подлога влекло за собой утрату имущества и продажу въ рабство.

6. Дарованіе правъ гражданства.

„Принимая во вниманіе, что врачъ Эвеноръ всегда проявлялъ благожелательность по отношенію къ народу и что онъ оказывалъ своимъ искусствомъ услуги гражданамъ и другимъ обывателямъ города, что недавно онъ пожертво-

валъ въ казну талантъ серебра (около 2.220 руб.), народъ рѣшилъ воздать Эвенору честь и увѣнчать его оливковымъ вѣнкомъ за благожелательность къ аѳинскому народу. Эвеноръ и всѣ его потомки будутъ аѳинянами. Онъ можетъ вписаться въ какую угодно филу, демъ и фратрію, сообразуясь при этомъ съ закономъ. Голосованіе относительно него произойдетъ въ ближайшемъ народномъ собраніи. Настоящее постановленіе будетъ выгравировано на каменной стелѣ и поставлено въ Акрополѣ“.

(Corp. inscript. Attic., т. II, 187).

7. Преслѣдованіе гражданина-самозванца.

Нѣкій иностранецъ Панклеонъ выдалъ себя за платейца, что почти приравнивало его къ аѳинскимъ гражданамъ. Одинъ враждовавшій съ нимъ аѳинянинъ сталъ преслѣдовать его по суду, и до насъ дошла рѣчь, произнесенная имъ по этому поводу.

„Такъ какъ въ теченіе долгаго времени онъ причинялъ мнѣ вредъ, то я отправился въ лавочку валяльщика, гдѣ онъ работалъ, и позвалъ его къ полемарху, такъ какъ думалъ, что онъ метэкъ. Онъ выдавалъ себя за платейца. Я спросилъ его, изъ какого ¹⁾онъ дема¹⁾); онъ отвѣчалъ, что принадлежитъ къ Декелейскому дему. Тогда я пошелъ къ одному парикмахеру, у котораго часто бывали декелейцы, и сталъ наводить справки, знаютъ ли они нѣкоего Панклеона, принадлежащаго къ ихъ дему. Никто не зналъ его. Поэтому я вошелъ въ сношеніе съ платейцемъ Эвѳикритомъ, чтобы узнать, не извѣстенъ ли ему платеецъ Панклеонъ, сынъ Гиппармодора. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что знаетъ Гиппармодора, но что у него нѣтъ сыновей. Такъ какъ въ послѣдній день каждаго мѣсяца платейцы собираются на сырномъ рынкѣ, то я пошелъ туда и разспрашивалъ всѣхъ. Никто не зналъ Панклеона. Одинъ только, по имени Никомедъ, сказалъ мнѣ, что у него былъ рабъ, носящій это имя; указавъ возрастъ и ремесло этого раба, онъ заявилъ,

¹⁾ Демъ—см. ниже § 12.

что послѣдній убѣжалъ. Дѣйствительно, спустя нѣсколько дней Никомедъ схватилъ Панклеона, какъ свою собственность, но друзья Панклеона отняли его у Никомеда“..

(По Лизію. Рѣчь XXIII).

8. Пересмотръ списковъ гражданъ.

Иногда производилась общая провѣрка списка гражданъ. Этотъ пересмотръ совершался внутри каждаго дема. Члены дема на особомъ собраніи подвергали голосованію одно за другимъ различныя имена и незаконно внесенныя вычеркивали. Впрочемъ, это голосованіе можно было обжаловать въ судъ, рѣшеніе котораго было уже окончательнымъ. Рѣчь Демосѣна Противъ Эвбулида сообщаетъ намъ множество подробностей относительно этихъ вопросовъ.

„Когда было названо мое имя“, говоритъ жалобщикъ, „уже вечерѣло. Шелъ шестидесятый номеръ, и я былъ послѣднимъ изъ тѣхъ, кто вызывался въ этотъ день. Люди болѣе пожилые уже ушли, торопясь домой. Оставалось не болѣе 30 человѣкъ. Когда произнесли мое имя, Эвбулидъ вскочилъ и началъ порочить меня; онъ говорилъ много и очень быстро, крайне повышеннымъ тономъ, но не славшись ни на одного свидѣтеля, могущаго удостовѣрить его утверженія; затѣмъ онъ заставилъ членовъ дема голосовать за мое исключеніе. Я просилъ, чтобы дѣло перенесли на другой день. Часъ шелъ поздній, никого не было, кто могъ бы поддержать меня, и все это захватило меня врасплохъ. Но этотъ человѣкъ совершенно не пожелалъ считаться съ моей формальной просьбой и сразу сталъ раздавать присутствующимъ гражданамъ таблички для голосованія. Его сторонники встали и подали голоса. Было уже темно; они получали по двѣ или по три таблички и опускали ихъ въ урну. Хотя было не болѣе 30 голосовавшихъ, къ великому изумленію всѣхъ насъ, табличекъ оказалось болѣе 60“ (10—13).

Жалобщикъ переноситъ тогда дѣло въ судъ и старается доказать, что отецъ его былъ не иноземцемъ, какъ это утверждали его враги, а аѳиняниномъ, мать его также была

афинянкoй. Онъ самъ всегда пользовался правами гражданства; доказательствомъ этому служить то обстоятельство, что онъ былъ жрецомъ въ своемъ собственномъ демѣ. Онъ указываетъ также, что при пересмотрѣ списковъ были допущены и другія злоупотребленія: „Вотъ, напримѣръ, братья отъ однихъ и тѣхъ же отца и матери: нѣкоторые изъ нихъ вычеркнуты изъ списка, другіе—нѣтъ. Вотъ несчастные старцы, подвергшіеся исключенію, тогда какъ сыновья ихъ оставлены. Но послушайте о еще худшемъ. Нѣкоторые иноземцы хотѣли сдѣлаться гражданами. Сторонники Эвбулида приняли ихъ за извѣстную плату, которую подѣлили между собой по 5 драхмъ (около 1 р. 85 к.) на человѣка. Число принятыхъ за деньги или отвергнутыхъ соучастниками Эвбулида — очень значительно. Отецъ послѣдняго Антифилъ, будучи демархомъ ¹⁾, нѣкогда воспользовался тѣмъ же приемомъ, чтобы вынудить многихъ лицъ давать ему деньги. Онъ заявилъ, что общественный списокъ утраченъ, и заставилъ жителей дема проголосовать другъ друга; при этомъ его нападкамъ подверглось 10 человѣкъ, которые и были исключены; но судъ возстановилъ всѣхъ, кромѣ одного, въ ихъ правахъ“. (58—60).

9. Гражданинъ.

Гражданиномъ назывался человѣкъ, который пользовался гражданскими и политическими правами во всей полнотѣ. Гражданскія права состояли въ правѣ вступать въ законный бракъ, владѣть земельнымъ и движимымъ имуществомъ, лично являться на судъ для защиты своего дѣла. Политическія права состояли въ правѣ принимать участіе въ народномъ собраніи, выступать на немъ съ рѣчами и занимать общественныя должности.

Гражданскими правами въ аристократическихъ государствахъ пользовались всѣ свободные взрослые люди, кромѣ иностранцевъ, но не всѣ обладали политическими правами. Такъ, напримѣръ, въ Афинахъ, даже послѣ Солона, общественныя должности предоставлялись членамъ богатыхъ или

¹⁾ Демархъ—см. ниже § 12.

состоятельныхъ классовъ. Бѣдные совершенно не могли пользоваться властью. Почти повсюду участіе въ управленіи предполагало, что человѣкъ удовлетворяетъ извѣстнымъ условіямъ происхожденія и богатства. Развитіе демократіи и состоитъ именно въ томъ, что мало-по-малу были уничтожены всѣ эти преграды. Такова характерная черта внутренней исторіи Аѳинъ. Но даже и въ Аѳинахъ, если взять общее число населенія, граждане составляли лишь незначительное меньшинство. На 500.000 человѣкъ ихъ приходилось не болѣе 20.000, и то, по мнѣнію нѣкоторыхъ, это было слишкомъ много. Во время господства олигархіи Четырехсотъ ¹⁾ количество гражданъ доходило до 5.000. Въ Спартѣ развитіе шло обратнымъ порядкомъ. Первоначально, какъ говорятъ, тамъ было 9.000 гражданъ, но цифра эта однажды опустилась до 700 человѣкъ.

Лишеніе гражданскихъ правъ, или атимія, было однимъ изъ наказаній, широко примѣнявшихся судами. Существовали различныя степени этого лишенія. Иногда дѣло сводилось къ утратѣ всѣхъ политическихъ правъ или только части ихъ, иногда оно распространялось и на гражданскія права. Наказаніе могло быть то временнымъ, то безсрочнымъ, то даже наслѣдственнымъ. Это находилось въ зависимости отъ свойства совершеннаго преступленія. Во всѣхъ греческихъ государствахъ число *ἄτιμοι* было чрезвычайно велико. Иногда они получали амнистію и возвращались тогда къ своему первоначальному положенію, но каждому отдѣльному *ἄτιμος* было очень трудно добиться возстановленія правъ. Для этого требовалось выполнить почти тѣ же самыя формальности, какъ и при дарованіи правъ новому гражданину.

10. Порабощеніе гражданина государствомъ.

Основой государства-города являлась религія, а внутреннее устройство его было подобно церкви. Отсюда—его сила, а также его всемогущество и безграничная власть надъ его членами. Въ обществѣ, основанномъ на такихъ

¹⁾ Въ началѣ V вѣка.

началахъ, личная свобода не могла существовать. Гражданинъ во всѣхъ отношеніяхъ и безъ всякихъ оговорокъ принадлежалъ государству и былъ всецѣло подчиненъ ему. Религія, породившая государство, и государство, поддерживавшее религію, оказывали другъ другу помощь и составляли какъ бы одно цѣлое. Эти двѣ вступившія въ союзъ и слившіяся силы приобрѣли почти сверхчеловѣческое могущество и поработили себѣ равнымъ образомъ и душу и тѣло человѣка.

Зависимость распространялась на всѣ стороны человѣческаго существованія. Тѣло грека принадлежало государству и было вручено его защитѣ. Состояніе его всегда находилось въ распоряженіи государства. Если государство испытывало нужду въ деньгахъ, оно могло приказать женщинамъ отдать ему свои драгоценности, кредиторамъ — передать ему ихъ закладныя, собственникамъ оливковыхъ деревьевъ—уступить ему бесплатно добытое ими масло.

Это всемогущество государства распространялось и на частную жизнь. Во многихъ греческихъ государствахъ мужчинѣ запрещалось оставаться холостымъ. Въ Спартѣ наказаніе несъ не только тотъ, кто не вступалъ въ бракъ, но даже и тотъ, кто женился поздно. Въ Аѳинахъ государство могло предписать быть дѣятельнымъ, въ Спартѣ—ничего не дѣлать. Тираннія государства доходила до вмѣшательства въ мельчайшія подробности частной жизни: въ Локрахъ мужчинамъ по закону воспрещалось пить чистое вино, въ Милетѣ и Массилии это запрещеніе касалось женщинъ. Законодательныя постановленія относительно одеждъ были обычнымъ явленіемъ въ каждомъ городѣ. Законодательство Спарты устанавливало женскія прически. Въ Аѳинахъ законы воспрещали женщинамъ брать въ путешествіе болѣе трехъ платьевъ. Въ Родосѣ запрещалось бритье бороды, въ Византіи законъ наказывалъ штрафомъ людей, державшихъ у себя дома бритву; въ Спартѣ, наоборотъ, требовалось сбривать усы.

Государство пользовалось правомъ не допускать существованія гражданъ съ безобразной наружностью или калѣкъ. Оно могло приказать отцамъ, у которыхъ родились

уродливыя дѣти, умертвить ихъ. Это постановленіе находится въ древне-спартанскомъ сводѣ законовъ Намъ неизвѣстно, существовало ли оно въ Аѳинахъ. Мы знаемъ только, что оно было включено Аристотелемъ и Платономъ въ ихъ идеальное законодательство.

Плутархъ и Руссо ¹⁾ приходили въ восторгъ отъ одной черточки въ спартанской исторіи. Когда Спарта потерпѣла пораженіе при Левктрахъ, многіе изъ ея гражданъ погибли. При этомъ извѣстіи родственники погибшихъ должны были являться публично съ веселыми лицами. Мать, узнавшая, что сынъ ея избѣгъ гибели и скоро будетъ съ нею, проявляла печаль и плакала. Та же, которая получала извѣстіе, что она не увидитъ больше своего сына, выражала радость и обходила храмы, принося благодарность богамъ. Какова, слѣдовательно, была власть государства, если оно требовало извращенія естественныхъ чувствъ, и требованіямъ этимъ покорялись!

Государство не допускало проявленія равнодушія къ его интересамъ. Философъ, человѣкъ науки не пользовался правомъ жить вдали отъ общественныхъ дѣлъ. Онъ долженъ былъ участвовать въ голосованіяхъ и выполнять обязанности должностного лица, когда наступала его очередь. Государство не разрѣшало гражданину въ эту эпоху частыхъ общественныхъ смуть занимать нейтральное положеніе: онъ долженъ былъ сражаться съ той или другой партіей. Люди, желавшіе оставаться въ сторонѣ отъ партій и пользоваться покоемъ, подлежали по закону суровымъ наказаніямъ съ лишеніемъ права гражданства...

Въ Греціи не существовало свободы вѣроисповѣданія. Каждый человѣкъ обязанъ былъ вѣрить въ боговъ своего государства и поддерживать его религію; боговъ сосѣднихъ государствъ и городовъ можно было презирать и ненавидѣть. Свобода вѣрить или не вѣрить предоставлялась человѣку только относительно боговъ, носящихъ общій или всемірный характеръ, какъ, на примѣръ, Зевсъ-Небожитель. Сомнѣнія же въ Аѳинѣ-Палладѣ, Эрехтеѣ или

¹⁾ Плутархъ—см. вып. I, стр. 11, прим.—Руссо — знаменитый французскій писатель XVIII вѣка.

Кекропсѣ совершенно не допускались: это почиталось великимъ нечестіемъ, наносившимъ одновременно ударъ и религіи, и государство сурово карало его. За такое преступленіе Сократъ поплатился жизнью. Древнимъ была совершенно чужда свобода мысли примѣнительно къ государственной религіи: каждый былъ обязанъ сообразоваться со всѣми правилами культа, участвовать во всѣхъ процессіяхъ и въ священнѣхъ трапезахъ. Тѣ, кто не принималъ участія въ религіозныхъ національныхъ празднествахъ, подлежали, согласно аѣинскому законодательству, наказанію.

По отношенію къ гражданамъ государство пользовалось не только правомъ привлекать къ судебной отвѣтственности, какъ въ нашихъ современныхъ государствахъ. Оно могло карать и людей ни въ чемъ неповинныхъ только на томъ основаніи, что этого требовали государственные интересы. Аристидъ ¹⁾, конечно, не совершилъ никакого преступленія, его даже не подозрѣвали въ этомъ, но государство имѣло право изгнать его со своей территоріи только по тому соображенію, что своими добродѣтелями онъ приобрѣлъ слишкомъ большое вліяніе, и если бы захотѣлъ, то могъ бы сдѣлаться опаснымъ для государства. Подобное изгнаніе называлось остракизмомъ. Это учрежденіе свойственно было не только Аѣинамъ, его можно видѣть въ Аргосѣ, Мегарѣ, Сиракузахъ; Аристотель даетъ указаніе, что оно существовало во всѣхъ греческихъ государствахъ-городахъ съ демократическимъ устройствомъ. Остракизмъ не былъ наказаніемъ, но являлся мѣрой предосторожности государства противъ гражданина, котораго оно подозрѣвало въ возможности причинить ему когда-нибудь безпокойство. Въ Аѣинахъ можно было подвергнуть человѣка преслѣдованію и присудить къ наказанію за отсутствіе гражданскихъ добродѣтелей, т. е. за недостатокъ любви къ государству. Лишь только дѣло касалось интересовъ города, то жизнь человѣческая не была обезпечена ничѣмъ.

¹⁾ Аристидъ—см. вып. II, стр. 6, прим. 1.

Такимъ образомъ, среди всѣхъ человѣческихъ заблужденій особенно ошибочной является мысль, что въ греческихъ государствахъ человѣкъ пользовался свободой. Эллинъ не имѣлъ даже представленія о ней и не предполагалъ, чтобы по отношенію къ государству и его богамъ можно было обладать какими-то правами. Государство неоднократно измѣняло форму правленія, но сущность оставалась болѣе или менѣе та же самая, и всемогущество его нисколько не уменьшалось. Правительство могло называться поочередно монархіей, аристократіей, демократіей, но ни одно изъ этихъ превращеній не давало людямъ настоящей личной свободы. Пользоваться политическими правами, подавать голосъ, назначать должностныхъ лицъ, имѣть возможность сдѣлаться архонтомъ—вотъ что называлось свободой, но порабощеніе человѣка государствомъ отъ этого не уменьшалось.

(Fustel de Coulanges. *La cité antique*, кн. III, гл. XVIII).

11. Общественныя трапезы въ Спартѣ.

Нигдѣ общественная дисциплина не была такъ строга, какъ въ Спартѣ. Государство тамъ устанавливало распорядокъ жизни гражданъ до мельчайшихъ подробностей. Оно запрещало имъ, на примѣръ, всякій трудъ, всякое прибыльное занятіе. Оно стремилось, чтобы спартаецъ думалъ только о своихъ гражданскихъ или военныхъ обязанностяхъ. Оно возлагало на него даже обязанность обѣдать сообща съ другими.

„Общественныя трапезы“, говоритъ Плутархъ, „лакедемоняне называютъ фидитіями. За каждый столъ садилось около 15 человѣкъ... Каждый изъ сисситовъ¹⁾ приносилъ ежемѣсячно медимнъ ячменной муки (78 литровъ), восемь хой вина (39 литровъ), пять минъ сыру (3 килограмма), двѣ съ половиной мины фигъ и нѣсколько денегъ для покупки другихъ припасовъ. Кромѣ того, когда кто-либо изъ гражданъ приносилъ жертву, онъ посылалъ въ

¹⁾ Сисситъ—участникъ общей трапезы, сисситія.

сисситій первыя принесенныя въ жертву части, а кто ходилъ на охоту, посылалъ часть добычи.

„Если кто опаздывалъ за жертвоприношеніемъ или на охотѣ, тому было дозволено ѣсть дома; всѣ прочіе должны были присутствовать за общественной трапезой. Долгое время спартанцы точно сохраняли этотъ обычай; когда, напримѣръ, царь Агисъ, возвратившись изъ одного похода, во время котораго онъ одержалъ побѣду надъ аѳинянами, желая пообѣдать вмѣстѣ съ женой, послалъ за своей частью, полемархи ея не отпустили.

„Дѣти тоже посѣщали сисситіи; ихъ водили туда, какъ въ школу, гдѣ они должны были учиться мудрости. Тамъ они слушали разговоры объ общественномъ устройствѣ и, имѣя передъ собой наставниковъ въ умѣньи держать себя, привыкали шутить, насмѣхаться безъ грубости и переносить насмѣшки хладнокровно..

„Старшій изъ членовъ сисситія говорилъ каждому входящему, показывая на дверь: „за эту дверь не должно выходить ни одно слово!“

„Когда кто-нибудь желалъ сдѣлаться членомъ сисситія, то онъ подвергался, какъ говорятъ, слѣдующему избранію: всякій изъ сисситовъ бралъ въ руки шарикъ изъ хлѣба и кидалъ его, не говоря ни слова, въ вазу, которую одинъ изъ слугъ обносилъ вокругъ всего стола на головѣ; кто хотѣлъ сказать *да*, тотъ просто бросалъ шарикъ; кто отвергалъ, тотъ, прежде чѣмъ бросить шарикъ, сдавливалъ его сильно въ рукѣ.. Если находили хоть одинъ сдавленный шарикъ, то уже не принимали избравшагося, потому что желали, чтобы всѣ собесѣдники нравились другъ другу..

„Самое прославленное изъ ихъ блюдъ была черная похлебка. Старики, когда ее подавали, совсѣмъ отказывались отъ мяса, оставляя свою долю молодымъ, а сами наливали себѣ похлебки. Одинъ понтійскій царь купилъ, говорятъ, спартанскаго повара собственно для черной похлебки, но когда онъ ее попробовалъ, то разсердился. „Государь“, сказалъ ему поварь, „чтобы ѣсть эту похлебку, нужно испугаться прежде въ Эвротѣ“.

„Они пили вина немного и расходились безъ огня. Спар-

танцамъ не позволено ходить съ огнемъ по улицамъ ни въ этомъ случаѣ, ни въ какомъ другомъ для того, чтобы они ходили безъ страха ночью и во мракѣ“¹⁾).

(Плутархъ. Ликургъ, 12. Переводъ подъ ред. Герье).

12. Демы и филы.

Каждый гражданинъ входилъ въ составъ дема и филы²⁾). Извѣстно названіе болѣе 150 демовъ, которые распались на 10 филъ.

Демъ являлся опредѣленной частью государственной территоріи; это была община, имѣвшая двойкій характеръ: сообщества и административнаго подраздѣленія. Не всѣ демы пользовались одинаковымъ значеніемъ, но всѣ они имѣли тождественное устройство. Во главѣ каждаго изъ нихъ стояло особое лицо, демархъ—нѣчто въ родѣ избираемаго головы, и множество чиновниковъ по гражданскимъ и религіознымъ дѣламъ. Каждый демъ имѣлъ свои мѣстные культы, свое имущество, бюджетъ и свои собственные праздники. Дѣлами его вѣдали всѣ граждане, входящіе въ демъ.

Что касается филы, то она не была территориальнымъ участкомъ, но просто совокупностью демовъ, собранныхъ произвольно изъ разныхъ областей страны. Вотъ названія 10 аттическихъ филъ: эрехтейская, эгейская, пандіонисская, леонтисская, акамантисская, энейская, кекропская, гиппотонтійская, зантійская, антиохійская. Онѣ также имѣли своихъ должностныхъ лицъ, свои особые доходы и собранія.

Вотъ постановленіе одной филы (*Corpus inscript. Attic.*, т. II, 564):

„Антисоенъ, сынъ Никандра, провелъ постановленіе, дающее возможность членамъ дема знать состояніе ихъ земель и заключающееся въ томъ, что два раза въ годъ владѣнія будутъ осматриваться должностными лицами (эпи-

¹⁾ Общественныя трапезы были также на о. Критѣ.

(Примѣч. автора).

²⁾ Онъ былъ членомъ также болѣе тѣсной группы, называемой фратріей. (Примѣч. автора).

мелетами), которыя должны удостовѣриться, обрабатываются ли земли согласно договору и на мѣстѣ ли границы... Принимая это во вниманіе, фила Эрехтеида постановила выразить одобреніе Антисоену и увѣнчать его золотымъ вѣнкомъ за его добродѣтели и справедливость, которую онъ постоянно проявляетъ по отношенію къ членамъ филы. Такъ какъ Антисоенъ имѣетъ единственную дочь, то эпимелеты должны принять ее подъ особое покровительство. Если она будетъ въ чемъ-нибудь нуждаться, то эпимелеты обязаны довести объ этомъ до свѣдѣнія филы во время собранія, и не должны допускать, чтобы кто-нибудь причинилъ дочери Антисоена обиду“.

Постановленіе дема (тамъ же, 579):

„Филоктемонъ, сынъ Хремета, предлагаетъ: Принимая во вниманіе, что Демократъ, сынъ Эвфилета, и Гегезій, сынъ Лизистрата, которые несли расходы по содержанію хора, хорошо выполнили свою обязанность, айксонцы постановили выразить имъ одобреніе и присудить каждому изъ нихъ золотой вѣнокъ въ 30 драхмъ (около 11 руб.) въ благодарность за ихъ трудъ и усердіе по отношенію къ членамъ дема. Демархъ Дороеей и казначеи выдадутъ имъ изъ доходовъ дема для жертвоприношенія 10 драхмъ (около 3 р. 70 к.). Демархъ Дороеей долженъ позаботиться, чтобы это постановленіе было высѣчено на каменной стелѣ и выставлено въ театрѣ, чтобы будущіе хореги ¹⁾ знали, какъ айксонцы вознаграждаютъ за усердіе“.

13. Любовь къ свободѣ.

„Тираннія—тягчайшее бѣдствіе для государства. Прежде всего, тогда среди гражданъ царствуетъ не законъ, а распоряжается, по своему произволу тираннъ; онъ одинъ—полновластный повелитель, равенства болѣе не существуетъ. Наоборотъ, при господствѣ закона и богатый и бѣднякъ имѣютъ одинаковыя права; болѣе слабый можетъ отвѣчать сильному на его оскорбленіе, и маленькій человѣкъ

¹⁾ Хореги — см. вып. IV, стр. 68, прим.

имѣть возможность одержать предъ судомъ верхъ надъ большимъ.

„Свободенъ тотъ народъ, гражданъ котораго спрашиваютъ: „Кто желаетъ высказаться для блага республики?“ Кто хочетъ говорить—выходить; кто не хочетъ—хранить молчаніе. Въ чемъ можетъ быть большее равенство? Тамъ, гдѣ верховная власть принадлежитъ народу, считается за счастье, если въ его средѣ есть доблестные граждане. Для тиранна же, наоборотъ, они—предметъ безпокойства; самыхъ прославленныхъ изъ нихъ, способныхъ размышлять, онъ подвергаетъ гибели, потому что трепещетъ за свою власть. Какъ же государство можетъ быть сильнымъ, если въ немъ властвуетъ человѣкъ, который, какъ жнецъ, пожинающій весенніе колосья въ полѣ, уничтожаетъ юношескую отвагу? Для чего же собирать богатства и зарабатывать хлѣбъ дѣтямъ, если трудишься для обогащенія тиранна!“

(Эврипидъ. Молящія о защитѣ, 429 и сл.).

14. Обязанность гражданина защищать національныя учрежденія.

Въ 409 г. до Р. Х. аѳиняне приняли слѣдующій законъ, свидѣтельствующій, какъ далеко простиралась обязанность почитать и защищать установленныя учрежденія.

„Если какой-нибудь человѣкъ ниспровергнетъ демократію въ Аѳинахъ или послѣ ниспроверженія ея будетъ занимать какую-нибудь общественную должность, то да будетъ онъ почтенъ врагомъ аѳинскаго народа: его можно безнаказанно убить, а его имущество будетъ конфисковано, за исключеніемъ десятой части для богини Аѳины. Убийца со своими соучастниками будутъ считаться чистыми и незапятнанными. Каждый аѳинянинъ, совершая жертвоприношеніе, долженъ клясться убить его.

Клятва должна быть такова: „Клянусь причинять, если буду имѣть возможность, всяческій вредъ, словомъ или дѣломъ, участіемъ въ голосованіи или собственною рукою, всякому человѣку, который ниспровергнетъ демократію въ Аѳинахъ или приметъ послѣ ниспроверженія ея какую-

нибудь общественную должность, который будет стремиться къ тиранніи или помогать тиранну. Если его убьетъ кто-нибудь другой, я буду смотрѣть на убійцу, какъ на чело­вѣка, незапятнаннаго въ глазахъ боговъ и демоновъ, потому что онъ убилъ врага аѳинскаго народа. Я продамъ все имущество убитаго и половину отдамъ убійцѣ, не удержавъ изъ нея ничего. Если же какой-нибудь чело­вѣкъ, во время убійства или покушенія на убійство одного изъ этихъ преступныхъ людей, самъ лишится жизни, я буду проявлять по отношенію къ нему и его дѣтямъ благодар­ность, какъ это дѣлается по отношенію къ Гармодію и Аристогитону ¹⁾ и ихъ потомкамъ“.

Такова установленная закономъ клятва, которую должны давать всѣ аѳиняне передъ праздникомъ Діониса во время закланія *отборныхъ жертвъ*, призывая на вѣрныхъ этой клятвѣ всевозможныя блага, а на клятвопреступниковъ и его близкихъ—гибель.

(Андокидъ ²⁾). О мистеріяхъ, 96—98).

15. Предпочтеніе, оказываемое правленію сред­няго класса общества.

„Есть три класса общества: богатые, которые бесполезны и помышляютъ только объ увеличеніи своихъ богатствъ. Затѣмъ люди, не имѣющіе ничего и нуждающіеся въ самомъ необходимомъ; они буйны, а въ особенности—завистливы, всегда готовы упрекать состоятельныхъ, и злонамѣренныя вожди легко ловятъ ихъ на удочку своими рѣчами. Спасеніе же государства—въ среднемъ классѣ, который под­держиваетъ установленный порядокъ“.

(Эврипидъ. Мо­лящія о защитѣ, 238 и сл.).

„Наилучшее государственное общеніе — то общеніе, ко­торое достигается черезъ посредство средняго элемента; и тѣ государства имѣютъ наилучшій строй, гдѣ средній эле-

¹⁾ Гармодій и Аристогитонъ—убійцы тиранна Гиппарха.

²⁾ Андокидъ—аѳинскій ораторъ конца V и начала IV в. до Р. Х.

ментъ представленъ въ большемъ количествѣ, гдѣ онъ пользуется бѣльшимъ значеніемъ сравнительно съ обоими крайними элементами или, по крайней мѣрѣ, сильнѣе каждаго изъ нихъ, въ отдѣльности взятаго. Соединившись съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ крайнихъ элементовъ, средній элементъ пріобрѣтеть вліяніе и воспрепятствуетъ образованію противоположныхъ крайностей. Поэтому-то величайшимъ благополучіемъ для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью среднею, но достаточною; а въ тѣхъ случаяхъ, когда одни владѣютъ слишкомъ многимъ, другіе же ничего не имѣютъ, возникаетъ либо крайняя демократія, либо олигархія въ чистомъ видѣ, либо тираннія“. (Аристотель. Политика, IV, 9, 8, пер. Жебелева).

16. Демократическія учрежденія.

„Мы должны признать слѣдующіе признаки характерными для демократическаго строя: всѣ магистраты избираются изъ всего состава гражданъ; всѣ властвуютъ надъ каждымъ въ отдѣльности взятымъ, и этотъ послѣдній, когда до него дойдетъ очередь, властвуетъ надъ всѣми; магистратуры замѣщаются по жребію либо всѣ безъ исключенія, либо за исключеніемъ тѣхъ, которыя требуютъ спеціальнаго опыта и знанія; замѣщеніе магистратуръ не обусловлено никакимъ имущественнымъ цензомъ или цензомъ самымъ невысокимъ; никто не можетъ отправлять одну и ту же магистратуру дважды, за исключеніемъ только немногихъ магистратуръ военнаго характера; всѣ магистратуры, либо тѣ, гдѣ это представляется возможнымъ, краткосрочны; судебная власть принадлежитъ всѣмъ, и избираются судьи изъ всего состава гражданъ; компетенція судей охватываетъ всякаго рода дѣла или большую часть ихъ, именно важнѣйшія и существеннѣйшія, какъ-то: принятіе отчетовъ отъ должностныхъ лицъ, утвержденіе и расторгненіе государственныхъ и частныхъ контрактовъ. Народное Собраніе представляетъ собою верховную власть въ государствѣ во всѣхъ дѣлахъ, его касающихся; ни одинъ магистратъ такой

верховой власти не имѣть ни въ какомъ дѣлѣ или, въ крайнемъ случаѣ, въ самомъ ограниченномъ кругѣ дѣлъ“ (Аристотель. Политика, VI, 1, 8, пер. Жебелева).

На этихъ-то принципахъ и основывалась афинская демократія. Доступъ въ Народное Собраніе былъ открытъ для всѣхъ гражданъ, начиная съ 20-лѣтняго возраста. Для привлеченія къ участию въ немъ даже самыхъ бѣдныхъ придумали выдавать каждому пришедшему на засѣданіе сначала одинъ оболъ (около 6 коп.), впослѣдствіи—три обولا. Засѣданія бывали очень многочисленны. Они вѣдали назначеніе должностныхъ лицъ, изданіе законовъ, постановленія о войнѣ и мирѣ, судопроизводство по нѣкоторымъ преступленіямъ и проступкамъ, и дѣйствительно руководили всей внѣшной и внутренней политикой республики.

Совѣтъ, который состоялъ изъ 500 членовъ, назначенныхъ по жребію изъ гражданъ не моложе 30 лѣтъ, разсматривалъ предварительно всѣ представляемыя на разсмотрѣніе народа предложенія, но не имѣлъ права отвергать ихъ, налагая на нихъ свое запрещеніе. Кромѣ того, онъ контролировалъ всѣхъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ различными административными должностями. Члены Совѣта выполняли свои обязанности только въ теченіе одного года и получали ежедневное содержаніе въ 5 оболовъ (около 30 коп.). Должности распредѣлялись по выборамъ или по жребію. Для того, чтобы занимать ихъ, не требовалось ни обладать опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ, ни представить доказательство своихъ способностей въ исполненіи этого дѣла или же освѣдомленности въ немъ. Достаточно было представить удостовѣреніе въ хорошей жизни и доброй нравственности. Занимать эти должности можно было только одинъ годъ, и каждая изъ нихъ выполнялась сразу нѣсколькими лицами: такъ, напри- мѣръ, исполнительная власть была въ рукахъ у 10 страте- говъ одновременно.

Человѣкъ, занимавшій въ Афинахъ какую-либо долж- ность, не пользовался никакой собственной властью; онъ былъ только исполнителемъ пожеланій народа, по отношенію къ которому и находился въ полной зависимости. Онъ

обязанъ былъ давать отчетъ въ своихъ поступкахъ не только по окончаніи службы: въ теченіе года его дѣйствія разсматривались 10 разъ, и вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли отрѣшить его отъ должности, ставился на голосованіе. Однимъ словомъ, народъ и въ теоріи и на практикѣ былъ носителемъ верховной власти. Онъ былъ источникомъ всякой власти и управлялъ государствомъ не черезъ представителей, а прямо и непосредственно.

17. Аѳинское Народное Собраніе по изображенію комическихъ поэтовъ.

Народное Собраніе состояло главнымъ образомъ изъ пирейскихъ ¹⁾ и аѳинскихъ ремесленниковъ и торговцевъ. Жившіе же въ отдаленіи отъ Аѳинъ землевладѣльцы за неимѣніемъ досуга могли пріѣзжать туда только въ исключительныхъ случаяхъ. Съ того времени, когда стали платить за посѣщеніе Народнаго Собранія, т. е. съ начала IV вѣка, оно было наводнено самими бѣдными гражданами, которые раньше воздерживались отъ этого, вѣроятно, въ силу необходимости зарабатывать себѣ ежедневное пропитаніе. Такимъ образомъ, важнѣйшіе интересы государства зависѣли отъ большинства голосовъ пролетаріата. Аристофанъ даетъ смѣшной примѣръ этого явленія въ своей комедіи „Женщины въ Народномъ Собраніи“. Женщины, переодѣвшись въ мужское платье, заполняютъ Пниксъ и смѣшиваются съ толпою гражданъ, шедшихъ на обсужденіе дѣлъ. Ихъ глава Праксагора вноситъ предложеніе: передать отнынѣ разрѣшеніе всѣхъ дѣлъ женщинамъ. Тогда, рассказываетъ очевидецъ, толпа сапожниковъ, т. е. пролетаріевъ, начинаетъ апплодировать; крестьяне, какъ люди, обладающіе болѣе здравымъ смысломъ, выражаютъ несогласіе ропотомъ, но они терпятъ пораженіе, такъ какъ находятся въ меньшинствѣ. Вотъ какъ, по словамъ Аристофана, рѣшались дѣла въ ту эпоху.

Могли ли быть приняты обдуманная и осторожная мѣропріятія въ такомъ собраніи невѣжественныхъ и въ силу

¹⁾ Пирей - см. вып. III. стр. 13, прим. 2.

своей бѣдности неотвѣтственныхъ гражданъ? Всѣ эти афиняне, которые въ отдѣльности въ повседневной жизни были такъ умны, разсудительны, собравшись на Пниксѣ, казались ротозѣями, которымъ можно было представить дѣло въ какомъ угодно освѣщеніи. Они выслушивали оратора среди шума и криковъ, среди апплодисментовъ и свистковъ, занимаясь въ то же время ѣдой и питьемъ, такъ что стражники, выполнявшіе роль полиціи въ этомъ собраніи, должны были иногда выводить оттуда наиболѣе безпокойныхъ членовъ; они слушали оратора и готовы были послѣдовать за тѣмъ, кто ловко сумѣетъ затронуть ихъ слабыя мѣста. Важныя государственныя дѣла интересовали ихъ меньше, чѣмъ вопросы относительно тѣхъ или иныхъ личностей. Если же они и занимались государственными вопросами, то только подъ вліяніемъ самообмана разгоряченнаго воображенія или инстинктивныхъ побужденій. Пониженіе цѣны на рыбу, которой они питались, затрагивало ихъ гораздо больше, чѣмъ заключеніе мира со Спартой.

Люди, на сторону которыхъ они становились, должны были заботиться только объ ихъ удовольствіяхъ или ихъ потребностяхъ. Народъ слушалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они угождали его страстямъ, и покидалъ ихъ, какъ только находилъ другихъ, которые умѣли лучше угождать ему. Толпа эта предпочла бы шарлатана, пообщавшаго ей пару хорошихъ сандалій и теплую тунику на зиму, человѣку, который завоевалъ какой-нибудь городъ. Она неумолима въ своей мести и слѣпа въ довѣріи. Сегодняшній ея идолъ завтра можетъ сдѣлаться ея жертвой. Напрасно вчерашній любимецъ пытался бы рабской угодливостью сохранить доброе расположеніе народа, напрасно бросался бы онъ къ его ногамъ и предлагалъ бы ему вытереть о свою голову его грязные пальцы. Вчерашній любимецъ уже утомилъ народъ, который съ удовольствіемъ смѣняетъ его на новаго.

Естественный эгоизмъ толпы увеличивается благодаря лести ея сановниковъ. Привыкнувъ смотрѣть на себя, какъ на самовластнаго господина, народъ заботится только о себѣ. Онъ одобряетъ лихоимство, изъ котораго можетъ

извлечь себѣ пользу, покровительствуетъ грабежамъ, въ которыхъ принимаетъ участіе, и превращаетъ законъ въ соучастника своихъ преступленій.

Легкость воображенія грековъ ведетъ къ тому, что народъ желаетъ постоянно то, чего у него нѣтъ. Сегодня—Пилось, завтра—Сицилію, послѣ-завтра—Карфагенъ. Вслѣдствіе своего невѣжества онъ вѣритъ, что все это возможно; невѣжество побуждаетъ его съ легкимъ сердцемъ ниспровергать установленный порядокъ. Онъ не могъ себѣ представить, что понятіе „управлять“ означаетъ что-либо другое, кромѣ непрерывнаго принятія и отмѣны закона, и сегодня онъ отвергаетъ мѣропріятія, которыя спѣшилъ принять вчера. Онъ игралъ законодательными постановленіями, какъ дѣти играютъ въ мячъ. Законы афинянъ въ этотъ періодъ похожи на паутину, сметаемую однимъ взмахомъ щетки, но снова появляющуюся за одну ночь. Если бы вы покинули Афины на три мѣсяца, то по возвращеніи не узнали бы ихъ. Большинство, о которомъ мы только-что говорили, привѣтствовало бы нелѣпое предложеніе Праксагоры только потому, что это была единственная еще не-испробованная новость.

Вкусивъ удовольствія быть верховнымъ повелителемъ и путемъ голосованія распоряжаться общественными должностями и управленіемъ, народъ не хотѣлъ уже отказываться отъ этого. Онъ тѣмъ сильнѣе держится за свою власть, чѣмъ труднѣе она ему достается и чѣмъ менѣе самъ онъ становится достоинъ ея. Онъ дѣлается ревнивымъ, подозрительнымъ, враждебно относится ко всему, что выходитъ изъ средняго уровня. Изъ боязни тиранніи онъ самъ становится тиранномъ. Въ памяти демократіи продолжаетъ жить яркое воспоминаніе о тираннѣ Гиппій, и знаменитые куплеты въ честь Гармодія ¹⁾ распѣвались въ качествѣ застольной пѣсни. Если изъ-за какого-нибудь пустяка богатый человѣкъ не понравится людямъ самаго низшаго класса, они начинаютъ видѣть въ немъ претендента на тираннію. Такимъ образомъ составляется группа подозритель-

¹⁾ Гармодій—одинъ изъ убійць тиранна Гиппій.

ныхъ. Доносъ на Клеона ¹⁾, какъ на тиранна, былъ сдѣланъ его соперникомъ, торговцемъ кровавыхъ колбасъ. Въ пьесѣ Аристофана „Осы“ хоръ старыхъ судей заподозриваетъ въ Бделиклеонѣ стремленіе къ тиранніи, потому что тотъ хочетъ помѣшать своему отцу быть судьей. Изобличая молодого аристократа, хоръ передаетъ сущность рѣчей демагоговъ: „Не очевидно ли для всѣхъ насъ, бѣдняковъ, что тираннія тайно прокрадывается къ намъ съ цѣлью овладѣть нами. Эхъ ты, презрѣнный, со своими длинными волосами, ты подъ разными увертками пытаешься лишить насъ возможности пользоваться законами республики. Ты хочешь повелѣвать одинъ!“ Хоръ старцевъ усматриваетъ въ заговорѣ женщинъ въ комедіи „Лизистрата“ тиранническую попытку. Въ концѣ концовъ въ Аѣинахъ только и говорятъ о заговорахъ. Тираннія вошла въ моду, обратилась въ ходкій товаръ, стала встрѣчаться на рынкѣ чаще солевой рыбы.

Такимъ образомъ, Народное Собраніе съ верховною властью, гдѣ господствуетъ безымянное большинство бѣдныхъ людей, занято только вопросомъ о томъ, какъ бы прожить на счетъ богатыхъ и обезпечить себѣ пріобрѣтенное значеніе. Вотъ какова была новая царская власть въ Аѣинахъ.

(С о у а т. Aristophane, стр. 69—72).

18. Засѣданіе аѣинскаго Народнаго Собранія.

Въ нижеслѣдующемъ отрывкѣ Эврипидъ подъ предлогомъ описанія аргосскаго Народнаго Собранія, на которомъ происходилъ судъ надъ Орестомъ, рисуетъ картину засѣданія Народнаго Собранія въ Аѣинахъ.

„Я оставилъ поля и входилъ въ городъ... Я увидалъ толпу, направляющуюся къ холму, на который по преданію Данай созвалъ гражданъ на Народное Собраніе. При видѣ такого стеченія я спросилъ одного гражданина: „Что такое происходитъ въ Аргосѣ? Не извѣстіе ли какое отъ не-

¹⁾ Клеонъ—вождь аѣинской демократіи V вѣка до Р. Х.

пріятеля взволновало весь городъ Даная?“ — „Не видишь развѣ Ореста, идущаго на поддержаніе борьбы, въ которой задѣта его жизнь“, отвѣчалъ онъ. Тогда глазамъ моимъ представляется неожиданное зрѣлище, и я молю боговъ никогда болѣе не видать его! Я увидалъ Пилада и твоего друга, приближающихся вмѣстѣ: одинъ убитый, истощенный болѣзнью, другой, словно братъ, огорченный не менѣе своего друга.

„Когда толпа аргейцевъ была въ сборѣ, глашатай всталъ и сказалъ: „Кто хочетъ взять слово и рѣшить, долженъ ли Орестъ жить или умереть послѣ убійства своей матери?“—Сейчасъ же встаетъ Талѣибій. Оставаясь на сторонѣ тѣхъ, у кого теперь въ рукахъ власть, онъ запутанно говорилъ, выхваляя твоего отца, но не хваля брата—примѣшивая осужденіе къ похвалѣ, онъ обвинялъ его въ установленіи пагубнаго примѣра для родителей; между тѣмъ онъ не переставалъ бросать довольные взоры въ сторону друзей Эгисѡа...

„Послѣ него говорилъ царь Діомидъ: онъ не хотѣлъ, чтобы Ореста убивали, и для удовлетворенія религіознаго долга предлагалъ наказать его изгнаніемъ. Громадное волненіе послѣдовало за этими словами, понравившимися однимъ и возмутившими другихъ. Затѣмъ всталъ необузданный болтунъ, сильный своею дерзостью, плохой аргеецъ, силою вошедшій въ составъ города, рассчитывающій на невоздержанность и безпорядочность своего языка и который непремѣнно ввергнетъ аргейцевъ въ какія-нибудь несчастія. Ибо, когда убѣждаетъ толпу человѣкъ, рѣчь котораго пріятна, а умъ одушевленъ дурнымъ чувствомъ, то это большое несчастье для государства... Аргеецъ стоялъ за то, чтобъ Орестъ былъ побитъ камнями. Тиндаръ внушалъ подобныя рѣчи всѣмъ, обрекавшимъ Ореста на смерть.

„Поднялся другой гражданинъ, поддерживавшій противоположную сторону: обиженный природою, но одаренный мужественнымъ сердцемъ, посѣщающій мало городъ и общественныя собранія, это былъ одинъ изъ тѣхъ простолюдиновъ, которые одни спасаютъ государство, къ тому

же искусный въ ораторскомъ состязаніи, когда то ему бываетъ угодно, неподкупный и съ незапятнанной жизнью. Онъ предложилъ наградить Ореста, сына Агамемнона, за то, что онъ, отомстивъ за отца, убилъ злую и нечестивую женщину...

„Люди порядочные одобрили эту рѣчь, и затѣмъ никто уже болѣе не говорилъ. Казалось, онъ былъ правъ, но не убѣдилъ народа, и побѣда осталась за злымъ закономъ, предложившимъ убить Ореста“.

(Э в р и п и д ѣ. Орестъ. Переводъ Чуйко, стр. 136—138).

19. Экстренное засѣданіе Народнаго Собранія.

Демосѡенъ такими словами рассказываетъ объ экстренномъ Народномъ Собраніи, созванномъ при извѣстїи, что Филиппъ Македонскій завладѣлъ Элатеей, пограничнымъ съ Аттикой городомъ.

„Быль вечеръ; вдругъ дошла вѣсть до притановъ, что Элатея занята. Тотчасъ они встали изъ-за обѣда, выгнали торговцевъ изъ площадныхъ палатокъ, зажгли палатки, пригласили полководцевъ, позвали трубача. Весь городъ исполнился тревоги. На слѣдующій день пританы звали думу на засѣданіе; а вы собирались на вѣче, и, прежде чѣмъ дума опредѣлила что-нибудь, весь народъ уже сидѣлъ на своихъ мѣстахъ. Когда потомъ пришла дума и пританы объявили вѣсть, привели самого вѣстника; когда вѣстникъ повторилъ ее, то глашатай спросилъ: „Кто хочетъ говорить?“, и никто не вышелъ.

„Глашатай нѣсколько разъ повторялъ свой вопросъ, а все никто не вставалъ, хотя были налицо всѣ полководцы, всѣ ораторы, хотя общій голосъ отчизны и требовалъ, кто бы сказалъ доброе слово: вѣдь тотъ голосъ, который по закону издаетъ глашатай, надлежитъ считать общимъ голосомъ отчизны. Кто же долженъ былъ выступить?.. Кажется, тотъ случай и тотъ день взывалъ не только къ преданному и богатому, но и къ слѣдившему за дѣлами съ самага начала и вѣрно понимавшему, ради чего, изъ ка-

кихъ видовъ такъ поступалъ Филиппъ... Вотъ почему въ тотъ день выступилъ я“...

Онъ предложилъ послать въ Фивы и вступить съ этимъ городомъ въ союзъ.

...„Всѣ одобрили меня, и никто мнѣ не противорѣчилъ, и съ тѣхъ поръ я мало того, что такъ говорилъ, что дѣлалъ разныя письменныя предложенія, что былъ посланъ въ Фивы, что склонилъ на нашу сторону еивянь: я отъ начала до конца велъ всѣ дѣла, жертвовалъ собой среди опасностей, грозившихъ отечеству“.

(Демосѳенъ. О вѣнкѣ, 169 и сл. Переводъ Ордынскаго).

20. Государственный человѣкъ V вѣка Периклъ.

„Пока онъ (Периклъ) стоялъ во главѣ государства, въ мирное время онъ руководилъ имъ съ должною умѣренностью и вполне охранилъ его безопасность. Государство достигло при Периклѣ наивысшаго могущества, а когда началась война, онъ и въ это время очевидно предусмотрѣлъ ея важность... Периклъ, сильный уваженіемъ и умомъ, безспорно неподкупнѣйшій изъ гражданъ, свободно сдерживалъ народную толпу, и не столько она руководила имъ, сколько онъ ею. Благодаря тому, что Периклъ пріобрѣлъ вліяніе не какими-либо неблаговидными средствами, онъ никогда не льстилъ массѣ и могъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ гнѣвомъ возражать ей, опираясь на общее уваженіе. Такъ, Периклъ всякій разъ, когда замѣчалъ въ аѳинянахъ заносчивость и, какъ слѣдствіе ея, несвоевременную отвагу, смирялъ ихъ до робости; наоборотъ, когда видѣлъ въ нихъ неосновательный страхъ, онъ возбуждалъ и внушалъ имъ отвагу. Народоправство оставалось по имени, а на дѣлѣ власть принадлежала первому гражданину. Премники Перикла были скорѣе равны между собою по достоинствамъ, въ то же время каждый изъ нихъ стремился занять первенствующее положеніе, и потому всѣ они угрожали народу и предоставляли ему самое управление государствомъ. Вслѣдствіе этого, какъ обыкновенно бываетъ

въ государствахъ большихъ и владычествующихъ надъ другими, сдѣлано было много ошибокъ“...

(Θукидидъ. II, 65. Перев. Θ. Мищенко).

21. Политическій дѣятель VI вѣка Гиперидъ.

Гиперидъ, какъ и большинство ораторовъ, сначала былъ логографомъ ¹⁾. Выполненіе этой обязанности было сопряжено со многими трудностями. Хотя обсужденіе юридическихъ вопросовъ требовало меньше учености и отличалось меньшей сложностью, чѣмъ въ наше время, зато, для обезпеченія успѣха защитительной рѣчи въ другихъ отношеніяхъ, необходимо было проявить гораздо большее искусство. Хорошая защитительная рѣчь должна была удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: лицо, произносившее рѣчь, необходимо должно было сохранять соотвѣтствующій его возрасту и положенію характеръ, научить и очаровать невѣжественныхъ и чуткихъ аѳинскихъ присяжныхъ, которые должны были произносить приговоръ, польстить ихъ политическимъ страстямъ въ тѣхъ значительныхъ процессахъ, на которые они являлись въ такомъ большомъ числѣ, что могли составить настоящее Народное Собраніе. Однако только въ рѣдкихъ случаяхъ можно было нарушать то веселое и фамиллярное изящество, которое обусловливалось какъ вкусами этихъ народныхъ судовъ, очень часто мѣнявшихъ свой составъ, такъ и необходимостью держаться въ предѣлахъ установленнаго времени, скупо отмѣриваемаго водяными часами.

Если, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ занятій этимъ ремесломъ, логографъ преуспѣвалъ въ немъ, онъ пріобрѣталъ громадную гибкость таланта, чувствовалъ себя господиномъ положенія въ качествѣ адвоката или политическаго оратора. Въ томъ случаѣ, когда онъ ограничивался представленіемъ своихъ юридическихъ знаній услугамъ частныхъ лицъ, онъ былъ обезпеченъ кліентами, съ которыхъ собиралъ обильную дань. Если же когда-нибудь у него являлось

¹⁾ Логографъ—см. ниже гл. X, § 7.

желаніе выступить на общественной площади, то онъ выказывалъ тутъ качества, наиболѣе любимыя аѳинянами: спокойствіе и естественность, богатство остроумной діалектики, тактъ и знаніе людей, наконецъ, то сдержанное изящество, которое онъ могъ развить практикой въ дѣлахъ, требовавшихъ только ума.

Въ Народномъ Собраніи онъ долженъ былъ говорить языкомъ, который мало отличался отъ языка, пользовавшагося успѣхомъ у судей при выступленіяхъ съ защитительными рѣчами. Впрочемъ, ораторъ не порывалъ съ адвокатурой, онъ часто игралъ въ ней роль, но уже не подъ чужой маской. Обстоятельства политической жизни часто заставляли его защищаться или обвинять по своимъ собственнымъ дѣламъ. Нерѣдко также ему приходилось лично являться въ судъ въ качествѣ друга, поддерживающаго обвинителя или обвиняемаго рѣчью, которая могла составить основную часть процесса. Онъ могъ воспользоваться этимъ средствомъ, чтобы доказать своей партіи преданность и создать или поддержать вліяніе въ своей филѣ. Такимъ образомъ даже въ интересахъ своей карьеры политическій дѣятель отдавалъ значительную часть энергіи борьбѣ на судебныхъ процессахъ; слѣдовательно, онъ имѣлъ прямую выгоду подготовиться къ этому дѣлу заранее.

По этому пути въ Аѳинахъ шли многіе ораторы, въ томъ числѣ и Демосѳенъ; тотъ же путь избралъ и Гиперидъ. Сначала онъ былъ только адвокатомъ, впослѣдствіи сдѣлался адвокатомъ и ораторомъ. Этимъ объясняется то значительное количество гражданскихъ защитительныхъ рѣчей, которое осталось послѣ него въ древнихъ сборникахъ. Судебныя дѣла, дѣла по наслѣдованію, споры между плательщиками налоговъ, процессы противъ тѣхъ лицъ, которыя недобросовѣстно подымали цѣны на съѣстные припасы, жалобы на оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ, тяжбы относительно водопроводовъ и границъ земельныхъ владѣній—вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ дѣлъ, по которымъ Гиперидъ проявлялъ свое краснорѣчіе передъ судьями. Онъ утверждаетъ самъ, что никогда никого не обвинялъ отъ своего собственнаго имени, но это заявленіе опровергается

однимъ процессомъ. Тѣмъ не менѣе едва ли онъ рѣшился бы въ концѣ своей карьеры охарактеризовать себя такимъ образомъ, если бы не чувствовалъ, что его относительная умѣренность служить подтвержденіемъ этого свидѣтельства.

Успѣхи, которые онъ пожиналъ на судахъ, дали ему возможность удовлетворять свои наклонности къ роскоши и къ удовольствіямъ. Дѣйствительно, даже среди общей распущенности афинскаго общества онъ выдѣляется своей особо дурной нравственностью. На-ряду съ воспоминаніями объ его безчинствахъ ему приписывалась страсть къ чревоугодію. Онъ ежедневно отправлялся на рыбный рынокъ, и современная ему комедія неоднократно высмѣивала его любовь къ рыбнымъ блюдамъ, такъ высоко цѣнимымъ древними гастрономами. Другой поэтъ изображаетъ его игрокомъ, а мы знаемъ, какое суровое осужденіе вызывалъ въ древности этотъ недостатокъ.

Таковъ былъ Гиперидъ въ своей частной жизни: онъ предавался всѣмъ искушеніямъ, связаннымъ съ распущенными нравами его вѣка; онъ былъ необузданъ въ своихъ страстяхъ, не заботился ни объ общественномъ мнѣніи, ни о своихъ обязанностяхъ, ни о своемъ достоинствѣ отца; онъ съ безумною расточительностью бросалъ деньгами, которыя зарабатывалъ своимъ краснорѣчіемъ. О происхожденіи этихъ денегъ современныя ему комедіи сообщали дурныя свѣдѣнія. Цѣнности подобныхъ обвиненій не слѣдуетъ ни преувеличивать, ни отрицать. Политическая сатира не всегда говоритъ правду, въ особенности въ театрѣ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что обвиненіе въ продажности являлось какъ бы профессиональной повинностью каждаго оратора. Къ какому изъ ораторовъ этой эпохи не прилагалось клички—продажный!

Одинъ Ликургъ пользовался прочно установленной репутаціей честнаго человека. Но и ему, согласно преданію, пришлось на смертномъ ложѣ защищаться отъ обвиненій своего преемника по управленію государственной казной, Менесехма. Съ другой стороны, у общественнаго мнѣнія было основаніе такъ легко высказывать подозрѣніе противъ ораторовъ. Часто значительнымъ источникомъ ихъ дохо-

довъ были общественныя дѣла. Иностранцы, желавшіе пріобрѣсти покровительство аѳинскаго народа, греческіе города и цари сѣверныхъ земель и Азіи, связанные своими интересами съ Аѳинами, платили бѣшенныя деньги за солѣйствіе оратору, который срывалъ апплодисменты на Пниксѣ. А казна нѣкоторыхъ государей или только сатраповъ, не говоря уже о персидскомъ царѣ, была несравнима по богатству съ казною маленькихъ греческихъ государствъ и даже самихъ Аѳинъ. По большей части это и было источникомъ высокаго положенія главнѣйшихъ ораторовъ, которые становились богатыми и знатными покровителями такихъ кліентовъ.

Вмѣстѣ со стратегами они составляли въ государствѣ своего рода высшій классъ, возбуждавшій одновременно и уваженіе и подозрѣніе. Подобно стратегамъ, они могли имѣть рѣшающее вліяніе на судьбы своей родины. Какъ и стратеги, они служили мишенью для обвиненій въ измѣнѣ, на нихъ обрушивалась народная месть и ненависть иностранцевъ. Наконецъ, подобно стратегамъ, они подъ видомъ законнаго вознагражденія часто заявляли о своемъ правѣ предаваться всѣмъ крайностямъ роскошной жизни и наслажденій. Возможность поддерживать это привилегированное положеніе стратегамъ и ораторамъ давали и враги и союзники: они доставляли имъ средства въ интересахъ и за счетъ своего отечества. Никто не искалъ съ бѣльшимъ жаромъ, чѣмъ Гиперидъ, этихъ выгодъ ораторской карьеры, но никто не шелъ съ большею рѣшимостью навстрѣчу опасностямъ и не проявлялъ столь мужественнаго сердца и болѣе энергичнаго патріотизма, чѣмъ онъ.

(J. Girard. *Études sur l'éloquence attique*, стр. 97—106).

22. Недостатки аѳинской демократіи.

„Мы опытни какъ на дѣлѣ, такъ и на словахъ, но такъ неразумительны, что измѣняемъ свое мнѣніе въ теченіе одного и того же дня относительно одного и того же вопроса. Придя на Народное Собраніе, мы подаемъ голосъ за то, что порицали до собранія, а затѣмъ, черезъ минуту, едва разойдясь, мы снова осуждаемъ именно то, за что подавали

голосъ. Мы, которые считаемъ себя мудрѣйшими изъ грековъ, выбираемъ себѣ всѣми презираемыхъ совѣтниковъ и дѣлаемъ ихъ полновластными руководителями общественныхъ дѣлъ, тогда какъ никто изъ насъ не рѣшился бы поручить имъ никакого своего частнаго дѣла. Но самое прискорбное заключается вотъ въ чемъ: тѣ люди, которыхъ мы считаемъ самыми испорченными гражданами, являются для насъ самыми вѣрными охранителями государства.

„Мы судимъ о метѣкахъ по патронамъ, которыхъ они себѣ избираютъ, и не думаемъ, что о насъ самихъ будутъ судить по тѣмъ лицамъ, какія управляютъ нами. Какъ мы не похожи на нашихъ предковъ: они однимъ и тѣмъ же людямъ ввѣряли управленіе республикой и предводительство войскомъ¹⁾: тотъ, кто можетъ дать намъ наилучшіе совѣты съ высоты трибуны, сумѣетъ принять и наилучшія рѣшенія, когда будетъ предоставленъ самъ себѣ. Мы, наоборотъ, считаемъ недостойными званія стратеговъ людей, совѣтамъ которыхъ слѣдуемъ въ наиболѣе важныхъ дѣлахъ, какъ будто они лишены разсудка; тѣхъ же, съ кѣмъ никто не пожелалъ бы совѣтоваться ни относительно частныхъ, ни относительно общественныхъ дѣлъ, мы посылаемъ за предѣлы государства съ войскомъ, передавая имъ неограниченную власть, какъ будто бы тамъ они будутъ болѣе разумны и болѣе способны принять участіе въ дѣлахъ цѣлой Греціи, чѣмъ здѣсь—въ дѣлахъ Аѳинъ!“

(Исократъ. Рѣчь о мирѣ, 52 и сл.).

23. Совѣтъ въ Спартѣ.

Руководящая роль въ жизни государства Спарты принадлежала Совѣту. Онъ состоялъ изъ 28 несмѣняемыхъ членовъ, достигшихъ по крайней мѣрѣ 60 лѣтъ.

¹⁾ Это означаетъ, что стратеги, на которыхъ лежало предводительство войскомъ во время войны, въ мирное время стояли во главѣ управленія. Въ IV вѣкѣ стратегамъ передавалась только военная власть, а руководство политикой перешло къ ораторамъ, т. е. къ такимъ лицамъ, которые, часто не имѣя никакихъ официальныхъ полномочій, пользовались благодаря своимъ рѣчамъ наибольшимъ вліяніемъ въ Народномъ Собраніи. (*Прим. автора*).

Вотъ какъ, согласно Плутарху, происходило избраніе ихъ. Когда народъ собирался, въ сосѣдномъ домѣ запиралась особая комиссія, такъ что она все слышала, но не могла ничего видѣть. Каждый кандидатъ проходилъ черезъ площадь въ порядкѣ, указанномъ ему жребіемъ. При его появленіи раздавались болѣе или менѣе радостные крики. Комиссія отмѣчала силу этихъ криковъ, издаваемыхъ въ честь различныхъ кандидатовъ, и провозглашала избраннымъ того, кому кричали всего сильнѣе¹⁾. „Новоизбранный ходилъ по храмамъ съ вѣнкомъ на головѣ; за нимъ шла цѣлая толпа молодыхъ людей, восхваляя и прославляя его, и много женщинъ, которыя въ пѣсняхъ превозносили его доблесть и называли его жизнь счастливой. Каждый изъ близкихъ ему людей угощалъ его, говоря: „Городъ честуетъ тебя этой трапезой“. Обойдя храмы, избранный отправлялся на общественную трапезу, гдѣ шло все, какъ обыкновенно, только ему давали еще и вторую порцію, которую онъ принималъ и клалъ въ сторону. По окончаніи трапезы онъ подзывалъ къ себѣ изъ числа своихъ родственницъ, стоявшихъ у дверей, ту, которую онъ уважалъ особенно, и, отдавая ей порцію, говорилъ: „Я самъ получилъ ее въ награду и даю ее тебѣ“. И удостоенную такого отличія торжественно сопровождали домой всѣ другія женщины и восхваляли ее“. (Плутархъ. Ликургъ, 26).

Вступленіе въ Совѣтъ было, по крайней мѣрѣ въ теоріи, высшей наградой за добродѣтельную и посвященную служенію обществу жизнь. Но Аристотель намекаетъ, что члены этого Совѣта часто были доступны подкупу. Во всякомъ случаѣ они именно держали управленіе государствомъ въ своихъ рукахъ.

24. Народное Собраніе въ Спартѣ.

Народное Собраніе, на которое допускались граждане начиная съ тридцатилѣтняго возраста, далеко не пользовалось тѣмъ значеніемъ, какъ въ Аѣинахъ. Оно собира-

¹⁾ Подобный способъ избранія примѣнялся до послѣдняго времени на одномъ изъ маленькихъ островковъ Архипелага. (Прим. автора).

лось только разъ въ мѣсяцъ, если не было крайней необходимости созвать его въ промежуткѣ между обычными сроками. Присутствовавшіе на собраніи стояли; это служить доказательствомъ, что обсужденіе дѣлъ не занимало много времени. Никакое частное лицо не имѣло права вносить въ Народное Собраніе какія-либо предложенія; обсужденію подвергались только проекты, представленные Совѣтомъ, который въ свою очередь вносилъ лишь предложенія, исходившія отъ эфоровъ.

Первоначально простые граждане не пользовались правомъ слова; дѣло ограничивалось только тѣмъ, что они выслушивали рѣчи членовъ Совѣта и должностныхъ лицъ; Собраніе должно было принять или отвергнуть предлагаемый законъ и не имѣло возможности вносить въ него поправки. Голосованіе, какъ и при выборахъ, происходило при помощи криковъ. Въ IV вѣкѣ, по всей вѣроятности, присутствующіе на собраніи имѣли право слова, и народъ имѣлъ возможность подвергнуть по своему усмотрѣнію разсматривавшіяся предложенія; но въ этомъ случаѣ члены Совѣта могли снять предложеніе съ очереди до его окончательнаго голосованія и помѣшать такимъ образомъ попыткѣ внести поправку.

Ясно, въ какой мѣрѣ спартанское Народное Собраніе отличалось отъ аѳинскаго. Въ принципѣ оно, какъ и аѳинское, обладало верховной властью, и всѣ важные вопросы подлежали его вѣдѣнію; но управляло государствомъ не оно. Въ вопросахъ законодательства оно имѣло только право утвержденія, въ управленіи—право контроля.

25. Царская власть въ Спартѣ.

Царей въ Спартѣ было два; эта власть принадлежала наследственно двумъ различнымъ фамиліямъ, ведшимъ свое происхожденіе отъ божественнаго Геракла и почти всегда враждовавшимъ между собой. Спартанцы всѣми силами поддерживали эту вражду съ цѣлью уменьшить дѣйствительную власть своихъ царей, которымъ они совершенно не довѣряли.

Тѣ знаки отличія, которыми окружали царей, поражали древнихъ. Геродотъ говоритъ: „Если совершается какое-либо жертвоприношеніе отъ имени государства, то цари садятся за пиршество первые, угощеніе начинается съ нихъ, и каждому изъ царей предлагается все въ двойной порціи сравнительно съ прочими участниками пиршества; они начинаютъ жертвенное возліянiе и получаютъ кожи принесенныхъ въ жертву животныхъ. Каждое новолуніе и седьмой день cadaго мѣсяца доставляется для обоихъ царей въ храмъ Аполлона по взрослому жертвенному животному, по медимну муки и по четверти вина; во всѣхъ состязательныхъ играхъ имъ предоставлены переднія почетныя мѣста... Смерть царя возвѣщается всадниками по всей Лаконикѣ, а по городу ходятъ женщины и бьютъ въ котелъ. По этому сигналу два свободныхъ челоуѣка изъ cadaго дома, мужчина и женщина, обязаны наложить на себя трауръ; не исполнившіе этого подвергаются тяжкому наказанію... (На похороны) собираются много тысячъ челоуѣкъ, сильно бьютъ себя по лицу и поднимаютъ громкій вопль, причитая каждый разъ, что умершій былъ самымъ доблестнымъ изъ царей. Если какой-нибудь царь умираетъ на войнѣ, то изготовляютъ его изображеніе и хоронятъ на прекрасно убранномъ ложѣ. Послѣ похоронъ никакихъ занятій не бываетъ въ теченіе 10 дней, и народъ не собирается для выборовъ, потому что всѣ въ это время пребываютъ въ траурѣ“. (Геродотъ. VI, 57—58. Переводъ Мищенко).

„Спартіаты“, прибавляетъ Ксенофонтъ (Управленіе лакедемонянъ, XV, 9), „хотятъ показать этимъ, что они почитаютъ своихъ царей не какъ людей, а какъ полубоговъ“.

Всѣ эти обычаи объясняются религіознымъ характеромъ, свойственнымъ царской власти въ Спартѣ и повсюду въ другихъ мѣстахъ. Политическая же власть ихъ никогда не была особенно значительна, а съ теченіемъ времени она все болѣе уменьшалась. Цари держали рѣчи въ Народномъ Собраніи, но не предсѣдательствовали на немъ; засѣдали въ Совѣтѣ, но пользовались въ немъ только однимъ голосомъ. Если

они и пріобрѣтали иногда извѣстное вліяніе въ правительствѣ, какъ, на примѣръ, Агезилай (въ IV вѣкѣ), то обязаны были этимъ не столько правамъ, связаннымъ съ ихъ саномъ, сколько своимъ личнымъ свойствамъ. Цари были могущественны, если умѣли заручиться расположеніемъ эфоровъ и Совѣта; въ противномъ случаѣ они оставались безсильными.

Они были естественными предводителями войска, и имъ обыкновенно принадлежало руководство военными предпріятіями. Но къ нимъ были приставлены два эфора, которые, не пользуясь правомъ дѣлать имъ какія-либо указанія, отмѣчали все, что видѣли. Со времени Пелопоннесской войны ¹⁾ наряду съ ними дѣйствовалъ особый совѣтъ, мнѣніемъ котораго они обязаны были руководиться. Наконецъ, если изъ Спарты получался тайный приказъ, вызывавшій ихъ домой, они обязаны были повиноваться.

Они ежемѣсячно давали присягу „царствовать согласно установленнымъ законамъ“. Черезъ каждая девять лѣтъ эфоры могли устранить царя отъ должности подѣ предложомъ какого-нибудь небеснаго знаменія, пока дельфійскій или олимпійскій оракулъ не укажетъ, достоинъ ли онъ пользоваться своимъ саномъ. Эфоры имѣли право когда угодно наложить на царя штрафъ; эта мѣра была примѣнена къ Агезилаю въ наказаніе за его популярность. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ цари должны были отдавать отчетъ, причемъ ихъ очень охотно отдавали подѣ судъ, и многіе изъ нихъ были лишены власти, подвергнуты изгнанію или приговорены по политическимъ причинамъ къ смертной казни.

26. Эфоры.

Эфоровъ было пять; назначеніе ихъ происходило ежегодно, но какимъ образомъ—мы не знаемъ; быть можетъ, въ этомъ случаѣ поступали такъ же, какъ и при назначеніи членовъ Совѣта. Они не должны были принадлежать непременно къ самымъ знатнымъ или богатымъ фамиліямъ. Аристотель отмѣчаетъ, что на эту должность попадали часто люди самага темнаго происхожденія. Эфоры были

¹⁾ Т. е. съ IV вѣка до Р. Х.

настоящими главами исполнительной власти. Все управленіе государствомъ сосредоточивалось въ ихъ рукахъ, если только они дѣйствовали въ согласіи съ Совѣтомъ.

Характеръ ихъ власти ярко обрисовывается въ двухъ слѣдующихъ событіяхъ.

Нѣкто Кинадонъ сталъ во главѣ заговора. Одинъ изъ его соучастниковъ измѣнилъ ему и донесъ на него эфорамъ. Эфоры тайно произвели слѣдствіе и безъ замедленія приступили къ дѣлу. Они и не подумали созвать Народное Собраніе, а наскоро собрали нѣсколькихъ членовъ Совѣта. Такъ какъ имъ не было извѣстно число заговорщиковъ и они боялись открытаго мятежа, то на Кинадона было возложено какое-то порученіе внѣ города; они приказали ему захватить съ собой нѣсколько молодыхъ людей, которыхъ ему укажетъ другое должностное лицо: это были надежные люди, получившіе необходимыя наставленія. Въ условленномъ мѣстѣ они арестовали Кинадона, вынудили у него имена главныхъ зачинщиковъ, сообщили ихъ эфорамъ, которые заключили заговорщиковъ въ тюрьму. (Ксенофонтъ. Гелленика, III, 3).

Въ концѣ Пелопоннесской войны побѣжденные аѳиняне просили мира. Они отправили пословъ къ царю Агису, расположившемуся лагеремъ въ Атикѣ. Агисъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ полномочій вступать въ переговоры; тогда аѳиняне пожелали вести ихъ со спартанскими властями. Когда послы достигли границы Спарты, то сообщили свои условія эфорамъ; но послѣдніе заявили, что эти условія не удовлетворяютъ ихъ, и отказались выслушивать пословъ. Тогда аѳиняне обратились къ Лисандру¹⁾, который, хотя и не былъ царемъ, больше всѣхъ способствовалъ пораженію аѳинянъ; онъ отвѣчалъ, подобно Агису, что „все зависитъ отъ эфоровъ“, и въ то же время осѣдомилъ послѣднихъ о попыткахъ воздѣйствовать на него. Въ Спарту отправлено было новое посольство, которому предоставлены неограниченныя полномочія. На этотъ разъ эфоры согласились начать переговоры и передали аѳиня-

¹⁾ Л и с а н д р ъ—спартанскій полководецъ.

намъ писанный текстъ предложеній, которыя подлежали принятію.

(Ксенофонтъ. Гелленика, II, 2; Плутархъ. Жизнь Лисандра, 14).

27. Борьба партій въ Греціи.

Во время Пелопоннесской войны вся Эллада была потрясена, потому что вездѣ происходили раздоры между партіями—народной и знати; первая призывала аоинянъ, вторая—лакедемонянъ... Призывы союзниковъ облегчались для всякаго, кто желалъ какой-либо переменъ съ цѣлью причинить вредъ противникамъ и извлечь выгоду для себя. И тогда вслѣдствіе междоусобицъ множество тяжкихъ бѣдъ обрушилось на государства,—бѣдъ, какія бывають теперь и будутъ повторяться всегда въ большей или меньшей степени, пока человѣческая природа останется тою же; бѣды эти различны по своимъ проявленіямъ въ зависимости отъ того, при какихъ обстоятельствахъ наступаетъ превратность судебъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Итакъ, междоусобная брань царила въ государствахъ; тѣ изъ нихъ, которыя почему-либо волновались позже, умудренныя предшествовавшими событіями, шли гораздо дальше въ крайностяхъ изобрѣтаемыхъ плановъ, въ коварствѣ, въ нападеніяхъ на враговъ и въ неслыханной мстительности. Извращено было по произволу общепринятое значеніе словъ въ примѣненіи къ поступкамъ: безразсудная отвага почиталась храбростью и готовностью къ самопожертвованію для друзей, а предусмотрительная нерѣшительность—трусостью подъ благовиднымъ покровомъ, разсудительность—предлогомъ къ безучастію, вниманіе въ каждое дѣло—неспособностью къ дѣйствию. Напротивъ, безумное рвеніе почиталось свойствомъ доблестнаго мужа, а осмотрительное обсужденіе—благовиднымъ предлогомъ къ уклончивости... Родство связывало людей меньше, нежели узы политическихъ кружковъ, такъ какъ соучастники послѣднихъ отваживались на все съ большою готовностью и безъ всякихъ отговорокъ... Отомстить за

обиду предпочиталось тому, чтобы не подвергаться обидѣ вовсе. Если, быть можетъ, ради примиренія и бывали клятвы, то онѣ давались обѣими сторонами только въ виду безвыходности положенія, когда не имѣлось уже никакихъ другихъ средствъ; но при удобномъ случаѣ, лишь только одна изъ сторонъ пріобрѣтала увѣренность въ силѣ и на другой сторонѣ замѣчала безпечность, она мстила съ тѣмъ бѣльшимъ наслажденіемъ, что противника, благодаря довѣрію къ клятвѣ, нападеніе застигало врасплохъ.

Источникъ всѣхъ этихъ золъ—жажда власти, которой добиваются люди изъ корысти и любви къ почестямъ, слѣдствіемъ чего является страстная ревность людей, разъ они начинаютъ враждовать между собою. И въ самомъ дѣлѣ, лица той или другой партіи, становившіяся во главѣ государства, выступали подъ благовидными именами, отдавая будто бы предпочтеніе то политическому равенству народной массы, то умѣренности правленія достойнѣйшихъ гражданъ, и, въ льстивыхъ рѣчахъ выставляя общее благо цѣлью личныхъ усилій, боролись за преобладаніе всѣми способами, отваживались на ужаснѣйшія злодѣянія... Лица, не принадлежавшія ни къ одной партіи, истреблялись обѣими сторонами“...

(Θукидидъ. III, 82. Перев. Θ. Мищенко).

28. Убийства въ Керкирѣ (425 г. до Р. X.).

„Въ теченіе семи дней, въ которые оставался (въ Керкирѣ) Эвримедонъ ¹⁾ съ шестьюдесятью кораблями (аѳинскими), керкиряне убивали изъ числа согражданъ всѣхъ, казавшихся имъ врагами, обвиняя ихъ въ стремленіи къ ниспроверженію народнаго правленія; но иные пали жертвою личной вражды, другіе убиты должниками изъ-за денегъ, которыя они были должны. Вообще были всѣ виды смерти... Отецъ убивалъ сына, молящихъ отрывали отъ святынь, убивали и подлѣ нихъ; нѣкоторые были замурованы въ святилищѣ Діониса и тамъ погибли.

¹⁾ Э в р и м е д о н ъ—аѳинскій полководецъ, посланный въ Керкиру для поддержки демократовъ.

„Шестьсотъ человѣкъ спаслись отъ этой рѣзни и успѣли утвердиться въ одномъ укрѣпленномъ мѣстѣ, откуда причиняли жестокой вредъ находившимся въ городѣ керкирянамъ и овладѣли полями. Съ теченіемъ времени, стѣсненные съ одной стороны городскими демократами, съ другой—аѳинянами, они принуждены были сдаться. Было условлено перевезти ихъ на одинъ сосѣдній островъ въ ожиданіи отправки въ Аѳины, гдѣ должна была рѣшиться ихъ участь. Между тѣмъ вожди керкирскаго народа опасались, что аѳиняне не казнятъ этихъ керкирянъ, когда тѣ прибдутъ въ городъ, а потому придумали слѣдующую хитрость: друзей кое-кого изъ содержавшихся на островѣ они научили сказать симъ послѣднимъ, какъ бы изъ расположенія, что для нихъ самое лучшее возможно скорѣе бѣжать, что судно заготовятъ они сами, ибо, говорили они, аѳинскіе военачальники намѣрены выдать ихъ керкирскому народу; друзей этихъ они подослали на островъ.

„Плѣнники повѣрили и, когда судно было приготовлено, стали отчаливать, но были пойманы, тѣмъ самымъ нарушили договоръ, и всѣ выданы были керкирскому народу... Получивши плѣнниковъ въ свои руки, керкиряне заперли ихъ въ большое зданіе и потомъ вызывали оттуда по двадцати человѣкъ за-разъ; связанныхъ другъ съ другомъ, они проводили ихъ между двумя рядами гоплитовъ. Разставленные по бокамъ гоплиты били и кололи плѣнниковъ, если кто узнавалъ въ проходившемъ своего врага. Шедшіе по сторонамъ люди съ бичами въ рукахъ подгоняли тѣхъ, которые слишкомъ медленно подвигались впередъ. Около шестидесяти человѣкъ были такимъ образомъ выведены и убиты, о чемъ не знали оставшіеся въ зданіи плѣнники. Эти послѣдніе думали, что ихъ выводятъ для того, чтобы перемѣстить въ какое-либо другое мѣсто. Когда же заключенные догадались и отъ кого-то узнали объ этомъ, они обратились къ самимъ аѳинянамъ съ просьбою убить ихъ, если угодно, но отказались выходить изъ зданія и объявили, что всѣми силами будутъ стараться никого не допустить внутрь зданія. Керкиряне и сами не имѣли намѣренія ломиться въ дверь силою, но взошли на

крышу дома, разобрали потолокъ, бросали внизъ черепицы и стрѣляли изъ луковъ. Заключенные защищались, какъ могли, причемъ большая часть ихъ сами лишили себя жизни: иные вонзали себѣ въ шею брошенные въ нихъ стрѣлы, другіе душили себя поясами отъ кроватей, которые случайно находились тамъ, или длинными полосами матеріи, оторванными отъ собственнаго платья. Почти въ теченіе всей ночи—ночь застигла это бѣдствіе—плѣнники лишали себя жизни всевозможными способами, другіе погибали подъ ударами стрѣлъ сверху. Когда наступилъ день, керкиряне сложили трупы въ беспорядкѣ на повозки и вывезли за городъ; всѣхъ женщинъ, какія были захвачены въ укрѣпленіи, обратили въ рабство“.

(Эукидидъ. III, 81 и 85; IV, 46—48. Пер. Мищенко).

29. Греческій тираннъ второго вѣка до Р. Х.

„Тираннъ лакедемонянь Набидъ изгналъ гражданъ, выдававшихся больше богатствомъ, нежели славнымъ происхожденіемъ, а имущество ихъ и женъ роздалъ вліятельнѣйшимъ людямъ изъ числа враговъ ихъ и своимъ наемникамъ. Это были убійцы, грабители, воры, обманщики. Вообще Набидъ старался отовсюду собирать вокругъ себя людей, для которыхъ родина закрыта была подлыми и преступными дѣянiями. Объявивши себя вождемъ и царемъ такихъ людей, обративши ихъ въ своихъ оруженосцевъ и тѣлохранителей, Набидъ несомнѣнно рассчитывалъ съ помощью ихъ утвердить надолго свою власть, хотя бы опозоренную нечестіемъ.

„Помимо сказаннаго выше, онъ не довольствовался изгнаніемъ гражданъ: для изгнанниковъ нигдѣ не было безопаснаго и надежнаго пристанища—за одними онъ посылалъ въ погоню убійцъ, которые и умерщвляли изгнанниковъ на дорогахъ, другихъ возвращалъ изъ мѣста ссылки и предавалъ смерти. Въ довершеніе всего по тѣмъ городамъ, гдѣ поселялись изгнанники, онъ при посредствѣ людей, не возбуждавшихъ подозрѣнiя, нанималъ дома, смежные съ жилищами изгнанниковъ, и поселялъ въ нихъ критянь, а

эти послѣдніе продырявливали стѣны и черезъ отверстія метали стрѣлы, которыя поражали на смерть изгнанниковъ, когда одни изъ нихъ въ собственныхъ жилищахъ стояли, другіе лежали, такъ что ни мѣсто, ни время нисколько не спасали несчастныхъ лакедемонянъ отъ гибели. Такими-то мѣрами Набидъ истребилъ очень много лакедемонянъ.

„Онъ же велѣлъ изготовить слѣдующую машину, если только позволительно называть машиною такой снарядъ. Это была роскошно одѣтая фигура женщины, лицомъ замѣчательно похожая на супругу Набида. Вызывая къ себѣ того или другого гражданина съ цѣлью выжать у него деньги, Набидъ долгое время мирно уговаривалъ его. Если вызванный гражданинъ поддавался внушенію, тираннъ этимъ и довольствовался. Если же кто начиналъ увѣрять, что денегъ у него нѣтъ, и отклонялъ требованіе тиранна, Набидъ говорилъ ему примѣрно такъ: „Кажется, я не сумѣю убѣдить тебя; полагаю однако, что моя Апега тебя убѣдитъ“. Такъ называлась супруга Набида. Чуть онъ только произносилъ эти слова, какъ являлось упомянутое выше изображеніе. Взявши супругу за руку, Набидъ поднималъ ее съ кресла; жена заключала въ свои объятія непокорнаго, который вплотную прижимался къ ея груди. Плечи и руки этой женщины, равно какъ и груди, были усѣяны желѣзными гвоздями, которые прикрывались платьемъ. Всякій разъ, какъ тираннъ упирался руками въ спину женщины и потомъ при помощи особаго снаряда мало-по-малу притягивалъ несчастнаго и плотно прижималъ къ груди женщины, истязуемый испускалъ крики страданія. Такъ Набидъ погубилъ многихъ, отказывавшихъ ему въ деньгахъ.

„Совершенно таково было и все управленіе Набида: онъ участвовалъ въ морскихъ разбояхъ критянъ, по цѣлому Пелопоннесу имѣлъ святотатцевъ, грабителей, убійцъ, съ которыми дѣлилъ преступную добычу и для которыхъ Спарта благодаря ему служила главнымъ мѣстожительствомъ и пристанищемъ“.

(По Полибій. XIII, 6—8. Переводъ Мищенко).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Правосудіе.

Содержаніе: 1. Право частной мести.—2. Аристократическій характеръ суда.—3. Судъ присяжныхъ.—4. Отсутствие общественной обвинительной власти.—5. Сикофанты.—6. Пытка.—7. Логографы.—8. Клятва гелластовъ.—9. Аѳинскій присяжный по изображенію Аристофана.—10. Аѳинскій присяжный по описанію ораторовъ.—11. Засѣданіе присяжныхъ.—12. Захватъ имущества.—13. Наказаніе за убійство.—14. Разные виды наказаній.—15. Смерть отъ цикуты.—16. Политическіе процессы.—17. Процессъ по поводу вѣнка.

1. Право частной мести.

Въ первобытной Греціи преслѣдованіе за убійство ложилось не на общественную власть, а на родственниковъ жертвы, и осуществлялось не судомъ, а посредствомъ оружія. Однимъ словомъ, война одной семьи противъ другой представляла единственный способъ пресѣченія преступленій.

Легко представить себѣ происходившіе вслѣдствіе этого безпорядки. Поэтому уже съ раннихъ временъ почувствовалась необходимость замѣнить указанный обычай другимъ, менѣе варварскимъ. Такимъ средствомъ явился выкупъ, т. е. особая сдѣлка, по которой виновный выплачивалъ протори и убытки, чѣмъ обезпечивалъ себѣ жизнь и имущество. Очень возможно, что этотъ обычай постепенно переходилъ въ право и что договоры подобнаго рода первоначально обуславливались соглашеніемъ сторонъ, а потомъ уже сдѣлались обязательными. Въ гомеровскую эпоху этотъ обычай достигаетъ уже полного развитія. Одна изъ изобраа-

женныхъ на щитѣ Ахилла сценъ описывается поэтомъ такимъ образомъ:

„Множество гражданъ толпятся на мѣстѣ народныхъ собраній.

Гяжба предъ ними рѣшается. Двое тамъ спорятъ о пенѣ
За умерщвленнаго мужа. Одинъ предъ народомъ клянется
Въ томъ, что весь долгъ уплатилъ, а другой—что не
видѣлъ уплаты.

Оба они пожелали окончить свой споръ предъ судьейю.
Граждане подняли крикъ, защищая того иль другого.
Ихъ успокоить пытаются вѣстники. Въ кругѣ священномъ
Старцы сидятъ, размѣстившись на гладко обтесанныхъ
камняхъ.

Посохи въ руки берутъ у глашатаевъ звонкоголосыхъ
И, опираясь на нихъ, чередой возглашаютъ рѣшенье“.

(И л і а д а, XVIII, 497 и сл. Пер. Минскаго).

Въ другомъ мѣстѣ Аяксъ говоритъ такъ:

„Даже тотъ, чьего брата убили,
Чье умертвили дитя, искупительный даръ принимаетъ.
Выкупъ большой заплативъ, остается убійца въ народѣ,
А принимающей выкупъ смиряется гордой душою“.

(Т а м ѣ же, IX, 632 и сл.).

Сумма, которую долженъ былъ выплатить виновный, называлась *ποινή* или *τιμή*. Она могла взыскиваться не только при убійствѣ, но и при всякомъ другомъ преступленіи. Размѣръ ея, конечно, мѣнялся въ зависимости отъ свойства вины, которую надо было загладить, и, можетъ быть, отъ общественнаго положенія потерпѣвшаго лица. Если при опредѣленіи размѣра штрафа или при выплатѣ его происходили какія-нибудь недоразумѣнія, то обращались къ рѣшенію суда. Такъ по крайней мѣрѣ обстояло дѣло въ гомеровскую эпоху, а раньше, по всей вѣроятности, прибѣгали къ помощи оружія.

Съ теченіемъ времени эта система исчезла, но въ греческомъ правѣ она оставила однако очень замѣтные слѣды. Одинъ законъ Дракона, никогда не выходившій изъ употребленія въ Аѣинахъ, устанавливалъ слѣдующій принципъ: семьѣ принадлежало право преслѣдовать убійцу за неумышленное убійство одного изъ ея членовъ. Родственники, на

которыхъ возлагалась эта обязанность, „распредѣлялись въ извѣстномъ порядкѣ, напоминавшемъ порядокъ наслѣдованія. Сначала шли родственники первой и второй степени родства, т. е. отецъ, братья, сыновья; затѣмъ слѣдовали двоюродные братья и ихъ потомство; наконецъ, за неимѣніемъ этихъ послѣднихъ, дѣти лицъ, избираемыхъ во ффратріи убитаго“. (Dareste). Изъ различныхъ текстовъ того времени явствуетъ, что эти лица могли входить въ соглашеніе съ виновнымъ и требовать отъ него вмѣсто крови извѣстную сумму денегъ. „Какъ только“, говоритъ Демосѣенъ, „изъявляется согласіе на прощеніе, дѣйствія потерпѣвшей стороны прекращаются. Это правило настолько распространено, что послѣ осужденія за неумышленное убійство, если потерпѣвшая сторона помирилась съ убійцей и простила его, она уже не имѣетъ права требовать его изгнанія. Болѣе того: если жертва передъ смертью прощаетъ своего убійцу, то родственникамъ, оставшимся въ живыхъ, не разрѣшается преслѣдовать его“. (Противъ Пантенета, 58—59). Въ одной защитительной рѣчи той эпохи говорится о человѣкѣ, погибшемъ насильственной смертью. „Каково же было поведеніе его брата? Когда онъ открылъ и нашель убійцъ, то взялъ съ нихъ деньги и помирился съ ними“. (Демосѣенъ. Противъ Феокрина, 28). Ораторъ негодуетъ на этотъ поступокъ, потому что онъ не въ интересахъ его дѣла, но не рѣшается признать его незаконнымъ.

2. Аристократическій характеръ суда.

Первые греческіе суды имѣли аристократическій характеръ. Вся судебная власть находилась въ рукахъ у царей; это преимущество, какъ и свою правительственную власть, цари получили отъ боговъ. Правомъ судить пользовались также богатые и благородные люди, преимущественно наиболѣе пожилые изъ нихъ. Они засѣдали обыкновенно на общественныхъ площадяхъ, а толпа стояла вокругъ нихъ и, не стѣсняясь, громко высказывала свои чувства. Законы тогда не были еще писанными. Существовали только

обычаи, передававшіеся изустно и державшіеся высшимъ классомъ въ секретѣ. Поэтому низшій классъ находилъ такой судъ иногда мало справедливымъ. Гезіодъ часто жалуется на этихъ „пожирателей подарковъ“, которые допускаютъ подкупъ и постановляютъ несправедливые приговоры. Онъ утверждаетъ, что такіе судьи приносятъ зло не только тяжущимся, но и всему государству. Онъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ боговъ и старается доказать, что они сами заинтересованы въ хорошемъ судепроизводствѣ. Эти старанія являются вѣрнымъ доказательствомъ, что учрежденія того времени не предоставляли людямъ его положенія никакой гарантіи противъ судей.

Составленіе и обнародованіе во всеобщее свѣдѣніе законовъ было, такимъ образомъ, большимъ шагомъ впередъ. Невозможно установить съ точностью время, когда произошла эта реформа. Мы знаемъ только имена нѣкоторыхъ изъ законодателей, взявшихъ на себя эту задачу: Драконъ и Солонъ въ Аѣинахъ (VII и VI вѣкѣ), Питтакъ въ Митиленѣ (VI вѣкѣ), Залевкъ въ Локрахъ (VII вѣкѣ), Харондъ въ Катанѣ (VII вѣкѣ). Когда законы, которыми пользовались судьи какого-нибудь города, становились извѣстными обывателямъ послѣдняго, они менѣ завистли отъ судебного произвола. Но если въ демократическихъ государствахъ вводились кромѣ того суды присяжныхъ изъ народа, то въ аристократическихъ монополія правосудія продолжала находиться въ рукахъ небольшого числа должностныхъ лицъ. Такимъ образомъ, въ Спартѣ гражданскіе процессы разбирались царями или эфорами, а уголовные—Совѣтомъ.

3. Суды присяжныхъ.

Греки додумались до мысли, что лучшій способъ обезпечить себѣ хорошій судъ—быть самимъ своими судьями. Отсюда вытекало основаніе суда присяжныхъ. Въ Аѣинахъ это учрежденіе относится ко временамъ Солона. Ясно, что значеніе его не было сначала такъ велико, какъ впоследствии. Область вѣдѣнія присяжныхъ, или, какъ ихъ тогда

называли, геліастовъ, была вначалѣ очень ограничена, но мало-по-малу она расширилась, въ особенности въ теченіе V вѣка, а успѣхи, которыхъ этотъ судъ достигъ въ слѣдующемъ вѣкѣ, дали ему возможность закончить сосредоточеніе въ своихъ рукахъ всѣхъ гражданскихъ дѣлъ и почти всѣхъ уголовныхъ.

Чтобы быть присяжнымъ, надо было достигнуть 30-лѣтняго возраста и пользоваться всѣми гражданскими и политическими правами. Достаточно было явиться къ надлежащему должностному лицу, которое вносило въ списокъ присяжныхъ. Несостоятельные люди долго воздерживались отъ несенія обязанностей геліаста, потому что онѣ были очень трудны, а многіе граждане должны были для поддержанія своего существованія имѣть какую-нибудь работу. Благодаря Периклу эта обязанность сдѣлалась доступной для всѣхъ, потому что онъ рѣшилъ выдавать присяжнымъ за каждое засѣданіе отъ одного до двухъ оболовъ (6—12 коп.); Клеонъ вскорѣ увеличилъ эту плату до 3 оболовъ (18 коп.). Съ того времени присяжные состояли главнымъ образомъ изъ мелкой буржуазіи. Многіе смотрѣли на обязанности присяжныхъ, какъ на источникъ средствъ существованія.

Общій списокъ присяжныхъ составлялся ежегодно. Онъ состоялъ изъ 6.000 именъ. Повидимому, вначалѣ нерѣдко бывали случаи подкупа. Для пресѣченія этого зла придумали очень остроумный и, повидимому, дѣйствительный пріемъ, который давалъ возможность держать втайнѣ до самаго открытія засѣданія составъ присяжныхъ, назначенныхъ разбирать то или иное дѣло. Безполезно было бы давать подробное описаніе его. Для ознакомленія съ нимъ достаточно ознакомиться съ трактатомъ Аристотеля „Объ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ“, который, впрочемъ, къ сожалѣнію, подвергнулся искаженію. Число присяжныхъ измѣнялось сообразно съ характеромъ процесса. Въ гражданскомъ процессѣ оно колебалось отъ 200 до 400 человекъ. Въ уголовныхъ число ихъ обыкновенно равнялось 500, но могло быть и больше. Греки были въ самомъ дѣлѣ убѣждены, что большое количество судей

являлось гарантіей правосудія. Случаи исключительной важности въ Аѣинахъ разсматривались судомъ 1000 геліастовъ.

Предсѣдателемъ бывалъ обыкновенно одинъ изъ архонтовъ, но правило это не было безусловнымъ. Если вопросъ шель о военныхъ преступленіяхъ, преніями руководилъ стратегъ; если разбирались проступки, причинявшіе вредъ казнѣ, эту роль выполнялъ чиновникъ финансоваго вѣдомства, и т. д.

4. Отсутствіе общественной обвинительной власти.

Характерной чертой аѣинскаго правосудія было отсутствіе общественной обвинительной власти. У аѣинянъ не было чиновника, на которомъ лежала бы обязанность преслѣдовать отъ имени общества людей, совершившихъ преступленія и проступки. Это право въ принципѣ принадлежало потерпѣвшей сторонѣ. Обокраденный не могъ возложить, какъ у насъ, на должностное лицо обязанность отыскивать вора, собирать улики въ его виновности и обвинять его передъ судомъ. Все это должна была дѣлать потерпѣвшая сторона. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это право становилось обязанностью, напримѣръ, при убійствѣ: съ одной стороны, очевидна была необходимость карать за подобныя преступленія; но, съ другой стороны, одинъ обычай очень древняго происхожденія предоставлялъ родственникамъ убитаго привилегію мести за смерть; поэтому законъ обязывалъ этихъ послѣднихъ воспользоваться своимъ правомъ подъ страхомъ привлеченія въ противномъ случаѣ къ отвѣтственности.

Въ процессахъ, называвшихся *γραφαί*, право преслѣдованія признавалось не только за лицомъ, непосредственно потерпѣвшимъ отъ преступленія, но и за любымъ гражданиномъ. Въ такого рода процессахъ, думали тогда, было заинтересовано также все общество, и желательно было дать каждому возможность требовать наказанія за совершенный поступокъ.

Этотъ обычай повлекъ за собой крупныя злоупотребленія. Доносы обратились въ спеціальное ремесло нѣ-

которыхъ лицъ, называвшихся сикофантами. Противъ нихъ принимался рядъ мѣръ, устанавливавшихъ разныя наказанія. Такъ, напримѣръ, если обвинитель не получалъ пятой части голосовъ судей, то на него налагался штрафъ въ 1000 драхмъ (около 370 руб.), и онъ терялъ на будущее время право возбуждать подобныя преслѣдованія. Но эта угроза часто бывала призрачной и мало устрашала сикофантовъ: они видѣли въ своемъ ремеслѣ способъ привлечь къ себѣ вниманіе, удовлетворить своей мести, а также получить матеріальную выгоду: деньги добывались путемъ шантажа или въ силу предоставленнаго обвинителямъ права требовать себѣ часть штрафа, налагавшагося на ихъ жертву.

5. Сикофанты.

Сикофантъ (обращаясь къ Хремилу и Каріону).— Эй вы, презрѣнные, я увѣренъ, что мои деньги—у васъ.

Хремилъ.—О Деметра! это сикофанты! вотъ такъ бѣда!

Каріонъ.—Онъ, навѣрно, голодень.

Сикофантъ.—Ты сейчасъ же пойдешь со мной на агору и, когда тебя стануть пытатъ на колесѣ, ты сознаешься въ своихъ мошенничествахъ.

Каріонъ.—Ахъ, поди ты!

Добрый человѣкъ.—Клянусь Зевсомъ-спасителемъ, какъ возблагодарятъ всѣ греки Аполлона, если онъ уничтожитъ этихъ гнусныхъ сикофантовъ!

Сикофантъ.—Да ты смѣешься надо мной! Ахъ, вотъ какъ! Такъ я донесу на тебя, какъ на соучастника. Откуда у тебя этотъ новый плащъ? Вчера я видѣлъ на тебѣ совсѣмъ поношенный.

Добрый человѣкъ.—Я тебя не боюсь...

Сикофантъ.—Нахалы! Но вы, мои насмѣшники, не сказали мнѣ, что вы тутъ дѣлаете; вѣроятно, ничего хорошаго.

Хремилъ.—Разумѣется, для тебя—ничего хорошаго, будь увѣренъ въ этомъ.

Сикофантъ.—Клянусь Зевсомъ, будете вы обѣдать на мой счетъ.

Хремилъ.—Чтобъ ты сдохъ со своимъ свидѣтелемъ клеветникъ!

Сикофантъ.—А, такъ вы не сознаетесь; я бьюсь объ закладъ, что въ этомъ домѣ много соленой рыбы и жаренаго мяса (нюхаетъ воздухъ).

Хремилъ.—Чуешь ты что-нибудь, плутъ?

Добрый человекъ.—Вѣроятно, только холодъ: его плащъ такой дырявый.

Сикофантъ.—О Зевсъ! Можно ли терпѣть такія издѣвательства! О боги! какъ жестоко обращаются со мной, честнымъ человекомъ и добрымъ гражданиномъ!

Хремилъ.—Ты-то честный и добрый гражданинъ?

Сикофантъ.—Болѣе, чѣмъ всѣ другіе.

Хремилъ.—Ладно! отвѣчай-ка на мои вопросы.

Сикофантъ.—О чемъ?

Хремилъ.—Ты земледѣлецъ?

Сикофантъ.—Я еще не сошелъ съ ума.

Хремилъ.—Купецъ?

Сикофантъ.—При случаѣ я себя называю купцомъ.

Хремилъ.—Знаешь ты какое-нибудь ремесло?

Сикофантъ.—Конечно, нѣтъ.

Хремилъ.—Чѣмъ же ты живешь, если ничего не дѣлаешь?

Сикофантъ.—Я наблюдаю за общественными и частными дѣлами.

Хремилъ.—Ты? но на какомъ основаніи?

Сикофантъ.—Мнѣ это нравится.

Хремилъ.—Ты, какъ воръ, суешься туда, гдѣ не имѣешь никакихъ правъ. Всѣ тебя презираютъ, а ты претендуешь на званіе честнаго человека!

Сикофантъ.—Какъ, глупецъ, я не имѣю права посвятить себя всецѣло служенію родинѣ?

Хремилъ.—Развѣ отечеству служатъ низкими просками?

Сикофантъ.—Служать, поддерживая установленные законы и не позволяя никому нарушать ихъ.

Хремилъ.—Это дѣло судовъ, они поставлены для этого.

Сикофантъ.—А кто обвиняетъ предъ судомъ?

Хремилъ.—Кто хочетъ.

Сикофантъ.—Ага! вотъ я и есть обвинитель! потому-то всѣ общественныя дѣла и подлежатъ моему вѣдѣнію.
(Аристофанъ. Плутосъ).

6. Пытка.

Для возстановленія на судѣ истины греки примѣняли тѣ же приемы, что и мы; но, кромѣ того, они прибѣгали къ пыткамъ.

Пыткамъ никогда не подвергали свободаго человѣка; она предназначалась только для рабовъ. „Рабовъ нельзя было вызывать въ качествѣ свидѣтелей, особенно противъ ихъ господъ; но ихъ принуждали говорить подъ пыткой, которая, несомнѣнно, была не слишкомъ жестокой, тѣмъ болѣе, что господинъ имѣлъ право требовать вознагражденія за протори и убытки въ томъ случаѣ, если рабъ былъ возвращенъ ему въ плохомъ состояніи. Это была формальность, вытекающая изъ самого положенія раба, который могъ опасаться мщенія своего господина, если бы показанія его дѣлались имъ не по принужденію. Рабы, кромѣ того, всегда могли кое-что поразсказать, потому что многое дѣлалось на ихъ глазахъ, и при разслѣдованіи преступленія трудно было отказаться отъ такого драгоцѣннаго матерьяла. Это до нѣкоторой степени объясняетъ, почему аѳиняне придавали такое большое значеніе приему, который былъ совершенно противенъ здравому смыслу. (Dareste. *Plaidoyers civils de Demosthène*, стр. XVI—XVII).

Антифонъ¹⁾ говоритъ, что свободный человѣкъ даетъ показанія подъ присягой, а рабъ—подъ пыткой, „которая неизбѣжно вырываетъ у него истину“. (О смерти одного хореута, 25). Исократъ²⁾ заканчиваетъ одну рѣчь слѣдующими обращенными къ судьямъ словами: „Я всегда замѣчалъ, что вы признаете пытку самымъ вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ и думаете, что если свидѣтели могутъ сговориться давать ложныя показанія, то пытка вы-

¹⁾ Антифонъ—см. ниже § 7.

²⁾ Исократъ—см. вып. II, стр. 6, прим. 2.

ведеть истину на свѣтъ“. (Трапезитика, 54). Исей¹⁾ высказывается такъ же: „Пытка, въ вашихъ глазахъ, есть самый точный пріемъ слѣдствія. Если рабы и свободные люди присутствовали при событіи, въ которомъ надо освѣтить какую-нибудь темную сторону, вы не довѣряете показаніямъ свободныхъ людей, но предаете пыткѣ рабовъ. Этимъ средствомъ вы хотите узнать истину. И вы правы: вы говорите себѣ, что видѣли, какъ многіе (свободные) свидѣтели давали ложныя показанія, между тѣмъ среди рабовъ, отданныхъ подъ пытку, не нашлось такихъ, у которыхъ она не вырвала бы истины“. (О наслѣдствѣ Кирона, 12).

Аристофанъ въ своей пьесѣ „Лягушки“ (614—621) сообщаетъ нѣкоторыя подробности относительно пытокъ.

„Ксантій.—Чтобъ мнѣ умереть, если я укралъ у тебя хоть булавку! Бери этого раба, пытай его, и если у тебя будутъ доказательства моей виновности, добивайся моей гибели.

Эакъ.—А какъ его пытать?

Ксантій.—Всѣми способами! Ты можешь привязать его къ кобылкѣ, вѣшать его, мучить ударами, сдирать съ него кожу, вывертывать ему члены, лить въ носъ уксусъ, наваливать на него кирпичи и дѣлать все, что тебѣ угодно“.

Демосѣенъ упоминаетъ еще и о колесованіи.

7. Логографы.

Ссоры между греками были обычнымъ явленіемъ, и процессы въ Аѣинахъ возникали очень часто. Въ Греціи не было человѣка, который могъ бы питать увѣренность, что ему рано или поздно не придется предстать передъ судомъ. Что же слѣдовало предпринять, если противникомъ человѣка, привлеченнаго къ суду, было лицо, хорошо владѣющее словомъ?

До мысли создать особое сословіе адвокатовъ въ Греціи не додумались. Самое большее, если отвѣтчику разрѣшалось приглашать въ судъ себѣ на помощь близкаго родственника

¹⁾ Исей—см. вып. 1, стр. 53, прим. 2.

или друга. Всѣ умы были проникнуты мыслью, что гражданинъ долженъ самостоятельно удовлетворять всѣмъ обязательствамъ, налагаемымъ гражданской жизнью, и греки не могли бы понять, какимъ образомъ постороннему человеку можно было поручить защиту передъ судомъ своего имущества или жизни. Тѣмъ не менѣе, когда человекъ не довѣрялъ собственнымъ силамъ, онъ обращался къ какому-нибудь извѣстному оратору, или, какъ тогда говорили, логографу, съ просьбой составить для него защитительную рѣчь. Первый занявшійся этимъ ремесломъ былъ Антифонъ, жившій во второй половинѣ V вѣка. Его примѣру послѣдовало множество подражателей, и съ тѣхъ поръ не было знаменитыхъ ораторовъ, за исключеніемъ, можетъ быть, Эсхина и Ликурга, которые не имѣли бы такой работы на кліентовъ.

Это значительно упрощало задачу человека, являющагося передъ судомъ. Тѣмъ не менѣе ему также приходилось приложить свой трудъ. Рѣчь, которую на основаніи имѣющихся въ процессѣ данныхъ написалъ по его просьбѣ для него логографъ, тяжущійся долженъ былъ произнести передъ судьями лично; читалъ ли онъ ее или произносилъ на-память — намъ неизвѣстно. Но всегда отвѣтчикъ долженъ былъ являться самъ на судъ и лично произносить рѣчь, а не держаться въ сторонѣ, какъ въ наше время. Если ему приходилось имѣть дѣло съ такимъ же неопытнымъ лицомъ, какъ онъ самъ, бѣда была не велика. Но положеніе его было совершенно инымъ, если противникомъ оказывался человекъ краснорѣчивый отъ природы и въ тонкости познавшій тайны риторики, тѣмъ болѣе, что это искусство производило обаятельное вліяніе на судей. (По Perrot. *L'Éloquence politique et judiciaire à Athènes*, т. I, стр. 254 и сл.).

8. Клятва гелиастовъ.

„Я буду голосовать согласно законамъ и постановленіямъ афинскаго народа и Совѣта 500. Когда законъ не будетъ давать указаній, я поступлю согласно съ моей

совѣстью, безъ пристрастія и ненависти. Я буду подавать голосъ только относительно тѣхъ дѣлъ, которыя составятъ предметъ преслѣдованія. Я буду выслушивать истца и отвѣтчика съ одинаковымъ чувствомъ благосклонности.

„Клянусь въ этомъ Аполлономъ, Зевсомъ и Деметрой. Если я сдержу свое слово, да будетъ мнѣ благо; если я нарушу его, да погибну со всѣмъ моимъ родомъ!“

(Gilbert. Handbuch der griechischen Staatsalterthümer, т. I, стр. 373).

9. Аѳинскій присяжный по изображенію Аристофана ¹⁾.

Каждый гражданинъ, достигшій тридцатилѣтняго возраста, имѣлъ право быть судьей. Онъ могъ по произволу оправдать одного изъ подсудимыхъ и обвинить другого; тронуться мольбами того изъ нихъ, у котораго есть красивая дочь, радующая своимъ видомъ стараго судью; обратить вниманіе на иного, потому что онъ насмѣшилъ его или продекламировалъ ему нѣсколько прекрасныхъ стиховъ; снисходительно отнестись къ такому, который, вернувшись съ агоры, сыграетъ ему прекрасную арію на флейтѣ. Вотъ какіе мотивы имѣютъ для присяжнаго рѣшающее значеніе. Чтобы убѣдить его, надо найти дорогу къ его сердцу. Поэтому самые высокоумные люди становятся смиренными передъ нимъ. Присяжный при входѣ въ судъ видитъ, что къ нему направляются наиболѣе именитыя лица, ласково протягивающія ему руку, которая расхищала общественную казну, и низко кланяются ему. Затѣмъ онъ садится на свое мѣсто и до вечера принимаетъ важный видъ, наслаждается лестными рѣчами, мольбами и обѣщаніями людей, привлеченныхъ къ суду, и знаетъ, что день его не пропасть даромъ, такъ какъ государство позаботилось о немъ, назначивъ ему три обола (около 18 коп.) въ день. Въ тѣхъ важныхъ дѣлахъ, которыя Народное Собраніе и Совѣтъ отправляютъ на разсмотрѣніе

¹⁾ А р и с т о ф а н ъ — см. вып. I, стр. 38, прим. 2.

присяжныхъ, передъ рѣшеткой суда появляются первыя лица въ государствѣ. Клеонимъ разсыпается передъ судьей въ увѣреніяхъ преданности, а Клеонъ отгоняетъ отъ него надоѣдающихъ ему мухъ. „Ахъ“, восклицаетъ судья Филоклеонъ, „развѣ мнѣ принадлежитъ не такая власть, какъ Зевсу? вѣдь я слышу, что обо мнѣ говорятъ такъ же, какъ о Зевсѣ“. Когда судьи шумятъ, прохожіе говорятъ: „Великіе боги, какой громъ производитъ этотъ судъ!“.

По изображенію Аристофана, Филоклеонъ, этотъ типъ аѳинскаго судьи, ни добръ, ни золъ, но онъ глупъ, сумасброденъ, эгоистъ, не имѣетъ понятія о добрѣ и злѣ и видитъ въ исполненіи своихъ обязанностей средство удовлетворить своимъ страстямъ или предразсудкамъ. Попробуйте-ка довѣрить суду изъ 500 или 600 судей честь и жизнь гражданъ; поручите-ка имъ разрѣшеніе запутанныхъ вопросовъ, гдѣ необходимо знаніе права или гдѣ дѣло связано съ судьбою государства; даже больше того: приведите-ка на этотъ судъ изъ аѳинскихъ гражданъ ихъ подданныхъ или союзниковъ, съ которыми они склонны обращаться, какъ съ существами низшими или врагами, и которые пожалуются на вымогательства, совершенныя по отношенію къ нимъ какимъ-нибудь аѳинскимъ чиновникомъ, — какого правосудія можете вы ожидать? Даже въ томъ случаѣ, когда присяжные добросовѣстны и проникнуты стремленіемъ судить правильно, они, вслѣдствіе своего невѣжества и предразсудковъ, постановили бы произвольный приговоръ. Если же они недобросовѣстны, то трудно предвидѣть, до какой степени дойдетъ ихъ глупость, побуждаемая скупостью. Филоклеонъ судитъ вкривъ и вкось, взламываетъ, печать на завѣщаніи, напередъ подаетъ свой голосъ съ обвиненіемъ, не выслушавъ даже дѣла и руководясь только своимъ капризомъ и личными интересами.

(C o u a t. Aristophane, стр. 73).

10. Аѳинскій присяжный по описанію ораторовъ.

Дошедшія до насъ рѣчи ораторовъ даютъ возможность догадаться, что аѳинскій присяжный былъ человѣкъ по-

средственной честности, съ ограниченнымъ умомъ и мало знакомый съ законами. Онъ былъ чувствителенъ къ красно-рѣчю, желалъ судить по совѣсти, но отличался большой страстностью, черезчуръ проникался личными интересами, былъ очень склоненъ руководиться посторонними для дѣла соображеніями, покровительствовалъ тѣмъ, кто льстилъ его предразсудкамъ или кто раздѣлялъ его мнѣніе.

Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ выиграть процессъ было не доказывать свое право, а расписать себя передъ присяжными прекраснымъ гражданиномъ, съ большой готовностью уплачивавшимъ подати, исполнявшимъ военную службу и приносившимъ тяжелыя жертвы на пользу республики.

Всякая защитительная рѣчь подраздѣлялась обычно на двѣ части. Первая посвящалась обсужденію дѣла; во второй обвиняемый восхвалялъ свои гражданскія добродѣтели и старался умалить достоинство противника, радуясь, если можно было съ нѣкоторой вѣроятностью приписать ему аристократическія стремленія, а себя выставить ревностнымъ демократомъ.

Однажды передъ аѳинскимъ судомъ предсталъ по обвиненію въ убійствѣ уроженецъ Митилены. Обвинитель не упустилъ случая сослаться на то, что отецъ обвиняемаго принялъ участіе въ возстаніи Митилены противъ Аѳинъ. Обвиняемый счелъ себя обязаннымъ отвѣтить слѣдующимъ образомъ: „До этого возстанія мой отецъ всѣмъ своимъ поведеніемъ доказалъ свое расположеніе къ вамъ. Но когда весь городъ, къ сожалѣнію, отложился отъ васъ, то онъ былъ принужденъ принять участіе въ общей ошибкѣ. Хотя онъ всегда придерживался прежнихъ своихъ взглядовъ, но не могъ на дѣлѣ проявить ихъ, такъ какъ не имѣлъ возможности покинуть свою страну, гдѣ его удерживали дѣти и имущество; съ другой стороны, онъ не могъ бороться одинъ противъ общаго рѣшенія. Когда вы наказали вожаковъ, а другимъ разрѣшили остаться въ странѣ, мой отецъ, котораго вы не подвергали наказанію, вель себя совершенно безупречно. Онъ исполнялъ всѣ свои обязанности, подчинялся всѣмъ повинностямъ, ко-

торыя налагались на него Митиленой и Аѳинами“. (Антифонъ. Обь убійствѣ Герода, 76—77).

На одномъ процессѣ о наслѣдованіи ораторъ Исей говоритъ слѣдующее: „Надо изучить обѣ стороны. Эрасиппъ, отецъ Гагнона и Гагноея, чрезвычайно усердно платитъ налоги и несетъ повинности (литургіи). Его сыновья покидали Аттику только въ томъ случаѣ, когда шли на войну. Они не были бесполезны для государства, а служили въ войскѣ, платили налоги, исполняли всѣ требованія и, какъ всѣмъ извѣстно, были образцовыми гражданами; слѣдовательно, они имѣютъ больше основаній, чѣмъ Харіадъ, требовать наслѣдства Никострата. Въ самомъ дѣлѣ, когда Харіадъ жилъ здѣсь, онъ попалъ за воровство въ тюрьму и былъ выпущенъ изъ нея только по винѣ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, которыхъ вы присудили впослѣдствіи къ смерти. Затѣмъ онъ былъ замѣшанъ еще въ другомъ дѣлѣ, а потому выѣхалъ за границу. Онъ жилъ тамъ 16 лѣтъ и вернулся только послѣ смерти Никострата. Онъ не участвовалъ ни въ одномъ вашемъ походѣ, не вносилъ никакихъ налоговъ, не выполнялъ никакихъ литургій, а стремится завладѣть имуществомъ другихъ“. (Исей. О наслѣдствѣ Никострата, 27—29).

11. Засѣданіе присяжныхъ (геліастовъ).

Представимъ себѣ, что разбирается судебное дѣло по иску Демосѳена, вчиненному имъ своему опекуну Аѳобу.

Геліасты входятъ въ судъ и занимаютъ свои мѣста на деревянныхъ скамьяхъ. При входѣ каждый изъ нихъ получаетъ свинцовый жетонъ, который обмѣнивается имъ при выходѣ на 3 обола (18 копеекъ). Это—вознагражденіе за его присутствіе на судѣ. Мѣсто предсѣдателя занимаетъ архонтъ-эпонимъ. Онъ садится на высокое сѣдалище, а около него располагается его секретарь. На мраморномъ столѣ ставится урна (*κἀδισκος*) для собиранія голосовъ и особаго вида ваза (*ἐχίνοσ*), въ которой помѣщаются запечатанные документы, относящіеся къ дѣлу. Засѣданіе ведется

публично, и судьи отдѣляются отъ присутствующихъ деревянной перегородкой.

Послѣ краткой молитвы секретарь вызываетъ обѣ стороны: Демосеена—истца, и отвѣтчика—Афоба. Они отзываются на свои имена. Затѣмъ секретарь читаетъ текстъ жалобы, составленной такимъ образомъ: „Демосеень, сынъ Демосеена, изъ пэанійскаго дема, противъ Афоба, сына N, изъ дема N. Опека. Оцѣнка: 10 талантовъ (около 22.200 руб.)“. Затѣмъ начинаются пренія. Первымъ для произнесенія рѣчи выходитъ на эстраду (*зѣμα*) Демосеень. Онъ говоритъ съ трудомъ и не особенно яснымъ голосомъ. Тѣмъ не менѣе, слушаютъ его съ интересомъ, прежде всего потому, что его изложеніе дѣла отличается большой точностью; затѣмъ потому, что восхищаются его смѣлостью, съ которой онъ, при его молодости, нападаетъ на такого могущественнаго соперника. Присяжные и публика аплодируютъ ему. Время отъ времени онъ останавливается и проситъ секретаря прочесть то какой-нибудь текстъ закона, то документъ, относящійся къ дѣлу, то данное на слѣдствіи свидѣтельское показаніе. Когда является надобность въ этихъ документахъ, ихъ вынимаютъ изъ вазы. Во время этой рѣчи клепсидры, или водяные часы, все время находятся въ дѣйствіи, за исключеніемъ тѣхъ моментовъ, когда выступаетъ секретарь. Въ ту минуту, когда падаютъ послѣднія капли воды, Демосеень заканчиваетъ свою защитительную рѣчь.

Гелиасты сейчасъ же встанутъ и начинаютъ обмѣниваться впечатлѣніями. Каждый сообщаетъ свое мнѣніе сосѣду, и большинство громко высказывается за Демосеена. Но вотъ на эстрадѣ появляется Афобъ. Архонтъ требуетъ молчанія и едва можетъ водворить его: въ такой мѣрѣ присяжные склонны къ болтовнѣ.

Афобъ выучилъ на - память превосходную рѣчь, составленную ему однимъ виднымъ логографомъ. Произнесеніе этой рѣчи отличается какъ искусствомъ, такъ и увѣренностью. Его поддерживаютъ криками многочисленныя друзья, разсѣянные въ публикѣ и образующіе настоящую клаку. Въ концѣ концовъ онъ не довольствуется

чтеніемъ свидѣтельскихъ показаній. Для большаго эффекта онъ проситъ свидѣтелей стать около него и предлагаетъ имъ вопросы. Но все это не ведетъ ни къ чему. Геліасты своимъ ропотомъ, вопросами, знаками нетерпѣнія показываютъ, что его доказательства не трогаютъ ихъ. Нѣкоторые требуютъ даже, чтобы его лишили слова. Тѣмъ не менѣе онъ пользуется своимъ правомъ до конца и хочетъ удержать его и дальше. Но, какъ только вода изъ клепсидры вытекаетъ, архонтъ прерываетъ его. Затѣмъ идутъ пренія, пока предсѣдатель не объявляетъ объ окончаніи ихъ.

Среди шумныхъ разговоровъ присяжные направляются къ эстрадѣ, и каждый изъ нихъ бросаетъ въ урну бѣлый камешекъ, если подаетъ въ пользу Демосѳена, или черный, если считаетъ его виновнымъ. Когда голосованіе оканчивается, урну опрокидываютъ на мраморный столъ; предсѣдатель подсчитываетъ голоса и объявляетъ о результатѣ, благопріятномъ для Демосѳена. Теперь дѣло идетъ объ опредѣленіи суммы, какую Афобъ долженъ вернуть Демосѳену. Демосѳенъ предъявляетъ искъ на десять талантовъ. Тотъ предлагаетъ гораздо меньше, — быть можетъ, одинъ талантъ. Происходитъ другое голосованіе, также съ помощью бѣлыхъ и черныхъ камешковъ, смотря по тому, принимается ли сумма истца или отвѣтчика, и при счетѣ голосовъ обнаруживается, что Афобъ приговоренъ къ возвращенію десяти талантовъ. Этотъ приговоръ безапелляціонный. Отнынѣ для Демосѳена трудность будетъ заключаться во взысканіи этой суммы. Общественныя власти не придутъ къ нему на помощь. Онъ можетъ рассчитывать только на самого себя, и, быть можетъ, единственнымъ средствомъ для него явится насильственный захватъ имущества Афоба.

12. Захватъ имущества.

Судъ приговорилъ одного аѳинянина къ уплатѣ известной суммы нѣкому Теофему, который путемъ захвата овладѣлъ имуществомъ своего должника.

„Теофемъ приходитъ“, рассказываетъ истецъ, „захватываетъ стадо моихъ тонкорунныхъ барановъ изъ 50 головъ,

а также пастуха и все, что относится къ пастушескому дѣлу. Затѣмъ онъ захватываетъ домашняго раба, несшаго серебряный кувшинъ большой цѣнности, который на время былъ данъ мнѣ его собственникомъ. Но это показалось Теофему недостаточнымъ: онъ явился на мою землю (я пашу около гипподрома и живу здѣсь съ дѣтства). Прежде всего онъ сдѣлалъ попытку завладѣть моими рабами, но тѣ ускользнули отъ него и разбѣжались въ разныя стороны. Тогда онъ направился къ дому и разломалъ дверь въ садъ. Эвергъ, здѣсь присутствующій, братъ Теофема, и его зять Мнесибулъ, съ которыми у меня не было никакого судебного дѣла и которые не имѣли никакого права на мою собственность, проникли въ помѣщеніе, гдѣ была моя жена и дѣти, и овладѣли всей остававшейся еще въ моемъ домѣ мебелью.

„Они, конечно, рассчитывали получить больше и захватить всю мебелировку моего дома, которая раньше была гораздо богаче, но вслѣдствіе разныхъ повинностей, налоговъ и расходовъ, произведенныхъ изъ желанія служить вамъ, часть этихъ вещей была заложена, а другая продана. То, что еще оставалось, было ими унесено. Но это не все. Моя жена занималась ѣдой во дворѣ вмѣстѣ съ моими дѣтьми и со старой кормилицей—добрымъ и преданнымъ человѣкомъ, освобожденнымъ моимъ отцомъ. Получивъ отпущеніе на волю, она поселилась со своимъ мужемъ; когда же овдовѣла и состарилась, то, не имѣя никого, кто бы содержалъ ее, она возвратилась ко мнѣ. Я, разумѣется, не могъ оставить въ нуждѣ ту, которая была моей кормилицей, и забыть, какъ она заботилась обо мнѣ въ дѣтствѣ. Кромѣ того, въ это время я долженъ былъ пуститься въ море въ качествѣ триерарха. Такимъ образомъ, въ домѣ оставался надежный человѣкъ при моей женѣ, которая была этимъ очень довольна. Итакъ, обѣ онѣ обѣдали во дворѣ, когда внезапно врываются эти люди, схватываютъ ихъ и овладѣваютъ домашней утварью. Другія служанки, находившіяся въ верхнемъ этажѣ, гдѣ онѣ живутъ, услыхавъ шумъ, заперли свои комнаты. Эвергъ и Мнесибулъ не проникли поэтому туда, но вынесли мебель, составляющую

убранство остальной части дома. Жена моя запрещала имъ трогать эти вещи, говоря, что онѣ принадлежатъ ей и составляютъ по оцѣнкѣ часть ея приданого... Она говорила имъ также, что деньги, предназначенныя для выплаты имъ, находятся въ банкѣ, но это не остановило ихъ. Болѣе того, кормилица моя держала въ рукахъ маленькую чашку, изъ которой она пила. Видя, какъ эти люди ворвались въ домъ, она спрятала эту чашку себѣ за одежду, чтобы они не могли взять ее. Теофемъ и его братъ Эвергъ замѣтили это, вырвали у нея чашку, притомъ сдѣлали это такъ грубо, что руки и пальцы ея были всѣ окровавлены. Чтобы отнять у нея эту вещицу, они вывертывали старухѣ руки и повалили ее на землю. На шеѣ ея были слѣды того, какъ ее душили, а на груди кровоподтеки. Они пришли въ такую ярость, что, пока не отняли эту чашку, душили старуху за горло и безпощадно ее били. Слуги сосѣдей слышали крики и видѣли разгромъ моего дома. Одни влѣзли на крыши, чтобы позвать на помощь прохожихъ; другіе выбѣжали на дорогу съ другой стороны дома и, увидя проходящаго мимо Гагнофила, уговорили его пойти туда. Гагнофилъ пришелъ по приглашенію слуги моего сосѣда Антеміона. Онъ не вошелъ въ домъ, не считая себя въ правѣ сдѣлать это въ отсутствіе хозяина, но съ земли Антеміона, на которой онъ стоялъ, онъ видѣлъ, какъ выносились мои вещи, и замѣтилъ Эверга и Теофема, когда они выходили изъ моего дома. Но они взяли не только мои вещи, а увели и сына моего, принявъ его за раба, пока одинъ изъ моихъ сосѣдей, Гермогенъ, встрѣтившій ихъ, не сказалъ имъ, что это мой сынъ“.

(Демосѳенъ. Рѣчь противъ Эверга и Мнесибула, стр. 52—61).

13. Наказаніе за убійство.

Убійство разсматривалось аѳинянами съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, оно наносило ущербъ интересамъ семьи покойнаго. Потому-то преслѣдованіе за него возлагалось на родственниковъ жертвы. Во-вторыхъ,

оно причиняло вредъ всему обществу, отымая отъ него одного изъ членовъ. Наконецъ, оно было прямымъ оскорбленіемъ божества: боги, творя челоуѣка, назначали ему опредѣленную продолжительность жизни, поэтому обрывать его жизнь значило идти противъ ихъ воли.

Судъ надъ такими преступленіями, вслѣдствіе подобныхъ взглядовъ, пріобрѣталъ совершенно особый характеръ. Убийства съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ разбирались Ареопагомъ. Въ Аѣинахъ это былъ самый священный судъ. Происхождение его терялось во тьмѣ временъ. Основательницей его, по вѣрованію аѣинянъ, была сама Аѣина. Въ составъ его входили бывшіе архонты, но засѣдали въ немъ не всѣ они, а только люди безукоризненной жизни. Засѣданія ареопага происходили на „Проклятомъ холмѣ“, — холмѣ, посвященномъ подземнымъ богамъ (*ἀραιός πύλος*) и состоявшемъ подъ спеціальнымъ покровительствомъ Эриній, въ вѣдѣніи которыхъ находилось гармоническое развитіе какъ физическаго, такъ и духовнаго міра. Производство дѣла въ Ареопагѣ шло иначе, чѣмъ въ судѣ присяжныхъ. Было запрещено обращаться къ милосердію судей, пытаться увлечь ихъ краснорѣчіемъ. Ораторы должны были ограничиваться яснымъ и сжатымъ изложеніемъ фактовъ.

Другіе случаи убійства (неумышленное, при самозащитѣ, разрѣшенной закономъ) разсматривались судомъ, имѣвшимъ очень древнее происхождение. Онъ назывался судомъ эфетовъ. Въ немъ засѣдали 51 присяжный, избираемые, какъ говорилъ законъ, „аристократическимъ образомъ“. Судопроизводство шло тутъ такъ же, какъ и въ Ареопагѣ. Около половины IV вѣка всѣ дѣла подобнаго рода отошли къ геліастамъ. Одинъ Ареопагъ продолжалъ сохранять свое древнее судопроизводство.

14. Разные виды наказаній.

1. Смертная казнь. — Чаще всего при смертной казни пользовались ядомъ (цикутой). Въ очень рѣдкихъ случаяхъ бывало, что политическихъ преступниковъ побиwali камнями. Къ преступникамъ низшаго разряда, какъ

рабы, разбойники, профессиональные воры, примѣнялись висѣлицы, плети, палочные удары.

2. И з г н а н і е.—Изгнаніе было вѣчное и соединялось съ конфискаціей имущества. Если осужденный не покидалъ страны или возвращался въ нее обратно, онъ подвергался казни.

3. А т и м і я.—Она могла быть общей и частной. Въ первомъ случаѣ она заключалась въ лишеніи гражданина всѣхъ его гражданскихъ и политическихъ правъ, даже имущества; во второмъ у него отымались только тѣ или иныя права.

4. Т ю р е м н о е з а к л ю ч е н і е.—Оно примѣнялось почти исключительно съ цѣлью или помѣшать обвиняемому скрыться отъ суда, или принудить должника заплатить свой долгъ. Въ качествѣ наказанія тюремное заключеніе употреблялось тогда значительно рѣже, чѣмъ въ наше время.

5. П р о д а ж а в ъ р а б с т в о.—Продажѣ въ рабство могли быть подвергнуты: иностранецъ, женившійся путемъ обмана на афинянкѣ; метэкъ, выдавшій себя за гражданина; вольноотпущенникъ, совершившій важное преступленіе по отношенію къ своему патрону. Можно было также продать гражданина, выкупленного изъ плѣна и отказывавшагося возвратить своему освободителю сумму, которая была внесена за его выкупъ.

6. К о н ф и с к а ц і я.—Это былъ видъ наказанія, которымъ злоупотребляли чаще, чѣмъ другими. Конфискованные имущества отбирались въ пользу государства и являлись для государственной казны обильнымъ источникомъ доходовъ.

7. Ш т р а ф ъ.—Въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ предоставлялъ опредѣленіе высоты штрафа судьямъ, онъ достигалъ очень большихъ размѣровъ. Если штрафъ не выплачивался въ теченіе опредѣленного срока, то его взыскивали въ двойномъ размѣрѣ; болѣе того: оштрафованного вносили въ списокъ государственныхъ должниковъ, а затѣмъ подвергали атиміи и даже тюремному заключенію впредь до внесенія штрафа.

(По Thonissen. Le droit pénal de la Republique athénienne, кн. II, гл. I).

15. Смерть отъ цикуты.

Критонъ далъ знакъ близъ стоявшему мальчику. Мальчикъ вышелъ и черезъ нѣсколько времени возвратился, ведя за собою человѣка, долженствовавшего дать ядъ и державшаго въ рукѣ чашу. Увидѣвъ его, Сократъ сказалъ: „Хорошо, добрый человѣкъ; что же мнѣ надобно дѣлать? ты вѣдь знатокъ этого“. — „Болѣе ничего“, отвѣчалъ онъ, „какъ выпить и ходить, пока не почувствуешь тяжести въ ногахъ, потомъ лечь: такъ и будетъ дѣйствіе“. И тутъ же подалъ Сократу чашу. Сократъ принялъ ее съ видомъ чрезвычайно спокойнымъ, безъ трепета, не измѣнившись ни въ цвѣтѣ, ни въ лицѣ...

Онъ въ ту же минуту поднесъ чашу къ устамъ и безъ всякаго принужденія, весьма легко выпилъ ее... Сократъ затѣмъ началъ ходить и, почувствовавъ, что его ноги отяжелѣли, легъ навзничъ, — такъ приказалъ тотъ человѣкъ. Вскорѣ онъ же, давшій ядъ, ощупывая Сократа, по временамъ наблюдалъ его ноги и голени и наконецъ, сильно подавивши ногу, спросилъ: „Чувствуешь ли?“ — „Нѣтъ“, отвѣчалъ Сократъ. Вслѣдъ за этимъ ощупывалъ онъ бедра и, такимъ образомъ восходя выше, показывалъ намъ, какъ Сократъ постепенно холодѣетъ и окостенѣваетъ. Сократъ осязалъ и самъ себя и промолвилъ, что, когда дойдетъ ему до сердца, онъ отойдетъ. Между тѣмъ всѣ нижнія части тѣла его уже охолодѣли; тогда, раскрывшись (ибо былъ покрытъ), онъ сказалъ (это были послѣднія слова его): „Критонъ! мы должны Асклеію пѣтуха; не забудьте же отдать“. — „Хорошо, сдѣлаемъ“, отвѣчалъ Критонъ; „но смотри, не прикажешь ли чего другого?“ На эти слова уже не было отвѣта; только немного спустя онъ вздрогнулъ, и тотъ человѣкъ открылъ его: уста и глаза остановились. Видя это, Критонъ закрылъ ихъ.

(Платонъ. Федонъ, 117—118. Переводъ Карпова).

16. Политическіе процессы.

Въ Аѳинахъ всякій человѣкъ, пользовавшійся хоть какой-нибудь долей политической власти, былъ отвѣтственъ за

свои дѣйствія, и у него могли потребовать въ нихъ отчета предъ судомъ. Этотъ принципъ примѣнялся не только къ чиновникамъ, завѣдывавшимъ государственными финансами, къ стратегамъ, руководившимъ какими-нибудь внѣшними военными предпріятіями, или къ архонтамъ, которые вѣдали правосудіе. То же правило прилагалось къ частнымъ лицамъ, которыя вносили какое-нибудь предложеніе народу или Совѣту. Всякое предложеніе закона должно было исходить отъ извѣстнаго человѣка, который считался его единственнымъ авторомъ, даже когда это предложеніе было одобрено Совѣтомъ Пятисотъ и принято народомъ.

Если впослѣдствіи обнаруживалось, что въ законѣ имѣются недостатки формальнаго свойства или что онъ противорѣчитъ общественнымъ интересамъ, всякій имѣлъ право начать процессъ противъ оратора, проводившаго этотъ законъ. Въ случаѣ осужденія законъ отвергался, а на оратора налагался штрафъ, иногда громаднхъ размѣровъ. Это именно называлось *γραφῆ παρανομῶν*, или обвиненіе въ незаконномъ дѣйствіи, и давало поводъ къ множеству политическихъ процессовъ, переносившихъ въ среду геліастовъ борьбу и страсти Народнаго Собранія. Одинъ человѣкъ, Аристофонъ Азенійскій, какъ намъ извѣстно, 75 разъ обвинялся по подобнымъ поводамъ, но всегда бывалъ оправданъ.

17. Процессъ по поводу вѣнка.

Послѣ Херонейской битвы (въ августѣ 338 г. до Р. Х.) аѳиняне спѣшно ввели нѣкоторыя оборонительныя мѣры, оказавшіяся бесполезными, такъ какъ былъ заключенъ миръ. Однако, одна изъ принятыхъ мѣръ, а именно: возстановленіе аѳинскихъ и пирейскихъ городскихъ стѣнъ, не была отмѣнена и послѣ заключенія мира. Постановленіе это было принято въ маѣ 337 года по предложенію Демосеена, а съ іюня была назначена, согласно обычаю, комиссія изъ 10 гражданъ, на которую возлагалось административное руководство работами. Демосеенъ вошелъ въ составъ этой комиссіи и долженъ былъ, какъ членъ ея, выполнить десятую часть предполагавшейся работы. Общественная казна предоставила въ его распоряженіе 10 талантовъ

(около 22.200 руб.), а онъ присоединилъ сюда изъ собственныхъ средствъ 100 минъ (около 3.700 руб.).

Въ 336 году, когда работы были окончены, одинъ изъ членовъ Совѣта, Ктесифонъ, другъ Демосѳена, внесъ предложеніе возложить на оратора въ театрѣ во время празднованія Діонисій ¹⁾ золотой вѣнокъ. Это было обычной наградой за общественныя заслуги. Но при сложившихся тогда обстоятельствахъ такой декретъ какъ бы подразумѣвалъ одобреніе всей политики Демосѳена, враждебной Македоніи. Поэтому, когда декретъ прошелъ черезъ Совѣтъ Пятисотъ и былъ представленъ въ Народное Собраніе, Эсхинъ ²⁾ сталъ утверждать, что предложеніе это было незаконно по формѣ и по существу, и настаивалъ на *γραφῆ παρανόμων*.

Это происходило въ 336 г., за нѣсколько дней до смерти Филиппа. Въ теченіе 6 лѣтъ дѣло не разбиралось, и судъ состоялся только въ 330 году. Почему произошло такое запозданіе? Повидимому, ни тяжущимся сторонамъ, ни судьямъ незачѣмъ было торопиться. Македонія была всемогуща, и свободы слова не существовало. Обстоятельства сдѣлались болѣе благопріятны, когда Александръ углубился въ верхнюю Азію. Тогда дѣло было передано суду присяжныхъ.

Эсхинъ, какъ обвинитель, говорилъ первымъ и произнесъ дошедшую до насъ рѣчь. Послѣ него нѣсколько словъ въ свою защиту сказалъ Ктесифонъ, а затѣмъ выступилъ въ качествѣ друга обвиняемаго Демосѳенъ. Въ дѣйствительности онъ защищалъ себя самого и свою политику. За оправданіе Ктесифона высказалось большинство. Эсхинъ не собралъ пятой части голосовъ и былъ приговоренъ къ штрафу въ 1000 драхмъ (около 370 руб.). Это была очень скромная сумма, и онъ могъ легко заплатить ее; но самое пораженіе нанесло ударъ его роли политическаго оратора. Онъ самъ подвергъ себя добровольному изгнанію и уѣхалъ сначала въ Эфесъ, потомъ въ Родосъ, наконецъ въ Самосъ, гдѣ и умеръ.

(D a r e s t e. Plaidoyers politiques de Démosthène, II, стр. 200-202).

¹⁾ См. вып. IV, § 25.

²⁾ Э с х и н ъ—см. вып. I, стр. 84, прим. 1.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Налогои.

Содержаніе: 1. Система налоговъ въ Греціи.—2. Налогъ на капиталъ.—3. Косвенные налоги въ Аѳинахъ.—4. Различные сборы.—5. Освобожденіе отъ налоговъ въ Кизикѣ.—6. Національная подписка.—7. Государственные займы.—8. Финансовые приемы.—9. Литургіи.—10. Хорегія.—11. Щедрость гражданъ по отношенію къ государству.

1. Система налоговъ въ Греціи.

Система налоговъ въ Греціи была иной, чѣмъ у современныхъ народовъ. Повидимому, первоначально главнымъ источникомъ доходовъ была десятина, т. е. налогъ, равный десятой части жатвы каждаго человѣка. Десятина была подоходнымъ налогомъ, но накладывался онъ только на землевладѣльцевъ, и это естественно, потому что въ ту эпоху богатство состояло почти исключительно въ земельныхъ владѣніяхъ.

Около 500 г. до Р. Х. этотъ налогъ въ Аѳинахъ прекращаетъ свое существованіе. Въ то время торговля уже начинаетъ развиваться, и десятина замѣняется таможенной пошлиной, налогомъ на продукты продажи, не считая довольно высокихъ налоговъ, взимаемыхъ съ серебряныхъ Лавріонскихъ рудниковъ. Кромѣ того, былъ введенъ другой обычай. Государство стало возлагать на богачей нѣкоторыя издержки, которыя ему приходилось нести. Если надо было, напримѣръ, вооружить корабль или отпраздновать какое-нибудь торжество, то расходы падали на того или иного гражданина. Это называлось литургіями.

Но во время Пелопоннесской войны и такой мѣры оказа-

лось недостаточнымъ. Тогда снова хотѣли обложить прямою податью собственниковъ. Но теперь не ограничились одними землевладѣльцами. Былъ обложенъ капиталъ во всѣхъ его видахъ. Этотъ налогъ означался именемъ эйсфоры. Впрочемъ, онъ не былъ постояннымъ, а взимался, главнымъ образомъ, во время войны. Мы не знаемъ ни одного примѣра, когда онъ налагался бы въ мирное время. Таковы были измѣненія, которымъ подверглась податная система Аѳинъ и большинства греческихъ государствъ. Разница между ними въ этомъ отношеніи заключалась только въ подробностяхъ.

2. Налогъ на капиталъ.

Чтобы опредѣлить размѣры капитала разныхъ собственниковъ, обращались къ показаніямъ этихъ послѣднихъ. Показанія ихъ, разумѣется, не всегда были правдивы. Многіе граждане скрывали часть своего состоянія. Сдѣлать это было не трудно, если не по отношенію къ земельной собственности, цѣнность которой была извѣстна, то по отношенію къ движимому имуществу. Тѣмъ не менѣе, принявъ во вниманіе громадную власть, которой пользовалось государство въ древности, и необычайную преданность общественнымъ интересамъ со стороны гражданъ, можно думать, что обманы происходили, вѣроятно, въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ это было бы у насъ. Любовь къ отечеству, тщеславіе, желаніе превзойти великодушіемъ другихъ, стремленіе къ популярности— все вмѣстѣ взятое заставляло аѳинянина мужественно переносить требованія государства и давать даже больше, чѣмъ сколько съ него спрашивали. Существовало какъ бы нравственное обязательство идти дальше выполненія своихъ обязанностей, и къ тѣмъ, кто довольствовался только выполненіемъ необходимаго, относились недоброжелательно.

Налогъ на капиталъ (эйсфорá) былъ, повидимому, пропорціональнымъ, но не прогрессивнымъ налогомъ. Круглая сумма его устанавливалась государствомъ, а затѣмъ распредѣлялась между плательщиками сообразно ихъ со-

стоянію. Въ виду этого граждане, подлежащіе такому налогу, были объединены въ извѣстное число группъ, такъ называемыхъ симморій (можетъ быть, 100), изъ которыхъ каждая составляла податной капиталъ одного и того же размѣра, обложенный одинаковой цифрой налога. Вслѣдствіе увеличенія или уменьшенія богатствъ, нарушавшихъ равновѣсіе симморій, приходилось время отъ времени провѣрять ихъ составъ для того, чтобы сумма ихъ податного капитала оставалась неизмѣнной. Доля каждого плательщика въ зависимости отъ группы опредѣлялась по принципу пропорціональности; но желающіе могли взять на себя ббльшую часть налога и тѣмъ уменьшить долю, падавшую на другихъ. Этотъ очень распространенный обычай дѣлалъ на практикѣ эйсфору налогомъ прогрессивнымъ. Возможно, что граждане, состояніе которыхъ было ниже 2.000 драхмъ (740 руб.), освобождались отъ него.

Налогъ взимался особыми должностными лицами, избираемыми по жребію. Часто случалось, что нѣкоторыя лица, по нежеланію или по недостатку средствъ, уклонялись отъ этой повинности. Законъ сурово каралъ ихъ: имущество ихъ отбиралось въ казну, а они сами нерѣдко заключались въ тюрьму.

Съ 362 года триста самыхъ богатыхъ гражданъ обязались вносить впередъ въ казну всю сумму налога, которую они потомъ взыскивали съ плательщиковъ уже въ свою пользу. Возможно, что эта сумма часто падала всецѣло на нихъ, потому что они не всегда могли собрать ее, а къ крутымъ мѣрамъ прибѣгать иногда не рѣшались. Городу это было вдвойнѣ выгодно, такъ какъ онъ сразу получалъ полный сборъ налога и въ то же время избавлялся отъ расходовъ и неприятностей по его взысканію.

(По Р. Guiraud. *Études économiques sur l'Antiquité*.)

3. Косвенные налоги въ Аѳинахъ.

1. Таможенная пошлина. — Она взималась со всѣхъ товаровъ, ввозившихся въ Аттику или вывозившихся изъ нея. Она именовалась „одной пятидесятой“, потому что по размѣру была двухпроцентной.

2. Портовый сборъ.—Одинъ ученый (Vöckh) предполагаетъ, что онъ равнялся сотой части корабельнаго груза.

3. Пошлина на предметы купли и продажи.—Обыкновенно она равнялась одному проценту, но это не было безусловно установленнымъ правиломъ. На основаніи одной надписи V вѣка мы можемъ сдѣлать заключеніе, что въ извѣстныхъ случаяхъ взималось по одному оболу (около 6 коп.) съ вещи, стоившей отъ одной до четырехъ драхмъ (отъ 37 к. до 1 р. 50 к.) (т. е. отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{24}$ части); по три оболы (около 18 к.) съ вещи, стоившей отъ 5 до 50 драхмъ (отъ 1 р. 85 к. до 18 р. 50 к.) (т. е. отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{100}$ стоимости), и одной драхмѣ (37 коп.) съ вещи стоимостью отъ 50 до 100 драхмъ.

4. Городская пошлина.—Она обозначалась словомъ *διαπόλιον*, потому что взималась съ предметовъ, ввозимыхъ въ городскія ворота.

5. Рыночная пошлина.—Она платилась продавцами, которые торговали на агорѣ, и устанавливалась въ зависимости отъ количества и характера продаваемыхъ предметовъ.

Государство давало эти разнообразныя пошлины на откупъ частнымъ лицамъ, которыя иногда составляли для этой цѣли общества.

Безполезно указывать на двѣ другія пошлины ($\frac{1}{20}$ и $\frac{1}{100}$ часть дохода), установленныя аѳинянами во время Пелопоннесской войны и носившія совершенно случайный характеръ.

(По Gilbert. Handbuch der griechischen Staatsalterthümer, т. I, стр. 331—334).

4. Различные сборы.

1. Подушная подать.—Метэки въ Аѳинахъ платили по 12 драхмъ (около 4 р. 45 к.) въ годъ съ мужчины и по 6 драхмъ съ женщины. На вольноотпущенниковъ налагалась та же подать.

2. Государственныя имущества.—Въ Греціи часть государственнаго имущества составляли рудники. За право ихъ разработки въ государственное казначейство

вносилась опредѣленная сумма, а кромѣ того—ежегодная аренда, равнявшаяся $\frac{1}{24}$ части дохода. Государство владѣло также домами и землями, которые оно отдавало въ аренду. Въ особенности часто предметомъ его владѣнія были пастбища, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ Греціи. Каждый имѣлъ право выгонять на эти пастбища свои стада, при условіи опредѣленнаго взноса за каждую голову скота.

3. Судебныя пошлины.—При всѣхъ судебныхъ процессахъ обѣ тяжущіяся стороны должны были вносить извѣстную сумму денегъ, которая шла въ пользу государства. Кромѣ того, въ Греціи часто примѣнялись штрафы, достигавшіе иногда большихъ размѣровъ. Сюда же надо отнести суммы, получавшіяся отъ конфискацій, которыми суды, какъ въ Аѣинахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, часто злоупотребляли и которые составляли важную статью прихода въ бюджетъ государства. „Когда“, говоритъ ораторъ Лизій, „для покрытія государственныхъ расходовъ у Совѣта имѣется достаточно средствъ, онъ никому не причиняетъ обидъ; но если казначейство пусто, онъ вынужденъ давать ходъ доносамъ и конфисковывать нѣкоторыя частныя имущества“. (Противъ Никомаха, 12).

5. Освобожденіе отъ налоговъ въ Кизикѣ¹⁾.

Когда грекъ получалъ національную награду, онъ желалъ болѣе всего, чтобы это было сдѣлано въ формѣ освобожденія его отъ того или иного налога. Но примѣняли эту мѣру не часто. Вотъ примѣръ такой награды.

„Государство даруетъ Медику и дѣтямъ Эсепа освобожденіе отъ налоговъ и право питаться въ пританеѣ. Изъятіе изъ этого права дѣлается только по отношенію податей, которыя взимаются при пользованіи общественными верфями для постройки кораблей и употребленіи общественныхъ вѣсовъ, а также для пошлинъ при продажѣ лошадей и рабовъ и для четвертнаго налога²⁾. Въ остальномъ они будутъ пользо-

¹⁾ Декретъ относится къ VI в. до Р. Х. (Прим. автора).

²⁾ Что это за налогъ—неизвѣстно. (Прим. автора).

ваться безусловнымъ освобожденіемъ. Народъ обязанъ подѣ присягою уважать эту милость“.

(Röhl. Inscriptiones Graecae antiquissimae, 491).

6. Національная подписка.

Добровольныя пожертвованія гражданъ были въ Греціи въ достаточной мѣрѣ распространены. Иногда само государство открывало національную подписку, какъ гласить, напри- мѣръ, слѣдующая надпись III вѣка до Р. Х.:

„Народъ постановилъ:

„Для того, чтобы произвести сборъ денегъ, которыя дали бы военному казначею возможность расходовать необходимыя средства съ цѣлью обезпечить на остальную часть этого года возможность сбора жатвы... граждане и другіе жители, желающіе пожертвовать деньги на безопасность города и охрану территоріи, приглашаются дѣлать объ этомъ заявленіе въ Совѣтъ или записываться у стратеговъ отъ настоящаго времени до мѣсяца Мунихіона. Никто не долженъ жертвовать болѣе 200 драхмъ и менѣе 50. Жертвователи, каждый въ зависимости отъ своихъ заслугъ, будутъ увѣнчаны и удостоены народнаго одобренія и почета. Секретарь народа озаботится написаніемъ этого постановленія и именъ жертвователей на каменной стелѣ, которая будетъ поставлена на агорѣ, чтобы всѣ могли видѣть усердіе благодѣтелей народа...“

„Списокъ тѣхъ, кто сдѣлалъ пожертвованіе на безопасность города и охрану территоріи согласно постановленію народа“.

Затѣмъ идетъ длинный перечень именъ, почти всѣхъ съ пожертвованіями по 200 драхмъ.

(Corpus inscript. Atticar., т. II, стр. 334).

7. Государственные займы.

Когда для государства являлась необходимость заключить заемъ, оно обращалось къ какому-нибудь храму или, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, къ частному лицу.

1. Деньги, которыя аѳинскій народъ взялъ въ долгъ у Аѳины Паллады:

„Казначей Андроклъ и его товарищи вручили . . . стратегамъ Гиппократу и его товарищамъ . . . (годъ и число) 20 талантовъ (около 44.400 руб.). Проценты съ этой суммы составляли 5.636 драхмъ (около 2.085 руб.).

„Второй взносъ денегъ (годъ и число)—50 талантовъ (около 111.000 руб.). Проценты съ этой суммы—2 таланта 1.970 драхмъ (около 5.170 р.).

„Третій взносъ (годъ и число)—28 талантовъ 5.078 драхмъ (около 64.040 руб.). Проценты—1 талантъ 1.719 драхмъ 2 оболы (около 2.855 руб.).

„Четвертый взносъ (годъ и число)—44½ таланта (около 108.780 руб.). Проценты—1 талантъ 4.662 драхмы 1 оболъ (около 3.945 руб.).

„Пятый взносъ (годъ и число)—100 талантовъ (около 222.000 руб.). Проценты—3 таланта 5.940 драхмъ (около 8.858 руб.).

„Шестой взносъ (годъ и число)—18 талантовъ 3.562 драхмы (около 41.280 руб.). Проценты—4.172 драхмы 2¼ оболы (около 1.544 руб.).

„Всего было взято въ долгъ во время службы Андрокла 261 талантъ 5.640 драхмъ (около 581.500 руб.).

„Всего было уплачено процентовъ на занятыя суммы во время службы Андрокла—11 талантовъ 99 драхмъ 1 оболъ (около 24.420 руб.).“

(Corpus inscript. Atticar., т. I, 273).

2. Деньги, взятыя въ долгъ у одной женщины городомъ Орхоменомъ.

„Никарета изъ Ѳеспіи въ присутствіи ея мужа Дексиппа дала въ долгъ представителямъ Орхомена (слѣдуетъ 4 имени) и ихъ поручителямъ (слѣдуетъ 10 именъ)—18.833 серебряныхъ драхмы (около 6.970 руб.). Деньги переданы въ Ѳеспіи. Срокъ уплаты—праздникъ Панбойотій такого-то года.

„Заемщики или ихъ поручители должны вернуть Никаретѣ взятыя въ долгъ деньги на праздникъ Панбойотій, за три дня до жертвоприношеній. Въ противномъ случаѣ ихъ

будутъ преслѣдовать по закону. Никарета можетъ тогда привлечь къ суду какъ заемщиковъ, такъ и ихъ поручителей, отдѣльно какого-нибудь изъ нихъ или нѣсколькихъ, или всѣхъ вмѣстѣ, а также имѣетъ право на ихъ имущество. Этотъ договоръ будетъ имѣть силу, если будетъ предъявленъ отъ имени Никареты и къ-мъ-нибудь другимъ.

„Свидѣтели: Семь ѳеспійцевъ.

„Договоръ положенъ на храненіе къ Фифіаду“.

(Inscriptions juridiques grecques, т. I, стр. 283).

8. Финансовые приемы.

Вотъ какъ поступили жители Лампсака. Въ то время, когда мука стоила 4 драхмы (около 1 руб. 48 коп.) за медимнъ, они приказали торговцамъ продавать ее за 6 драхмъ. Они подняли цѣну на масло вмѣсто 3 драхмъ (около 1 руб. 10 коп.) за хусъ ¹⁾ до 4¹/₂ (около 1 руб. 67 коп.). Такъ же поступили по отношенію къ вину и другимъ продуктамъ. Этотъ излишекъ передавался государству.

Когда лакедемоняне принуждены были дать вспоможеніе самосцамъ, они рѣшили наложить на самихъ себя, своихъ рабовъ и скоть постъ на одинъ день. Сумма, которая была съэкономлена такимъ образомъ, передана была самосцамъ.

У хіосцевъ былъ законъ, согласно которому долговныя обязательства записывались должностнымъ лицомъ. Однажды, переживая нужду, они сдѣлали слѣдующее постановленіе: частные долги должны уплачиваться не кредитору, а государству; государство же обязуется выдавать этимъ кредиторамъ проценты изъ тѣхъ доходовъ, которые оно извлечетъ съ помощью полученныхъ такимъ путемъ денегъ.

Жители Клазоменъ испытывали нужду въ хлѣбѣ и деньгахъ. Они рѣшили, чтобы всѣ, кто имѣетъ масло, отдали его государству за извѣстные проценты. Масло было однимъ изъ главнѣйшихъ продуктовъ ихъ страны. Затѣмъ они наняли корабли своихъ кредиторовъ, отправили

¹⁾ Медимнъ и хусъ—см. вып. I, стр. 20.

ихъ въ страны, откуда они получали хлѣбъ, и сдали тамъ это масло подъ залогъ.

Эфесцы запретили однажды женщинамъ носить золотыя украшенія и приказали отдать въ долгъ государству тѣ изъ нихъ, которыми онѣ обладали.

(Лже-Аристотель. Экономика, 2, 7, 9, 12, 16, 19).

9. Литургіи.

Государство въ Греціи удовлетворяло своимъ нуждамъ не только путемъ денежныхъ поборовъ, а также и съ помощью различныхъ повинностей, называемыхъ литургіями. Онѣ, не обогащая государственной казны, избавляли ее, по крайней мѣрѣ, отъ расходовъ.

Среди обычныхъ, ежегодно повторявшихся литургій самой важной была хорегія, т. е. составленіе хора, который долженъ былъ участвовать въ драматическихъ представленіяхъ. Затѣмъ слѣдовала гимназіархія. Тотъ, на кого ложилась эта обязанность, долженъ былъ подготавливать для разныхъ празднествъ борцовъ въ гимназіяхъ, содержать ихъ во все время этой подготовки, наконецъ, устроить приличнымъ образомъ мѣсто для битвы. Лампдархія предполагала устройство конскихъ скачекъ или состязаній въ бѣгѣ людей съ зажженными факелами. Лизій ссылается на одно лицо, которое израсходовало на это 1.200 драхмъ (около 444 руб.). Архигеорія состояла въ представительствѣ государства на какихъ-нибудь иностранныхъ торжествахъ. Расходы на это несли частью государственная казна, частью глава посольства. Упоминается, кромѣ того, о другихъ литургіяхъ, учрежденныхъ для доставленія средствъ на устройство состязаній колесницъ и судовъ, устройство общей трапезы для членовъ одной и той же филы и т. д.

Этимъ повинностямъ подлежали лишь тѣ, кто обладалъ состояніемъ не менѣе, какъ въ 3 таланта (около 6.660 руб.). Незамужнія сироты освобождались отъ нея. Юноши-сироты пользовались этой льготой въ теченіе года послѣ ихъ совершеннолѣтія. Никого нельзя было обязать выпол-

нять двѣ литургіи въ годъ или одну и ту же литургію подрядъ два года.

Тріерархія была чрезвычайной и самой обременительной литургіей. Она состояла въ обязанности снарядить военный корабль.

Если какой-нибудь человѣкъ находилъ, что литургія наложена на него неправильно и что сосѣдь его былъ избавленъ отъ нея несправедливо, онъ могъ настаивать, чтобы этотъ послѣдній занялъ его мѣсто. Часто такое требованіе встрѣчало отказъ со стороны этого лица. Въ такомъ случаѣ судъ постановлялъ совершить предварительную конфискацію достоянія и одного, и другого. Составлялась опись имущества, и болѣе богатый подвергался литургіи. Это носило названіе *ἀντίδοσις*.

(Schömann. *Antiquités grecques*, т. I, стр. 523 и сл.; Lecrivain. *Revue historique*, т. XL, стр. 276 и сл.).

10. Хорегія.

На хорегѣ лежала обязанность устроить и обучить на свои собственныя средства хоръ, который принималъ участіе въ состязаніяхъ на различныхъ празднествахъ, какъ, напримѣръ, на Діонисіяхъ или Панаѳинейяхъ. Обязанность эта считалась очень почетной, но съ нею были сопряжены такіе большіе расходы, что она была доступна лишь людямъ, обладающимъ крупнымъ состояніемъ. Впрочемъ, богачи считали долгомъ чести не отступать ни передъ какими жертвами. Ихъ побуждали къ этому, съ одной стороны, примѣры ихъ предшественниковъ и соперниковъ или надежда полученія награды на состязаніяхъ, съ другой — желаніе избѣгать насмѣшекъ согражданъ и упрековъ должностныхъ лицъ.

Для каждаго праздника всякая фила доставляла по одному хорегу. Обыкновенно соотвѣтствующія власти назначали его заранѣе, но иногда находились лица, сами предлагавшія свои услуги. Прежде всего хорегу приходилось искать лицо, которое способно было бы составить хоръ. Для этого устраивалось собраніе всѣхъ десяти хореговъ подъ предсѣдательствомъ архонта, и устанавливалась по жребію очередь, въ которой на каждаго изъ нихъ ложи-

лась обязанность избирать дидака, или учителя. Во времена Демосфена къ такому же приему прибѣгали для нахождения флейтиста. Затѣмъ надо было приняться за розыски хористовъ, которые должны были состоять исключительно изъ гражданъ.

Если у хорега не было времени ходить на репетиціи, онъ поручалъ эту обязанность какому-нибудь довѣренному лицу, но отвѣтственнымъ за все былъ лично онъ. Онъ доставлялъ помѣщеніе, удобное для упражненій хора; чаще всего это происходило въ его собственномъ домѣ. Онъ кормилъ хористовъ и платилъ имъ жалованіе; онъ или заказывалъ, или бралъ на прокатъ для нихъ и для себя прекрасные костюмы, вѣнки и маски. Въ день праздника онъ съ великой пышностью отводилъ хоръ на мѣсто состязанія и присутствовалъ при его выступленіи. Во время всей этой церемоніи онъ считался лицомъ священнымъ. Оскорбленіе ему было оскорбленіемъ государству и богу, въ честь котораго происходило празднество.

Послѣ состязаній всѣхъ хореговъ распредѣляли по степенямъ. Первый изъ нихъ получалъ вѣнокъ. Но побѣдителемъ считался не онъ, а его фила. Наградой хору танцоровъ на праздникъ Великихъ Панаѳиней служила телка. На праздникъ Діонисій хоръ пѣвцовъ награждался треножникомъ. Хорега былъ обязанъ посвятить этотъ треножникъ богу и сдѣлать на немъ надпись, упоминавшую объ его имени, успѣхѣ, составѣ хора, его филѣ, о дидакалѣ и флейтистѣ, которые помогали ему.

Трагическій хоръ требовалъ бѣльшихъ расходовъ, чѣмъ хоръ комическій. Согласно свидѣтельству Лизія, одинъ богатый гражданинъ израсходовалъ на содержаніе трагическаго хора 3 000 драхмъ (около 1.110 руб.). Хоръ танцоровъ стоилъ ему 800 драхмъ (около 296 руб.). Устройство хора на праздникъ Великихъ Панаѳиней и посвященіе треножника, полученнаго имъ въ награду, обошлось въ 5.000 драхмъ (около 1.850 руб.). Въ общемъ, въ теченіе 9 лѣтъ на 7 хорегій у него вышло около 4.940 рублей. Чтобы облегчить тяжести этой литургіи, около 406 года было разрѣшено устраивать ее сообща двумъ гражданамъ. Впослѣдствіи государство стало брать на себя иногда даже всѣ расходы.

Это учрежденіе не было особенностью только однихъ Аѳинъ, но встрѣчалось также на о. Сифнѣ, Эгинѣ, въ Митиленахъ, Эвахахъ, Орхоменѣ и Кеосѣ, но намъ неизвѣстно, сохраняло ли оно всюду одинаковый характеръ. (По сочиненію Krebs. Dictionn. des antiquités, т. I, стр. 1117—1119).

11. Щедрость гражданъ по отношенію къ государству.

„Когда я былъ назначенъ хорегомъ для одной трагедіи“ говоритъ одинъ кліентъ оратора Лизія, „я израсходовалъ 30 минъ (около 1.110 руб.). 3 мѣсяца спустя, на празднествѣ Фаргелій, я съ моимъ мужскимъ хоромъ одержалъ побѣду, при чемъ хоръ этотъ обошелся мнѣ въ 2.000 драхмъ (около 740 руб.). Хоръ танцоровъ на праздникѣ Панаѳиней во время архонтства Главкиппа обошелся мнѣ болѣе 800 драхмъ (около 296 руб.). При томъ же архонтѣ я съ моимъ мужскимъ хоромъ былъ побѣдителемъ на празднествѣ Діонисій. Я израсходовалъ, считая пожертвованіе треножника, 5.000 драхмъ (около 1.850 руб.). Я прибавилъ на празднествѣ Малыхъ Панаѳиней, во время архонтства Діокла, 300 драхмъ (около 110 руб.). Кромѣ этихъ расходовъ и опасностей, которымъ я ежедневно подвергался изъ-за васъ внѣ Аттики, я внесъ сначала 30 минъ (около 1.110 руб.), а потомъ 4.000 драхмъ (около 1.480 руб.) военного налога. Когда я при архонтѣ Алексіи вернулся въ Аѳины, то сейчасъ же былъ назначенъ гимназіархомъ на праздникѣ Прометея и получилъ награду, израсходовавъ 12 минъ (около 444 руб.). Позднѣе я устроилъ дѣтскій хоръ, который обошелся мнѣ болѣе 15 минъ (около 555 руб.). Во время архонтства Эвклида я получилъ награду за комическій хоръ, израсходовавъ 16 минъ (около 592 руб.) и болѣе 7 минъ (около 259 руб.) на хоръ танцоровъ во время праздника Малыхъ Панаѳиней. Я былъ побѣдителемъ въ гребныхъ гонкахъ у мыса Сунія и израсходовалъ 15 минъ (около 555 руб.), не считая нѣкоторыхъ другихъ литургій, которыя обошлись мнѣ болѣе 30 минъ (около 1.110 руб.). Правда, если бы я держался точныхъ предписаній закона,

то не израсходоваль бы и четверти указаннаго“ (Лизій, XXI, 1—5).

Въ одной судебной рѣчи Исея читаемъ: „Дикеогенъ, назначенный отъ своей филы хорегомъ на праздникъ Діонисій, занялъ на состязаніи только четвертое мѣсто. Въ состязаніяхъ трагическаго хора и хора танцоровъ онъ былъ признанъ послѣднимъ. Это были единственныя литургии, которыя онъ принялъ на себя по давленію и принужденію, и, несмотря на свои доходы, вотъ какъ блестяще онъ выполнилъ свои обязанности хорега! Болѣе того: въ то время, какъ столько гражданъ несли обязанности тріерарха, онъ ни разу не выполнялъ эту повинность ни единолично, ни сообща съ кѣмъ-нибудь, и поступалъ такъ, несмотря на великую нужду государства въ корабляхъ. Всѣ граждане должны были нести значительныя повинности для покрытія военныхъ издержекъ и защиты государства. Дикеогенъ не платилъ ихъ совѣмъ. Только однажды, по запросу одного гражданина, онъ пообѣщаль передъ Народнымъ Собраніемъ сдѣлать добровольный даръ въ 300 драхмъ (около 110 руб.), но не сдержалъ своего обязательства и, къ стыду своему, долженъ былъ подвергнуться за это опубликованію во всеобщее свѣдѣніе.

„Мои предки, наоборотъ, не старались уклониться ни отъ какой хорегіи. Они вносили въ казначейство въ качествѣ подати на военныя нужды большія суммы серебра и при всѣхъ обстоятельствахъ несли повинность тріерархіи. Доказательства того, каковы были эти люди, находятся въ храмахъ, куда они совершали пожертвованія отъ излишковъ своего состоянія, что и свидѣтельствуетъ объ ихъ достоинствахъ. Въ храмѣ Діониса есть треножки, которые они получили, какъ побѣдители при исполненіи обязанностей хореговъ; имѣются такіе треножки и въ храмѣ Аполлона Пифійскаго. Они посвятили въ видѣ пожертвованія богамъ въ Акрополѣ часть своего состоянія и обогатили священное мѣсто бронзовыми и каменными произведеніями искусства необычайно многочисленными, если вспомнить, что они приобрѣтены на частныя средства...“ (Исей, V, 36—42).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Войско и флотъ.

Содержаніе: 1. Патриотизмъ.—2. Обязанность гражданина защищать свое отечество.—3. Военная пѣснь VII вѣка до Р. Х.—4. Вооруженіе въ гомеровскую эпоху.—5. Битва въ гомеровскія времена.—6. Наборъ войска.—7. Злоупотребленія при наборѣ войска, по свидѣтельству Аристофана.—8. Наемники.—9. Различныя виды войскъ.—10. Командованіе войскомъ въ Спартѣ.—11. Командованіе войскомъ въ Афинахъ.—12. Начальникъ наемниковъ.—13. Жалованье войскамъ.—14. Порядокъ похода.—15. Боевая тактика.—16. Битва при Марафонѣ.—17. Сраженіе при Мантиней.—18. Укрѣпленія.—19. Осада Платей.—20. Триера.—21. Экипажъ корабля.—22. Триерархія.—23. Триерархъ на своемъ кораблѣ.—24. Пирей и афинскій флотъ.—25. Сраженіе при Саламинѣ.—26. Почести, воздававшіяся гражданамъ, погибшимъ за отечество.

1. Патриотизмъ.

Слово „отечество“ у древнихъ означало землю отцовъ. Для каждаго древняго грека отечествомъ былъ участокъ земли, освященный его домашней или національной религіей, той земли, гдѣ лежали кости и обитали души его предковъ. Малое отечество подразумѣвало принадлежащій семьѣ огороженный участокъ съ собственными могилой и очагомъ. Отечествомъ въ большемъ видѣ было государство-городъ съ его пританеемъ и героями, съ его священной оградой и территоріей, установленной религіей. „Священная земля отечества“, говорили греки, и это не были пустыя слова. Земля была дѣйствительно священна для человѣка того времени, потому что она служила обиталищемъ его боговъ. Государство, гражданская община, отечество—эти слова не были только отвлеченнымъ понятіемъ, какъ у новѣйшихъ

народовъ, а дѣйствительно выражали совокупность мѣстныхъ божествъ съ ихъ повседневымъ культомъ и съ могущественными вѣрованіями въ души предковъ.

Этимъ объясняется патріотизмъ древнихъ — то сильное чувство, которое считалось у нихъ высшею добродѣтелью и къ которому сводились всѣ прочія добродѣтели. Съ отечествомъ соединялось все самое дорогое для человѣка. Въ немъ совмѣщались его благосостояніе, безопасность, права, вѣра, боги. Утрачивая его, онъ терялъ все. Столкновеніе частныхъ и общественныхъ интересовъ было почти невозможно для него. Платонъ ¹⁾ говоритъ: „Отечество порождаетъ насъ, питаетъ и воспитываетъ“. Софокль ²⁾ же заявляетъ: „Отечество—вотъ наша охрана“.

При такомъ пониманіи отечества оно обозначаетъ не только мѣстожителство человѣка. Покидая священныя стѣны родины, переходя черезъ священныя границы ея предѣловъ, грекъ уже не находилъ для себя ни религіозныхъ, ни общественныхъ связей. Вездѣ въ другомъ мѣстѣ онъ стоялъ за предѣлами правильно установленнаго обихода и покровительства законовъ. Повсюду онъ попадалъ въ приниженное состояніе, становился внѣ устоевъ нравственной жизни. Его человѣческое достоинство и права осуществлялись только въ отечествѣ. Онъ могъ быть счастливъ только тамъ.

Онъ былъ соединенъ съ отечествомъ священными узами. Отечество надо было любить, какъ любятъ религію; повиноваться ему, какъ повинуются божеству. Ему надо было отдаваться цѣликомъ, посвятить ему все. Досталось ли отечеству на долю блескъ или униженіе, благоденствіе или несчастіе, человѣкъ долженъ любить его. Любовь эту слѣдуетъ питать къ нему и за его благодѣянія, и за тяготы, въ особенности надо умѣть умирать за него. Греку не свойственно было жертвовать жизнью во имя преданности какому-нибудь другому человѣку или во имя своей чести, но

¹⁾ П л а т о н ъ—см. вып. I, стр. 8, прим. 2.

²⁾ С о ф о к л ѣ—см. вып. IV, стр. 41, прим.

отечеству онъ обязанъ отдать свою жизнь: вѣдь нападеніе на его отечество было нападеніемъ на самую религію. Грекъ дѣйствительно сражался за свои алтари и очаги, потому что, какъ только врагъ завладѣвалъ городомъ, онъ сейчасъ же ниспровергалъ алтари, гасилъ очаги, оскорблялъ могилы, истреблялъ боговъ, уничтожалъ культъ. Благочестіе древнихъ состояло въ любви къ отечеству.

(Fustel de Co'ulanges. La Cité antique, стр. 233—234).

2. Обязанность гражданина защищать свое отечество.

Въ тотъ моментъ, когда Аѣины потерпѣли пораженіе при Херонеѣ отъ македонскаго царя Филиппа, нѣкто Леократъ бѣжалъ изъ Аѣинъ и уклонился такимъ путемъ отъ обязанности защищать свое отечество. Когда послѣ довольно долгаго отсутствія онъ явился въ Аѣины, ораторъ Ликургъ заставилъ его предстать предъ судомъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Ликургъ клеймилъ его поведение:

„Вы должны наказать Леократа во имя Аѣинъ, во имя вашихъ боговъ. Единогласнымъ постановленіемъ вы должны выразить сегодня ваше отношеніе къ величайшимъ и позорнѣйшимъ преступленіямъ, публично совершеннымъ Леократомъ. Они состоятъ: въ измѣнѣ, потому что, покидая городъ, онъ предалъ его въ руки враговъ; въ оскорбленіи демократіи, потому что онъ отказался бороться за ея свободу; въ нечестіи, потому что онъ предоставилъ врагамъ, поскольку это отъ него зависѣло, вырубать священные лѣса и ниспровергать храмы; въ оскорбленіи своихъ предковъ, потому что онъ споспособствовалъ разрушенію ихъ могилъ и лишенію погребальныхъ почестей, которыя былъ обязанъ совершить въ честь ихъ; наконецъ, въ дезертирствѣ и неповиновеніи, потому что онъ не явился къ стратегамъ, чтобы они отправили его въ войско. Кто изъ васъ послѣ всего этого способенъ оправдать его или оставить безнаказанными столько умышленно совершенныхъ преступленій? Кто изъ васъ будетъ столь безразсуднымъ, что, спасая этого подлаго человѣка, предоставитъ свое соб-

ственное спасеніе людямъ, способнымъ покинуть васъ въ опасности? Кто изъ сожалѣнія къ этому человѣку пожелаетъ сдѣлаться жертвой неумолимаго врага и, оказывая снисхожденіе измѣннику отечества, вызвать такимъ образомъ мщеніе боговъ?“

(Ликургъ. Противъ Леократа, 146—148).

3. Военная пѣснь VII вѣка до Р. X.

Славно вѣдь жизнь потерять, средь воиновъ доблестныхъ павши,
Храброму мужу въ бою изъ-за отчизны своей;
Градъ же родной и цвѣтущія нивы покинувъ, быть нищимъ—
Это, напротивъ, удѣлъ всѣхъ тяжелѣйшій другихъ!
Съ матерью милой, съ отцомъ-старикомъ на чужбинѣ блуждаетъ,
Съ малыми дѣтками трусъ и съ молодою женой.
Будетъ онъ жить ненавистнымъ средь тѣхъ, у кого пріютится,
Тяжкой гонимый нуждой и роковой нищетой.
Родъ онъ позорить и видъ свой цвѣтущій стыдомъ покрываетъ;
Бѣды, безцельно летятъ всюду за нимъ по слѣдамъ.
Если же, вправду, ни теплой заботы не встрѣтитъ скиталець,
Ни уваженья, стыда иль состраданья въ нуждѣ,—
Будемъ за родину храбро стоять и, дѣтей защищая,
Ляжемъ костью, не щадя жизни въ отважномъ бою!
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примѣромъ
Бѣгства постыднаго иль трусости жалкой другимъ,
Но сохраняйте въ груди всегда духъ удалой и могучій
И не жалѣйте души, выйдя съ врагами на бой!
Не покидайте старѣйшихъ, у коихъ ужъ слабы колѣна,
И не бѣгите, предавъ старцевъ на жертву врагамъ.
Страшный позоръ вамъ, когда среди воиновъ первыхъ упавшій
Старець лежитъ, впереди юныхъ лѣтами бойцовъ,
Старець съ главою уже убѣленной, съ сѣдой бородою,
Полный отваги еще, духъ испуская въ пыли,
Кровью облитые члены руками прикрыть не забывши,—
Стыдно и страшно глядѣть глазу на этотъ позоръ—
Безъ одѣянья на тѣлѣ! А юношѣ все вѣдь пристойно.
Если онъ доблестный цвѣтъ юности нѣжной хранить:
Видомъ онъ—дивенъ мужамъ, пока живъ, и плѣнителенъ женамъ;
Если-жъ падетъ средь бойцовъ,—чудной сіяетъ красой!
Пусть же, широко шагнувъ, стоитъ каждый на мѣстѣ, ногами
Въ землю сильнѣй упершись, губы зубами прижавъ.

(Тиртей. Переводъ В. В. Л.).

4. Вооруженіе въ гомеровскую эпоху.

Оборонительное оружіе, сдѣланное изъ бронзы, состояло изъ шлема, латы, щита и наколѣнниковъ, или кнеמידъ. Къ этому надо прибавить особый металлическій поясъ, прикрѣплявшійся къ тому мѣсту, гдѣ кончались латы, и служившій для защиты живота и поясицы. На верху шлема развѣвался султанъ изъ конскихъ волосъ, выкрашенный иногда въ красный цвѣтъ. Къ шлему были придѣланы приспособленія для защиты щекъ, но для защиты носа ихъ не было. Два толстыхъ бронзовыхъ листа, соединявшихся на бокахъ, составляли латы: одинъ изъ нихъ покрывалъ грудь, другой—спину. Щитъ былъ круглымъ или овальнымъ. Въ первомъ случаѣ у него было двѣ ручки: въ одну продѣвали руку, за другую держались пальцами. Щитъ продолговатой формы достигалъ иногда почти размѣровъ челоуѣческаго тѣла; въ этомъ случаѣ его необходимо было держать всей рукой. Благодаря особенному кожаному ремешку щитъ можно было при ходьбѣ или бѣгѣ положить себѣ на спину.

Шлемы.

Наступательное оружіе дѣлалось также изъ бронзы. О желѣзныхъ наконечникахъ стрѣлъ, желѣзномъ мечѣ и палицѣ упоминается всего въ двухъ-трехъ стихахъ, да и то вставленныхъ, можетъ быть, позднѣе. Главнымъ оружіемъ былъ длинный обоюдоострый мечъ. Деревянная или костяная оправа, прикрѣпленная золотыми или серебряными гвоздями къ рукояткѣ, давала возможность взять это оружіе рукой и крѣпко держать его. На ножнахъ

Воинъ.

часто были украшенія изъ серебряной и золотой инкрустаціи. Нерѣдко къ ножнамъ прикрѣпляли другой, болѣе короткій мечъ, который пускали въ ходъ, если ломался первый. Ясеновое древко съ металлическими остріями на обоихъ концахъ составляло копье. Одно остріе служило для нападенія, другое для втыканія въ землю. Копьемъ этимъ наносили удары и метали его въ непріятеля. Наконечники стрѣлъ были трехгранные. Ихъ нельзя было извлечь изъ тѣла, такъ какъ они дѣлались съ особыми зазубринами. Впрочемъ, стрѣлки играли въ войскѣ только второстепенную роль. Воины, пользующіеся извѣстностью, выѣзжали

Военная колесница.

на сраженіе въ колесницѣ, которая запрягалась парой лошадей; ими управлялъ кучеръ, стоящій рядомъ съ воиномъ. Онъ придерживалъ лошадей въ то время, какъ воинъ, спустившись на землю, сражался со своимъ противникомъ; а когда борьба заканчивалась, онъ везъ его обратно, побѣдителемъ или побѣжденнымъ.

(Perrot. *Revue des Deux Mondes*, т. LXX (1885), стр. 305).

5. Битва въ гомеровскія времена.

А Мирмидонцы межъ тѣмъ за Патрокломъ вождемъ ополчившись Двигались вмѣстѣ, пока на враговъ не обрушились грозно...

Такъ Мирмидонцы въ то время съ такимъ же безтрепетнымъ духомъ Изъ кораблей налетѣли, и крикъ раздавался немолчный.

Голосомъ зычнымъ Патроклъ воззвалъ, обращаясь къ дружинѣ...
И Мирмидоняне всѣ на Троянцевъ обрушились разомъ.
Грозно суда огласились воинственнымъ кликомъ Ахейнъ.
Лишь увидали Троянцы Менойтія храбраго сына
Вмѣстѣ съ товарищемъ брани, покрытыхъ оружіемъ свѣтлымъ,
Дрогнуло сердце у всѣхъ, и фаланги пришли въ безпорядокъ,
Ибо они полагали, что сынъ быстроноги Пелея
Долгій свой гнѣвъ укротилъ и съ Ахейцами вновь примирился.
Каждый, дрожа, озирался, чтобъ гибели черной избѣгнуть.
Первый Патроклъ блестящимъ копьемъ замахнулся и бросилъ
Прямо въ средину толпы, гдѣ тѣснилося больше героевъ,
Передъ кормой корабля благороднаго Протезилая,
И поразилъ Пирехмеса; наѣздниковъ храбрыхъ Пеонянъ
Изъ Абидоса привелъ онъ, гдѣ Аксіей струится широко.
Въ правое ранилъ его онъ плечо, и тотъ, громко стеноя,
Навзничъ свалился во прахъ. Отступила дружина въ испугъ,
Ужась въ Пеонянахъ всѣхъ возбудилъ сынъ Менойтія храбрый,
Ихъ полководца убивъ, кто въ кровавомъ бою отличался.
Бой закипѣлъ межъ вождами, и мужъ умерщвляемъ былъ мужемъ.
Первымъ Патроклъ могучій, Менойтія сынъ благородный,
Ареилика ударилъ, къ нему обращеннаго тыломъ,
Острою мѣдью въ бедро. И насквозь остріе проскочило,
Кость раздробивъ, и Троянецъ на землю лицомъ повалился.
Царь Менелай, сынъ Атрея воинственный, ранилъ Ѡаса
Въ грудь, неприкрытую круглымъ щитомъ, и сковалъ ему члены.
Сынъ же Филея, замѣтивъ Амфикла съ подъятымъ оружіемъ,
Ранѣе бросилъ копье и въ бедро его съ краю ударилъ,
Тамъ, гдѣ лежитъ у людей наиболѣе крупная мышца.
Мѣдь разорвала всѣ жилы, и тѣма ему очи покрыла..
Сынъ Оилея Аяксъ наскочилъ на бойца Клеобула
И овладѣлъ имъ живымъ, когда тотъ среди давки споткнулся,
Тутъ же лишилъ его силы, мечомъ по затылку ударивъ.
Мечъ съ рукояткою прекрасной весь сдѣлался теплымъ отъ крови.
Черная смерть и судьба закрыли глаза Клеобулу.
Тою порой Пенелей и Ликонъ другъ на друга напали;
Оба сперва промахнулись, напрасно пустивъ свои копья,
И налетѣли съ мечами. Ликонъ Пенелея ударилъ
По верху шлема его густогриваго, только сломался
За рукояткою мечъ, и тогда Пенелей его ранилъ
Въ шею надъ ухомъ, и мечъ весь проникъ глубоко; уцѣлѣла
Кожа одна, голова же повисла и члены ослабли..
Съ криками такъ отъ судовъ побѣжали Троянцы въ смятеньи
И не въ порядкѣ вернулись; чрезъ ровъ Пріамида въ оружіи
Вынесли быстрые кони, а войско Троянцевъ оставилъ
Передъ глубокимъ онъ рвомъ, задержанныхъ тамъ поневолѣ.
Рѣзвые кони безъ счета ломали влекущія дышла

И покидали во рву колесницы вождей умерщвленныхъ.
Храбрый Патроклъ, взывая къ своимъ, за бѣгущими гнался,
Горе готовя Троянцамъ, которые криками бѣгства
Всѣ наполняли дороги,—они вразсыпную бѣжали.
Вихремъ вздымалася пыль къ облакамъ, когда въ Трою обратно
Цѣльнокопытные кони неслись отъ судовъ и палатокъ...

(Иліада, XVI, 256 и сл. Перев. Минскаго).

Павшій воинъ.

6. Наборъ войска.

1. Аѳины. Первоначально въ Аѳинахъ, какъ и въ другихъ городахъ, для всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ общественной жизни, военная служба являлась правомъ и обязанностью. Въ героическую эпоху во время битвъ первая роль несомнѣнно принадлежала царямъ и вождямъ, такъ что сраженія „Иліады“ напоминаютъ скорѣе турниръ или дуэль. Но воины, составлявшіе основную часть войска, которая иногда выстраивалась въ ряды для участія въ общихъ дѣйствіяхъ, не были ни рабами, ни наемниками. Въ лагерѣ, который былъ подобіемъ города, они представляли собою „демосъ“, присутствующій при обсужденіи дѣлъ на агорѣ.

Послѣ паденія царской власти самое древнее греческое правительство состояло, по словамъ Аристотеля, изъ гражданъ, бывшихъ на войнѣ. Это обстоятельство опредѣленно проявляется и въ установленной Солономъ системѣ. Люди послѣдняго класса, носившіе наименованіе *θετοὶ*, освобождались отъ военной службы, потому что они не пользовались почти никакими политическими правами. Пока у аѳинянъ существовало національное войско. этотъ принципъ постоянно соблюдался ими.

Оффиціальныи списокъ, на основаніи котораго совершался наборъ войска, назывался *ληξιαρχικὸν ἱγρᾶμματεῖον*, т. е. указателемъ гражданскаго положенія разныхъ лицъ. Онъ составлялся демархомъ въ каждомъ демѣ, и ежегодно въ него включались молодые люди, достигшіе 18-лѣтняго возраста. Внесеніе кого-нибудь въ этотъ списокъ было въ Аѳинахъ признакомъ распространенія на него правъ гражданства. До тѣхъ поръ онъ ничего не былъ обязанъ дѣлать по отношенію къ государству и не пользовался гражданскими правами. Изъ всѣхъ этихъ записей въ каждой филѣ составлялся перечень молодыхъ людей, обязанныхъ нести военную повинность, а собраніе этихъ списковъ называлось каталогомъ. Каждый желающій попасть въ него долженъ былъ удостовѣрить, что онъ удовлетворяетъ требуемымъ условіямъ возраста и ценза. Кромѣ того, необходимо было выдержать извѣстное физическое испытаніе. Въ этихъ спискахъ граждане числились отъ 18 до 60-лѣтняго возраста.

Условія службы не были одинаковы для всѣхъ этихъ людей. Молодые люди отъ 18 до 20 лѣтъ, эфебы и *περίπολοι*, не принимали участія ни въ какихъ отдаленныхъ походахъ. На нихъ лежала охрана территоріи и портовъ, защищавшихъ границы Аттики. Съ другой стороны, люди болѣе пожилые, имѣвшіе свыше 50 лѣтъ, повидимому, въ этомъ отношеніи стояли наравнѣ съ эфебами. Слѣдовательно, для похода за предѣлами страны въ голпиты набирали только гражданъ отъ 20^{лѣтъ} до 50-лѣтняго возраста. Тотъ случай, когда всѣ граждане этого разряда призывались одновременно, назывался *πανδυμὴ* или *πανστρατιᾶ*. Такимъ образомъ, даже массовый наборъ касался только гра-

жданъ, внесенныхъ въ регулярные списки, но къ этимъ лицамъ въ такомъ случаѣ обыкновенно присоединялись метэки, способные нести службу тяжело-вооруженнаго воина, а также легко-вооруженные воины. Въ началѣ Пелопоннесской войны, по словамъ Фукидида, число гоплитовъ, возрастъ которыхъ былъ менѣе 20 или болѣе 50 лѣтъ, достигало 13.000. Число этихъ воиновъ въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ составляло 10.000. И къ тому и къ другому изъ этихъ разрядовъ надо прибавить еще 3.000 метэковъ, которые исполняли обязанности гоплитовъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда постановленіе Народнаго Собранія не объявляло общаго набора, гоплиты призывались по выбору изъ именъ, указанныхъ въ каталогѣ (*ἐκ καταλόγου*). Для этихъ частичныхъ наборовъ примѣнялись два способа. Иногда народъ, по выраженію Аристотеля; прямо опредѣлялъ, „начиная отъ какого и до какого архонта-эпонима слѣдовало сдѣлать кампанію“. Это называлось *στρατεία ἐν τοῖς ἐπωνύμοις*. Изъятія и отсрочки примѣнялись только по отношенію къ тѣмъ, кто былъ занятъ какой-нибудь другой общественной службой. Иногда же народъ довольствовался только указаніемъ общаго числа гоплитовъ, подлежащихъ набору. Тогда дѣло заключалось въ томъ, чтобы забрать лишь часть, а не всѣхъ гражданъ даннаго разряда (*στρατεία ἐν τοῖς μέρεσι*). Задача стратеговъ и таксіарховъ въ этихъ случаяхъ становится болѣе сложной. Это было, правда, средствомъ составить отборное войско, но вмѣстѣ съ тѣмъ теперь представлялся случай оказать покровительство однимъ гражданамъ въ ущербъ другимъ. Аристофанъ жалуется на злоупотребленія, вытекавшія отсюда и дававшія часто основаніе для судебныхъ процессовъ, которые подымались обиженными гражданами. Но до произнесенія приговора судей призываемый на службу гоплитъ обязанъ былъ вооружиться и явиться въ войско въ назначенный день. Таксіархъ отмѣчалъ имена отсутствующихъ, которые впоследствии подлежали законной отвѣтственности.

Конница составляла, если не постоянное, то, по крайней мѣрѣ, избранное войско, которое служило даже въ мирное время и созывалось чаще, чѣмъ пѣхота, такъ какъ всадники

участвовали въ религіозныхъ церемоніяхъ и процессіяхъ. Количество всадниковъ было, кромѣ того, опредѣленнымъ, и обязанностью гиппарха было слѣдить за тѣмъ, чтобы личный составъ ихъ былъ всегда полнымъ. Списокъ всадниковъ составлялся ежегодно заново. Филархъ каждой филы выбиралъ изъ своего списка извѣстное число молодыхъ людей перваго или втораго класса дѣленія Солона. Онъ останавливался на самыхъ богатыхъ и сильныхъ. Но прежде, чѣмъ попасть въ войско, молодые люди должны были по его требованію выдержать особое испытаніе передъ Совѣтомъ (*δικαστήρια*). Для гражданина, становящагося всадникомъ, такое испытаніе было необходимо, но зато оно давало ему безусловное право на вступленіе въ этотъ разрядъ воиновъ. Если только гражданинъ былъ избранъ гиппархомъ и получилъ одобреніе Совѣта, онъ былъ уже увѣренъ, что въ теченіе года не перемѣнитъ рода службы, и ни стратегъ, ни такіархъ не перемѣстятъ его въ разрядъ гоплитовъ.

2. Спарта. Въ Спартѣ всякій гражданинъ отбывалъ военную службу отъ 20 до 60-лѣтняго возраста. Согласно утвержденію Аристотеля, отецъ трехъ сыновей освобождался отъ нея, но мы не знаемъ, къ какому времени относилось это мѣропріятіе. Наборъ, какъ и въ Аѳинахъ, совершался по способу *στρατεία ἐν τοῖς ἐπιθύμοις*. Классы, которые должны были выставить опредѣленное количество новобранцевъ, опредѣлялись эфорами. Впрочемъ, не довольствовались наборомъ воиновъ изъ собственно спартіатовъ, но призывали также такое число періэковъ, въ какомъ была необходимость. Въ эпоху персидскихъ войнъ періэки составляли особые отряды; во время Пелопоннеской войны они смѣшивались съ гражданами.

По сообщенію Геродота, Леонидъ имѣлъ при Оермопилахъ 300 отборныхъ воиновъ, состоявшихъ изъ отцовъ семействъ. Фукидидъ называетъ ихъ „300 всадниками“. Они носили наименованіе всадниковъ, хотя и не находились на лошадахъ. Ксенофонтъ указываетъ, какимъ способомъ производился наборъ ихъ. Ежегодно эфоры назначали трехъ молодыхъ людей въ расцвѣтѣ силъ, которые, въ свою очередь, выбирали по сотнѣ юношей. Въ военное

время этот отрядъ изъ трехсотъ человѣкъ составлялъ охрану царя и не распускался даже во время мира.

На-ряду съ могущественной пѣхотой спартанцевъ ихъ конница была очень жалка. Она образовалась въ довольно позднюю эпоху, около 424 года до Р. Х., и никогда не пользовалась почетомъ, если правильно утверждение Ксенофонта, что на лошадей, поставлявшихся богатыми гражданами, сажали людей, способныхъ къ службѣ въ пѣхотѣ.

(Hauvette. Dict. des Antiq. т. II, стр. 206 и сл.).

7. Злоупотребленія при наборѣ войска по свидѣтельству Аристофана.

Обязанность производить наборъ войска лежала въ Аѳинахъ на таксіархахъ. Они позорно пользовались своею властью. Всѣ ихъ дѣйствія были внушены подозрительностью или угодничествомъ. Они заискивали передъ чернью и не останавливались ни передъ какимъ потворствомъ ей. Благодаря этому войско было организовано плохо. Демократія могла объявить войну, но дѣлала все отъ нея зависящее, чтобъ самой не принять въ ней участія. Самые бѣдные граждане, которыхъ нельзя было взять ни въ качествѣ всадниковъ, ни даже, въ обычныхъ случаяхъ, въ качествѣ гоплитовъ, зачислялись на тріеры матросами. Пѣхота состояла изъ мелкой буржуазіи, людей средняго состоянія и мирныхъ нравовъ, добрыхъ демократовъ, вродѣ, на примѣръ, Филоклеона въ „Осахъ“. Но между ними попадалось и большое число должностныхъ лицъ, много избавленныхъ отъ службы по праву, какъ, на примѣръ, члены Совѣта. Иные люди сами стремились освободиться отъ военной службы. Случалось, что среди людей, имена которыхъ были занесены въ списки лицъ, подлежащихъ отбыванію воинской повинности, находились люди, чистотой своихъ демократическихъ чувствъ вызывавшіе расположеніе таксіарховъ; тогда послѣдніе легко могли освободить ихъ отъ повинности путемъ перестановки въ порядкѣ именъ.

Когда по постановленію Народнаго Собранія производился частичный наборъ войскъ и устанавливалось опре-

дѣленное число воиновъ, подлежащихъ этому набору, таксіархи должны были назначить извѣстное число гоплитовъ изъ списковъ, составляемыхъ ежегодно. Повидимому, они часто забывали однихъ и вписывали другихъ. „Они поступаютъ недобросовѣстно, то произвольно внося кого-нибудь въ списки, то вычеркивая его по два и по три раза. На завтра назначено выступленіе, а такой-то не купилъ еще припасовъ, потому что не зналъ, что онъ долженъ отправляться въ походъ. Вдругъ, просматривая объявленіе, онъ видитъ свое имя, и онъ бѣжитъ растерянный, съ глазами полными слезъ. Вотъ какъ начальники поступаютъ съ нами, крестьянами. Горожанъ они щадятъ больше“. Такимъ образомъ, деревня снабжала войско людьми, которыхъ городъ отказывался поставлять. Поэтому одной изъ важнѣйшихъ реформъ, которая демось (народъ) стремился осуществить, былъ вопросъ о наборѣ войскъ. „Отнынѣ никакой гоплитъ, внесенный въ списки, не сможетъ, пользуясь чьимъ-либо покровительствомъ, нарушить порядокъ своего мѣста“.

(Cout. Aristophane, стр. 86).

8. Наемники.

Послѣ Пелопоннеской войны въ Греціи, а въ особенности въ Аѣинахъ, замѣчается постепенный упадокъ военнаго духа. Граждане не желаютъ участвовать на войнѣ лично и предпочитаютъ выставять вмѣсто себя наемныя войска. Исократъ жалуется на это зло въ рѣчи, относящейся къ 355 году до Р. Х.

„Какъ мы отличаемся отъ нашихъ предковъ! Они безъ колебанія покидали родину во имя спасенія Греціи и такимъ образомъ одерживали надъ персами побѣды и на морѣ и на сушѣ; мы же, наоборотъ, не хотимъ подвергаться никакой опасности. Мы стремимся надъ всѣми властвовать, но не желаемъ взять въ руки оружіе. Мы объявляемъ войну, такъ сказать, всему міру; но вмѣсто того, чтобы самимъ подготовиться къ веденію ея, мы набираемъ бродягъ, перебѣжчиковъ и всякаго рода негодяевъ, которые готовы

идти противъ насъ же, если кто-нибудь предложитъ имъ ббльшую плату; и мы питаемъ къ нимъ такую слабость, что, отказываясь брать на себя отвѣтственность за поступки, совершенные противъ кого бы то ни было нашими собственными дѣтьми, мы принимаемъ порицаніе за разбои, насилия и беззаконія этихъ людей, и не только не приходимъ въ негодованіе, но даже радуемся, когда слышимъ, что они совершили злодѣяніе такого рода. Мы дошли до такого сумасшествія, что, нуждаясь въ насущныхъ вещахъ, мы пожелали содержать наемниковъ, оскорбляемъ и обираемъ нашихъ союзниковъ для уплаты жалованія этимъ врагамъ всѣхъ людей... Когда наши предки объявляли кому-нибудь войну, то считали своей обязанностью принимать участіе въ битвѣ; если даже государственная казна ихъ была полна золота и серебра, они находили нужнымъ обезпечить успѣхъ битвы личнымъ своимъ присутствіемъ; мы же, несмотря на нашу бѣдность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, многочисленность нашего населенія, поступаемъ подобно персидскому царю и выставяемъ наемныя войска“.

(Исократъ. Рѣчь о мирѣ, 43—47).

9. Войско различныхъ родовъ оружія.

Греческое войско состояло обыкновенно изъ трехъ рядовъ: тяжело-вооруженныхъ (гоплитовъ) и легко-вооруженныхъ пѣхотинцевъ и всадниковъ.

Гоплиты.

1. Г о п л и т ы.—Гоплиты были линейными войсками въ собственномъ смыслѣ слова. Они набирались изъ гражданъ и составляли главную часть войска. Они носили полное вооруженіе, пригодное и для нападенія и для защиты. Туника (χιτόν) гоплита была красного цвѣта.

Оборонительное оружіе было таково: шлемъ, дѣлавшійся первоначально изъ недубленой кожи (*κινέη*), а потомъ изъ мѣди (*κράνος*), латы, наколѣнники (*κνημίδες*). Наколѣнники состояли изъ металлическихъ пластинокъ, подбитыхъ съ внутренней стороны мѣдью или сукномъ; они закрывали наружную часть ноги до колѣна. Щитъ, то круглый, то овальный, дѣлался изъ положенныхъ одна на другую бычачьихъ кожъ, съ прибитой къ нимъ сверху гвоздями металлической доской.

Бой гоплитовъ.

Наступательнымъ оружіемъ были: во-первыхъ, копье или пика (*δέρου*), длиной отъ 2,04 до 2,33 метровъ; оно вѣсило около 5 фунтовъ и было снабжено на концѣ обоюдоострымъ наконечникомъ въ 14 сантиметровъ длиной; во-вторыхъ, прямой (*εἴζος*) или слегка изогнутый (*μάχαιρα*) мечъ, носившійся на перевязи; иногда также прямой кинжалъ (*ἐγχευρίδιον*) и ножъ въ формѣ серпа (*ξίφλη*).

Общій вѣсъ этого оружія равнялся приблизительно 2 пуд. 4 фун., но гоплитъ несъ на себѣ все это только при отступленіяхъ. Во время похода часть оружія складывалась на колесницы, часть несли рабы.

2. Легко-вооруженная войска.— До персидскихъ войнъ рабы, сопровождавшіе гоплитовъ, часто принимали участіе въ битвахъ, поэтому ихъ можно считать легко-вооруженными войсками. Особые отряды легкой пѣхоты стали устраивать лишь послѣ персидскихъ войнъ, а неотъемлемой частью войска они сдѣлались только въ IV в.

Оружіе.

Наборы для этихъ легкихъ войскъ производились среди племенъ, отличавшихся специальнымъ искусствомъ въ обращеніи съ метательнымъ оружіемъ, какъ дротикъ, лукъ и праща. Изъ критянъ составлялись войска стрѣлковъ, изъ родосцевъ и ѳессалійцевъ— войска метателей пращей, изъ ѳракійцевъ—щитоносцы. Воины, искусные въ метаніи дротиковъ, набирались въ Акарнаніи и Этоліи.

Гоплитъ.

Легко-вооруженная войска (γυμνῆτες, γυμνοί, ψιλοί) не имѣли защитительнаго оружія, потому что они сражались издали. Войска эти подраздѣлялись на нѣсколько группъ. Метатели дротиковъ (ἀκοντισταί), были вооружены дротикомъ или копьемъ, имѣвшимъ въ длину 1,45 метра.

Копье было снабжено ремнемъ, черезъ который воинъ продѣвалъ свои пальцы. Стрѣлки были вооружены лукомъ и колчаномъ, вмѣщавшимъ отъ 12 до 15 стрѣлъ. Пращники вооружались пращей и мѣшкомъ для метательныхъ снарядовъ (камней или особыхъ пуль). Щитоносцы (пелтасты) имѣли маленькій щитъ, дротикъ и мечъ.

Воины.

Эти войска, смотря по надобности, разставлялись впереди или сзади главной линии, или же въ ея промежуткахъ, а иногда съ боковъ. Часто ихъ выстраивали по прямой линіи, но иногда они дѣйствовали и разсыпной колонной. На нихъ возлагалась развѣдочная служба, устройство засадъ, захватъ высотъ, отвлеченіе приближающагося непріятеля, отраженіе конницы и преслѣдованіе побѣжденныхъ.

3. Конница.—Греческая конница въ теченіе долгаго времени находилась въ зачаточномъ состояніи. Лошадьми пользовались скорѣе какъ средствомъ передвиженія, чѣмъ нападенія. Конница сражалась только съ конницей. Она рѣшалась нападать на пѣхоту только въ тѣхъ случаяхъ когда эта послѣдняя приходила въ разстройство или обращалась въ бѣгство. Въ македонскомъ войскѣ роль конницы была совершенно ничтожна; въ Аѳинахъ она имѣла болѣе значенія, но и здѣсь она являлась главнымъ образомъ принадлежностью праздничныхъ парадовъ. Она дѣйствительно могла идти въ счетъ только въ Фессаліи, Беотіи, Фокидѣ и Локридѣ. Дѣятельное участіе въ сраженіяхъ она начала принимать только съ Эпаминонда ¹⁾.

Сбруя лошади состояла изъ сѣдла или, вѣрнѣе, изъ попоны (*ἐπίπλοιν*) съ подпругой, удила, узды и недоуздка, чтобы привязывать ее при остановкахъ. Греки не умѣли подковывать лошадей, довольствуясь тѣмъ, что путемъ упражненія достигали извѣстнаго отвердѣнія копыта. Для защиты лошади на нее надѣвали налобникъ, нагрудникъ и особаго рода латы по бокамъ.

Всадникъ.

Всадникъ носилъ латы, поясъ съ бахромой изъ металлическихъ пластинокъ вокругъ живота, бронзовые или мѣдные наручники, набедренникъ, кожаные наголенники и шлемъ. Щита и стремянъ у него не было. Наступательное оружіе состояло изъ прямого меча и длиннаго и тонкаго копья. При всадникѣ находился конный оруженосецъ, слѣдовавшій виѣ колонны.

(Pascal. L'Armée grecque, стр. 13 и сл.).

¹⁾ Эпаминондъ—см. стр. 2.

10. Командованіе войскомъ въ Спартѣ.

Въ IV вѣкѣ спартанское войско раздѣлялось на 6 моръ (*μόρα*), мора дѣлилась на два лоха, лохъ (*λόχος*) на двѣ полсотни, полсотня на двѣ эномотіи.

Численный составъ различныхъ отрядовъ подвергался измѣненіямъ. У древнихъ авторовъ встрѣчается упоминаніе о морахъ въ 500, 600, 700, 800, 900 и даже 1000 человекъ. Наименованіе начальниковъ зависѣло отъ того, какимъ видомъ отрядовъ они командовали. Такъ, были эномотархи, пентекостеры (или полусотники), лохаги, а для моры—полемархи. Въ военное время главное начальствованіе надъ войскомъ принадлежало обыкновенно одному изъ царей; однако бывали случаи, что главнымъ начальникомъ назначалось просто частное лицо. Такимъ былъ, напримеръ, въ концѣ Пелопоннесской войны Лизандръ.

Древнихъ грековъ поражала крѣпкая организація спартанскаго войска. Исократъ приписываетъ одному спартанскому царю (Архидаму) такія слова: „Если мы одерживаемъ надъ другими греческими народами верхъ, то потому, что наша республика устроена на подобіе военнаго лагеря, въ которомъ царствуетъ дисциплина и повиновеніе“. Платонъ говоритъ почти тѣми же словами, указывая, что спартанцы напоминаютъ войско, расположившееся лагеремъ. Безъ позволенія должностныхъ лицъ спартанцы не имѣли права покидать Лаконію. Государство желало имѣть возможность постоянно располагать всеми своими воинами. Установившаяся привычка къ общественнымъ трапезамъ развивала въ гражданахъ корпоративный духъ, подобно тому, какъ у насъ это дѣлается съ помощью казарменной жизни. Спартанцы даже въ мирное время занимались военными упражненіями, что для Греціи представляло рѣдкое исключеніе. Въ обществѣ съ такъ ярко выраженными аристократическими нравами, съ рѣзко выдѣленными общественными группами, каждый естественно привыкалъ къ дисциплинѣ, и эта черта еще болѣе усиливалась благодаря могущественной организаціи правительства и строгости закона. На-

конецъ, всѣ учрежденія Спарты, начиная съ системы воспитанія, имѣли цѣлью внушить гражданину тотъ видъ неподнятаго патріотизма, который увеличивалъ ихъ военныя доблести.

11. Командованіе войскомъ въ Аѣинахъ.

Первоначально главой аѣинскаго войска былъ полемархъ—одинъ изъ девяти архонтовъ, но съ V вѣка командованіе войскомъ перешло въ руки десяти стратеговъ. Если одновременно происходило нѣсколько экспедицій, стратеги становились во главѣ различныхъ отрядовъ, каждый отдѣльно или группами. Иногда однимъ и тѣмъ же войскомъ предводительствовало 7 или 8 стратеговъ.

Пѣхота дѣлилась на 10 баталіоновъ (τάξις), которые соотвѣтствовали десяти филамъ. Каждый баталіонъ находился подъ начальствомъ таксіарха. Баталіонъ въ свою очередь подраздѣлялся на лохи.

Во главѣ конницы стояли два гиппарха, подъ начальствомъ которыхъ находилось десять филарховъ.

Характерной чергой аѣинскаго войска была мягкость дисциплины. „Не странно ли“, говоритъ Ксенофонтъ, „что гоплиты и всадники, которые, повидимому, являются отборною частью лучшаго общества, дисциплинированы менѣе всѣхъ?“ Они находились на дружеской ногѣ со своими начальниками и, сообразно демократическимъ нравамъ, не стѣсняясь, критиковали всѣ ихъ дѣйствія.

Плутархъ ¹⁾, говоря о походѣ Фокіона ²⁾, рассказываетъ слѣдующее: „Всѣ толпятся вокругъ полководца, хотя бы давать ему совѣты и разыгрываютъ роль вождей. Одинъ говоритъ, что надо занять такія-то высоты; другой доказываетъ, что конницу надо послать въ такое-то мѣсто; третій намѣчаетъ пунктъ, гдѣ хорошо было бы раскинуть лагерь. „Великіе боги!—воскликаетъ Фокіонъ:—какъ много я вижу здѣсь полководцевъ и какъ мало солдатъ!“

¹⁾ Плутархъ—см. вып. I. стр. 11, прим.

²⁾ Фокіонъ—аѣинскій дѣятель IV в. до Р. Х.

Аѳинскій военачальникъ рѣдко принималъ мѣры строгости: онъ старался повліять на своихъ подчиненныхъ большею частью примѣромъ и словомъ. Ксенофонтъ, бывшій опытнымъ воиномъ, дѣлаетъ по этому поводу любопытное признаніе. Если желаютъ, чтобы всадники прилежно изучали свое дѣло, „имъ надо напоминать“, говоритъ онъ, „что государство несетъ на себѣ тяжесть ежегоднаго расхода около 40 талантовъ съ цѣлью имѣть войско всадниковъ на случай войны, и оно дѣлаетъ это, конечно, въ расчетѣ найти его готовымъ въ минуту необходимости. Эта мысль повліяетъ, конечно, возбуждающимъ образомъ на рвеніе воиновъ: они не пожелаютъ быть застигнутыми врасплохъ въ случаѣ войны, когда имъ надо будетъ сражаться за свою родину, честь и жизнь“. Далѣе онъ прибавляетъ: „Чтобы заставить солдатъ повиноваться, очень важно представить имъ выгоды такого подчиненія, на дѣлѣ показать, сколько преимуществъ обеспечивается дисциплиной для тѣхъ, кто ее соблюдаетъ, и сколько зла происходитъ для тѣхъ, кто нарушаетъ ее“. (Ксенофонтъ. Начальникъ всадниковъ, 1).

Однимъ словомъ, аѳиняне возлагали такія же надежды на нравственное вліяніе военачальниковъ, какъ и на строгость устава. Это не всегда оказывало дѣйствительное вліяніе, но по отношенію къ людямъ, которые дѣлались воинами случайно и которые даже въ войскѣ продолжали оставаться гражданами, невозможно было примѣнять другихъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что начальники войска были выборными и отвѣтственными въ своихъ дѣйствіяхъ передъ народомъ, и по возвращеніи изъ похода каждый воинъ имѣлъ право выступить противъ нихъ съ обвиненіемъ.

12. Начальникъ наемниковъ.

„Клеархъ, по общему признанію всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія, былъ человекъ не только знавшій военное дѣло, но и любившій его въ высшей степени. Пока продолжалась война лакедемонянъ съ аѳинянами, онъ оставался у лакедемонянъ; когда же наступилъ миръ, онъ за-

явилъ правительству, что ѳракійцы притѣсняютъ эллиновъ, настояль передъ эфорами на снаряженіи флота и выѣхалъ воевать съ ѳракійцами, что за Херсонесомъ и Перинѳомъ. Но когда эфоры, раздумавши почему-то, пожелали воротить его изъ Истма, когда онъ былъ уже внѣ предѣловъ спартанскихъ, онъ не послушался и поѣхалъ въ Геллеспонтъ. За это онъ былъ приговоренъ спартанскими властями къ смертной казни, какъ ослушникъ.

Будучи изгнанникомъ, онъ прибылъ къ Киру,—чѣмъ онъ расположилъ къ себѣ Кира, сказано въ другомъ мѣстѣ,— и Киръ далъ ему 10.000 дариковъ ¹⁾. Взявъ эти деньги, Клеархъ употребилъ ихъ не на праздную жизнь, но собралъ войско и началъ войну съ ѳракійцами, побѣдилъ ихъ и затѣмъ опустошалъ и разорялъ, и продолжалъ вести войну до тѣхъ поръ, пока Киру не понадобились войска. Тогда онъ выѣхалъ (изъ ѳракіи). чтобы опять начать войну вмѣстѣ съ Киромъ.

Я нахожу, что такой образъ дѣйствій свойственъ только человѣку, любящему войну, когда онъ, при возможности пользоваться миромъ, безъ всякаго униженія и безъ всякихъ потерь, предпочитаетъ вести войну; при возможности пользоваться досугомъ—рѣшается на военные труды, и, при возможности пользоваться спокойно деньгами—предпочитаетъ расходовать ихъ также на войну. Чѣмъ тратить на любимцевъ или на другое удовольствіе, онъ тоже предпочиталъ тратить на войну. Вотъ насколько онъ любилъ военное дѣло. А что онъ зналъ его, это видно было изъ того, что онъ самъ искалъ опасностей, днемъ и ночью выступая противъ непріятеля, и всегда умѣлъ найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ это подтверждали всегда и всѣ его соучастники. Извѣстно также, что онъ былъ способный начальникъ, насколько это возможно было при такомъ характерѣ, какой имѣлъ Клеархъ. Такъ, напримѣръ, онъ болѣе, чѣмъ кто другой, умѣлъ позаботиться не только о томъ, чтобы войско имѣло продовольствіе и заготовить его, но и умѣлъ внушить присутствующимъ, что

¹⁾ Д а р и к ѣ — персидская золотая монета.

должно слушаться Клеарха. Достигаль онъ этого тѣмъ, что былъ строгъ.

Онъ и на видъ былъ угрюмъ, съ рѣзкимъ голосомъ, всегда наказываль строго, нерѣдко даже жестоко, такъ что иногда и самъ раскаивался, но наказываль по убѣжденію; онъ не признаваль никакой пользы отъ того войска, въ которомъ не существуетъ наказаній. Даже, какъ передавали, онъ такъ выражался, что солдатъ долженъ бояться своего начальника болѣе, чѣмъ непріятели, потребуется ли идти на караулъ, или оставить друзей, или идти безпрекословно противъ непріятели. Оттого-то въ виду опасностей солдаты жадно его слушали и не выбирали другого начальника. Тогда, говорятъ, угрюмость на его лицѣ исчезала; и на его строгость смотрѣли, какъ на защиту передъ непріателемъ, такъ что она оказывалась спасеніемъ, а не строгостью. Но когда они были внѣ опасности и можно было переходить къ другимъ начальникамъ, многіе его оставляли, потому что онъ не имѣлъ привлекательности и всегда оставался строгъ и суровъ, такъ что солдаты относились къ нему, какъ мальчики къ учителю. Потому-то онъ никогда не имѣлъ лицъ, преданныхъ по дружбѣ или по расположенности, а съ тѣми, которые были у него по назначенію отъ правительства или по нуждѣ или въ силу другой какой крайности, онъ обращался съ полной съ ихъ стороны покорностью. Но когда войны вмѣстѣ съ нимъ начинали одолѣвать непріятели, тогда много было такого, что заставляло воиновъ быть отличными: тогда требовалось мужественно держаться передъ непріателемъ, а страхъ наказаній дѣлалъ ихъ хорошими строевыми. Таковъ онъ былъ начальникъ; но быть подъ управленіемъ другого онъ, говорятъ, рѣшительно не желалъ. Когда онъ умеръ, ему было лѣтъ около пятидесяти“.

(Ксенофонтъ. Анабазисъ, II, 6. Перев. Г. Янчевецкаго).

13. Жалованіе войскамъ.

Военное жалованіе устанавливается въ Аѣинахъ со временъ Перикла. Оно было введено потому, что походы

сдѣлались болѣе продолжительными и болѣе отдаленными. Выдавалось оно войскамъ, разумѣется, только въ военное время.

Военное жалованіе у грековъ состояло изъ двухъ частей: собственно жалованія воина (*μισθός*) и его кормовыхъ (*σίτος*). И то и другое выдавалось деньгами. Предполагалось, что ежедневная выдача воину не должна была быть менѣе двухъ оболовъ (12 копѣекъ) на прокормъ и столько же жалованія. Отсюда и поговорка — жить на 4 оболы, что обозначало солдатскую жизнь.

Въ среднемъ жалованіе гоплита равнялось отъ 2-хъ до 6-ти оболовъ (отъ 12 до 36 коп.). Одинъ ученый (Бекъ), сравнивая различныя свидѣтельства, дѣлаетъ выводъ, что жалованіе всадника было вдвое, втрое, а иногда и вчетверо больше жалованія гоплита. Въ Афинахъ оно обыкновенно превышало жалованіе гоплитовъ. По опредѣленію Демосфена, на примѣръ, жалованіе тому войску, которое онъ предлагалъ послать противъ персовъ, равняется 10 драхмамъ (3 руб. 70 к.) въ мѣсяць гоплиту и 30 драхмамъ (около 11 руб. 10 коп.) всаднику.

Такъ какъ всадники должны были и въ мирное время содержать своихъ лошадей, то государство предоставляло имъ на этотъ предметъ извѣстную сумму, которая обозначается иногда въ надписяхъ подъ рубрикою *σίτος ἵππων*. Болѣе того, всякій челоуѣкъ, сдѣлавшійся всадникомъ, получалъ изъ казначейства небольшое вспомошествованіе на обзаведеніе лошадыю. Это называлось *κατάστασις*.

Богатые или состоятельные граждане вооружались за свой счетъ; остальные получали оружіе отъ государства.

(Alb. Martin. Les Cavaliers athéniens, стр. 346 и сл.)

14. Порядокъ похода.

Вотъ каковъ былъ порядокъ похода, если основываться на „Анабазисѣ“ Ксенофонта ¹⁾, гдѣ находится разсказъ о походѣ 10.000.

¹⁾ Ксенофонтъ—см. вып. I, стр. 44, прим.

Какъ только войска были собраны, приготовленія окончены, жертвы принесены, то, если предсказанія оказывались благопріятными, выступали въ походъ. Шли опредѣленными переходами подъ руководствомъ проводниковъ. По сторонамъ или впереди войска посылались развѣдчики, на обязанности которыхъ лежало ознакомленіе съ мѣстностью. Переходы равнялись обыкновенно 27 километрамъ, но иногда достигали отъ 38 до 44 километровъ. Около 10 или 11 часовъ утра дѣлали привалъ, закусывали, а затѣмъ снова пускались въ путь до вечера. Послѣ каждаго дня пути полагался отдыхъ въ одинъ или нѣсколько дней.

При дневныхъ переходахъ конница и легко-вооруженная войска находились обыкновенно во главѣ и въ хвостѣ войска, а гоплиты въ центрѣ. Во время же ночныхъ походовъ гоплиты держались всегда во главѣ колонны.

Войско могло двигаться при этомъ или колоннами, или въ боевомъ порядкѣ, или въ видѣ карре. При движеніи колонной лохи и эномотіи, въ зависимости отъ характера мѣстности, шли одни за другими, по два, по четыре и больше человекъ въ рядъ. Если непріятель появлялся впереди, то войско останавливалось, лохъ развертывался влѣво и выстраивался въ линію. Если же врагъ былъ въ тылу, то колонна дѣлала поворотъ лицомъ къ непріятелю и развертывалась въ линію, то влѣво, то вправо. При движеніи въ боевомъ порядкѣ пѣхота выстраивалась въ линію, имѣя во флангахъ всадниковъ и легко-вооруженные отряды. Такимъ расположеніемъ войскъ пользовались при приближеніи къ непріятелю. Отрядъ въ этомъ случаѣ былъ готовъ къ бою и могъ не бояться внезапнаго нападенія.

Если движеніе совершалось въ формѣ карре, то четыре стороны его составляли гоплиты. Легко-вооруженная войска и обозъ находились въ центрѣ. Конница же оставалась внѣ карре. Это былъ излюбленный порядокъ грековъ, котораго они придерживались, когда непріятель тревожилъ непрерывными нападеніями и необходимо было постоянно держаться насторожѣ; но этимъ построеніемъ войска можно было пользоваться только въ равнинахъ.

Ксенофонтъ отмѣчаетъ еще одинъ видъ построенія—

въ видѣ круга. Въ этомъ случаѣ воины становились очень близко другъ отъ друга и обращали свои щиты во внѣшнюю сторону. Такимъ образомъ, солдаты арьергарда держали щитъ на спинѣ, воины праваго фланга—на правомъ плечѣ, воины лѣваго—на лѣвомъ, какъ дѣлалось и въ обыкновенныхъ случаяхъ. Такая ограда изъ щитовъ имѣла ту выгодную сторону, что она нѣсколько ослабляла силу дѣйствія непріятельскихъ стрѣлъ.

Обозъ (*σχευή*) греческой арміи всегда былъ великъ; греки, выступая въ походъ, желали сохранить какъ можно больше жизненныхъ удобствъ. Поэтому они возили съ собою столовую и кухонную утварь, одѣяла, одежды и проч. Кромѣ того, въ обозѣ находились палатки съ кольями, провіантъ, торговцы, а иногда и плѣнники съ военной добычей. Палатки, утварь и съѣстные припасы нагружали на вьючныхъ животныхъ или на повозки, которыя сопровождались особымъ штатомъ людей. Сюда также складывали и часть оружія.

Обозъ въ походѣ долженъ былъ быть защищенъ отъ захвата враговъ и въ то же время находиться подъ рукой у воиновъ. Его помѣщали въ хвостѣ войска, въ крыльяхъ или впереди его, въ зависимости отъ того, насколько приходилось опасаться непріятели. Нерѣдко бывало, что обозъ дѣлили на двѣ части: оружіе оставляли въ непосредственной близости отъ войска, а провіантъ и другіе предметы помѣщались нѣсколько позади.

(По P a s c a l. L'Armée grecque, стр. 44 и сл.).

15. Боевая тактика.

Въ Гомеровскую эпоху масса войска играла часто только роль свиты своихъ вождей, причемъ воины по примѣру полководца вступали въ единоборство съ врагомъ. Впослѣдствіи главнымъ элементомъ стали являться гоплиты, двигавшіеся сплошными фалангами. Съ эпохи персидскихъ войнъ и до похода 10.000 грековъ ¹⁾ значительное вліяніе имѣли только гоплиты, когда въ крыльяхъ у нихъ были

¹⁾ Т. е. съ начала и до конца V вѣка.

кавалерія или легкая пѣхота; но въ такомъ случаѣ происходило три отдѣльныхъ сраженія. Самой важной была битва центра; двѣ другихъ имѣли настолько мало значенія, что часто историки не даютъ себѣ даже труда упоминать о нихъ. Со временъ похода 10.000 грековъ въ военномъ дѣлѣ произошло улучшеніе: теперь между отдѣльными видами оружія установилась болѣе тѣсная связь, и для того,

Бой.

чтобы одержать побѣду, требовались ихъ совмѣстныя дѣйствія.

При приближеніи непріятели главнокомандующій назначалъ боевой порядокъ, въ которомъ отрядъ долженъ былъ наступать или выстраиваться. Гоплиты вынимали свои щиты изъ предохранительныхъ чехловъ и старались какъ можно лучше украсить себя; такъ, на примѣръ, въ „Анабазисѣ“ лакедемоняне украшаютъ свои головы вѣнками. Затѣмъ они выстраивались въ сплошныя фаланги, т. е. въ боевой порядокъ.

Обычная глубина строя равнялась 8 человѣкамъ; но она могла быть, въ зависимости отъ обстоятельствъ, и болѣе, а линія фронта—короче. Чтобы крылья непріятели не могли окружить войска, также можно было уменьшить глубину и вытянуть линію фронта.

Положеніе первыхъ рядовъ было таково, что они всегда были готовы къ немедленной атакѣ. Послѣдніе ряды, вѣроятно, держали свои копья отвѣсно или клали ихъ на

плечи своихъ переднихъ сосѣдей. Они должны были твердо стоять на одномъ мѣстѣ и служить поддержкой переднимъ рядамъ, когда тѣ подвергались натиску, толкать ихъ впередъ и по мѣрѣ надобности занимать ихъ мѣсто.

Фаланга состояла изъ центра и двухъ крыльевъ—праваго и лѣваго.

Бой.

Легко-вооруженная пѣхота помѣщалась или впереди фаланги, или сзади ея, или у одного изъ крыльевъ, иногда же сразу у двухъ. Конница обыкновенно выстраивалась у крыльевъ.

Бой.

Когда войско было такимъ образомъ приведено въ боевой порядокъ, приносили жертвы богамъ, и вождь обращался къ воинамъ съ рѣчью. Затѣмъ онъ запѣвалъ пѣанъ, или военную пѣснь, и все войско подхватывало ее, призывая бога войны Ареса. Ободряя другъ друга, воины двига-

лись сначала шагомъ и по возможности стараясь сохранить линію равенія. Гоплиты держали наготовѣ копыя, пелтасты закручивали ремешки вокругъ своихъ дротиковъ, стрѣлки приготавливали луки, а пращники—пращи.

Какъ только показывался непріятель, трубный звукъ давалъ сигналъ къ бою. Когда раздавались эти рѣзкіе звуки и военный кличъ „ἐλελεῦ и ἀλάλα“, воины бросались бѣгомъ. Гоплиты опускали копыя, нѣкоторые били ими по своимъ щитамъ, чтобы испугать непріятельскихъ лошадей; а легко-вооруженныя войска метали стрѣлы. Если непріятель выдерживалъ натискъ, то гоплиги обоихъ войскъ старались пустить въ ходъ копыя и прорвать линію врага. Въ тѣхъ случаяхъ, когда копыя ломались, начиналась, по выраженію поэта Архилоха ¹⁾, „тягостная работа мечами“.

Греческія сраженія были похожи скорѣе на множество одновременно происходящихъ дуэлей, чѣмъ на битву, преслѣдующую взаимное истребленіе. Главнымъ считалось оставить за собою поле битвы. Поэтому, когда непріятель не выдерживалъ, бѣглецовъ почти никогда не преслѣдовали, по крайней мѣрѣ противъ нихъ отправляли только или легко-вооруженную пѣхоту или конницу. Иногда отступленіе совершалось въ стройномъ порядкѣ: потерпѣвшіе пораженіе отступали шагъ за шагомъ, все время обративши свой фронтъ къ непріятелю. Затѣмъ, выйдя за предѣлы досягаемости, они поворачивались, дѣлали полоборота и ускоряли шагъ отступленія.

Побѣдитель приносилъ богамъ благодарственную жертву, послѣ чего на полѣ битвы воздвигался трофей. Этотъ трофей могъ быть каменнымъ или деревяннымъ. Обыкновенно онъ состоялъ изъ ствола дерева, который одѣвали въ полное военное облаченіе и у подножія котораго клали кучу остатковъ отъ военной добычи. Затѣмъ дѣлали надпись и, наконецъ, принимались хоронить мертвыхъ, воздвигая также кенотафъ ²⁾ въ воспоминаніе о неразысканныхъ воинахъ.

¹⁾ Архилохъ—греческій поэтъ VIII г. до Р. Х.

²⁾ Кенотафъ—пустая гробница.

16. Битва при Мараѳонѣ.

„Когда аѳиняне выстроились на Мараѳонѣ, случилось слѣдующее обстоятельство: боевая линія ихъ равнялась боевой линіи мидянъ, но среднюю часть ея занимало мало рядовъ, вслѣдствіе чего въ этомъ пунктѣ линія была очень слаба, тогда какъ оба крыла ея были сильны количествомъ рядовъ.

„Выстроившись такимъ образомъ и получивши счастливыя жертвенныя знаменія, аѳиняне по данному сигналу двинулись съ мѣста и бѣглымъ маршемъ устремились на варваровъ. Разстояніе между воюющими было не меньше 8 стадій (1½ километра). При видѣ бѣгущаго на нихъ врага, персы готовились отразить его, полагая, что аѳиняне обезумѣли и идутъ на вѣрную гибель, если устремляются на нихъ бѣглымъ маршемъ въ небольшомъ числѣ, безъ конницы и безъ стрѣлковъ изъ лука. Такъ рѣшали о нихъ варвары. Между тѣмъ аѳиняне всѣмъ своимъ войскомъ ударили на варваровъ и сражались отважно.

„Насколько мы знаемъ, аѳиняне были первыми изъ эллиновъ, нападавшими на врага бѣглымъ маршемъ; они же первые могли выдержать видъ мидійской одежды и одѣтыхъ по-мидійски людей; до того времени одно имя мидянъ наводило ужась на эллиновъ.

„Сраженіе на Мараѳонѣ было продолжительно. Середину аѳинской боевой линіи, противъ которой стояли персы и саки, варвары одолѣли. Одержавши здѣсь побѣду и прорвавши ряды, они преслѣдовали аѳинянъ въ глубь материка; но на флангахъ побѣда осталась за аѳинянами и платаянами.

„Оба фланга послѣ побѣды не преслѣдовали тѣхъ неприятелей, которые обращены были въ бѣгство, но сокнули свои ряды и вступили въ бой съ тѣми варварами, которые прорвались черезъ середину ихъ линіи, и здѣсь побѣда досталась аѳинянамъ. Бѣгущихъ персовъ они преслѣдовали и убивали, пока не достигли моря.

„Въ Мараѳонскомъ сраженіи пало со стороны варваровъ около 6.400 человекъ, а со стороны аѳинянъ 192“.

(Геродотъ. VI, 111—113 и 117, пер. Мищенко).

17. Сраженіе при Мантинеѣ въ 418 г.

Лѣвое крыло у лакедемонянъ занимали скириты. Въ центрѣ находились сами лакедемоняне, а подлѣ нихъ—аркадяне. На правомъ крылѣ были расположены тегеяне съ лакедемонянами; конница размѣщалась на обоихъ флангахъ.

У противниковъ правое крыло занимали мантинеяне, въ центрѣ были аркадяне и аргивяне; въ лѣвомъ крылѣ стояли аѳиняне и при нихъ ихъ собственная конница. Въ линіи лакедемонянъ насчитывалось съ фронта 448 человекъ, а въ глубину 8 человекъ.

„Послѣдовала схватка. Аргивяне и ихъ союзники наступали стремительно и съ яростью, лакедемоняне медленно, въ тактъ военной пѣсни, исполняемой многими флейтистами, которые размѣщаются между воинами, не ради умиловленія божества, но для того, чтобы всѣ подвигались впередъ одинаковымъ мѣрнымъ шагомъ, и чтобы не разрывалась боевая линія, какъ случается часто съ большими войсками въ атакѣ.

„Когда завязалось сраженіе, правое крыло мантинеянъ принудило къ отступленію скиритовъ и брасидовыхъ воиновъ; мантинеяне съ союзниками и тысяча отборныхъ аргивянъ пробились на пустое мѣсто, гдѣ линія была разорвана, избивали лакедемонянъ, окружили ихъ и гнали до обоза; убили даже нѣсколько старыхъ солдатъ, поставленныхъ на стражѣ у повозокъ.

„На этой сторонѣ лакедемоняне терпѣли пораженіе, но на другой, главнымъ образомъ въ центрѣ, гдѣ былъ царь Агидъ и съ нимъ такъ называемые триста всадниковъ, лакедемоняне ударили на ветерановъ аргивскихъ и на такъ называемое пятилохіе, также на клеонянъ и орнеатовъ и на стоявшихъ подлѣ нихъ аѳинянъ и обратили ихъ въ бѣгство. Большая часть непріятелей не дождалась даже схватки, но при наступленіи лакедемонянъ тотчасъ подались назадъ. причемъ нѣкоторые изъ нихъ были смяты своими же, желавшими избѣжать непріятеля.

„подаваясь въ этомъ мѣстѣ назадъ, войско аргивянъ

и союзниковъ было уже почти разорвано на обоихъ флангахъ, а въ то же время правое крыло лакедемонянъ и тегеянъ, благодаря большой численности, окружало афинянъ; этимъ послѣднимъ грозила двоякая опасность: съ одной стороны ихъ окружали, съ другой уже побѣждали.

„Они пострадали бы больше остального войска, если бы не присутствіе полезной для нихъ конницы. Вдобавокъ Агидъ, увидя, что лѣвое крыло его тѣснятъ мантинеяне и тысяча аргивянъ, скомандовалъ всему войску идти въ ту сторону, которая терпѣла поражене. Засимъ, когда лакедемонское войско перемѣнило позицію и удалилось, афиняне, равно какъ и побѣжденная часть аргивскаго войска, спокойно отступили. Съ этого времени мантинеяне, союзники ихъ и отборные аргивяне не помышляли уже о наступленіи на врага; при видѣ пораженія своихъ и наступленія лакедемонянъ, они обратились въ бѣгство... Однако и бѣгство, и отступление не были ни стремительны, ни продолжительны, потому что лакедемоняне ведутъ битву долго и упорно, оставаясь на мѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока противникъ не подается, но разъ непріятель обернулъ тылъ, они преслѣдуютъ его недолго и недалеко.

„Затѣмъ лакедемоняне выстроились къ бою впереди труповъ непріятелей, немедленно водрузили трофей и сняли доспѣхи убитыхъ враговъ, подобрали своихъ убитыхъ и перенесли ихъ въ Тегею, гдѣ и предали погребенію, а по уговору выдали трупы непріятелей.

„Аргивянъ, орнеатовъ и клеонейцевъ пало 700 человекъ, мантинеянъ 200, столько же афинянъ вмѣстѣ съ эгинянами и оба военачальника.

„Напротивъ, союзники лакедемонянъ не потерпѣли большой убыли; относительно самихъ лакедемонянъ трудно было добиться истины, но, какъ рассказывали, ихъ пало около трехсотъ“.

(Θ укидидъ. V, 67—74, пер. Θ. Мищенко).

18. Укрѣпленія.

Одинъ писатель такимъ образомъ описываетъ мессенскія и афинскія укрѣпленія.

1. Мессена.—„Эта крѣпость была построена въ 370 г. до Р. Х. Эпаминдомъ. Она располагалась на склонахъ горы Итомы, на вершинѣ которой уже былъ устроенъ фортъ. Онъ былъ сохраненъ и приспособленъ для акрополя (цитадели).

Мессенскія укрѣпленія.

„Существующая еще до сихъ поръ ограда идетъ по возвышеніямъ, представляемымъ самой природой. Она отличается большой прочностью, толщина ея около $2\frac{1}{2}$ метровъ, а высота $4\frac{1}{2}$ метра отъ подошвы эскарпа до верха зубцовъ. Такой незначительной вышиной довольствовались потому, что это давало возможность защитникамъ

пользоваться противъ нападающихъ копьями. На верхъ стѣны поднимались по каменнымъ лѣстницамъ, шедшимъ съ внутренней стороны.

„По бокамъ ограды возвышались четырехугольныя башни въ три или четыре этажа. Крыша этихъ башенъ была только съ однимъ скатомъ, отъ внѣшней стороны къ внутренней. Крыша служила также помостомъ для защитниковъ крѣпости, о чемъ свидѣлствуютъ зубцы вверху, а склонъ крыши защищалъ воиновъ отъ метательныхъ снарядовъ, бросаемыхъ на нихъ извнѣ. Во второмъ этажѣ были продѣланы амбразуры, которыя суживались къ внѣшней сторонѣ такимъ образомъ, чтобы въ нихъ не могъ пролѣзть человѣкъ. Третій же этажъ, если только онъ существовалъ, освѣщался довольно широкими окнами, которыя можно было запирать внутренними ставнями.

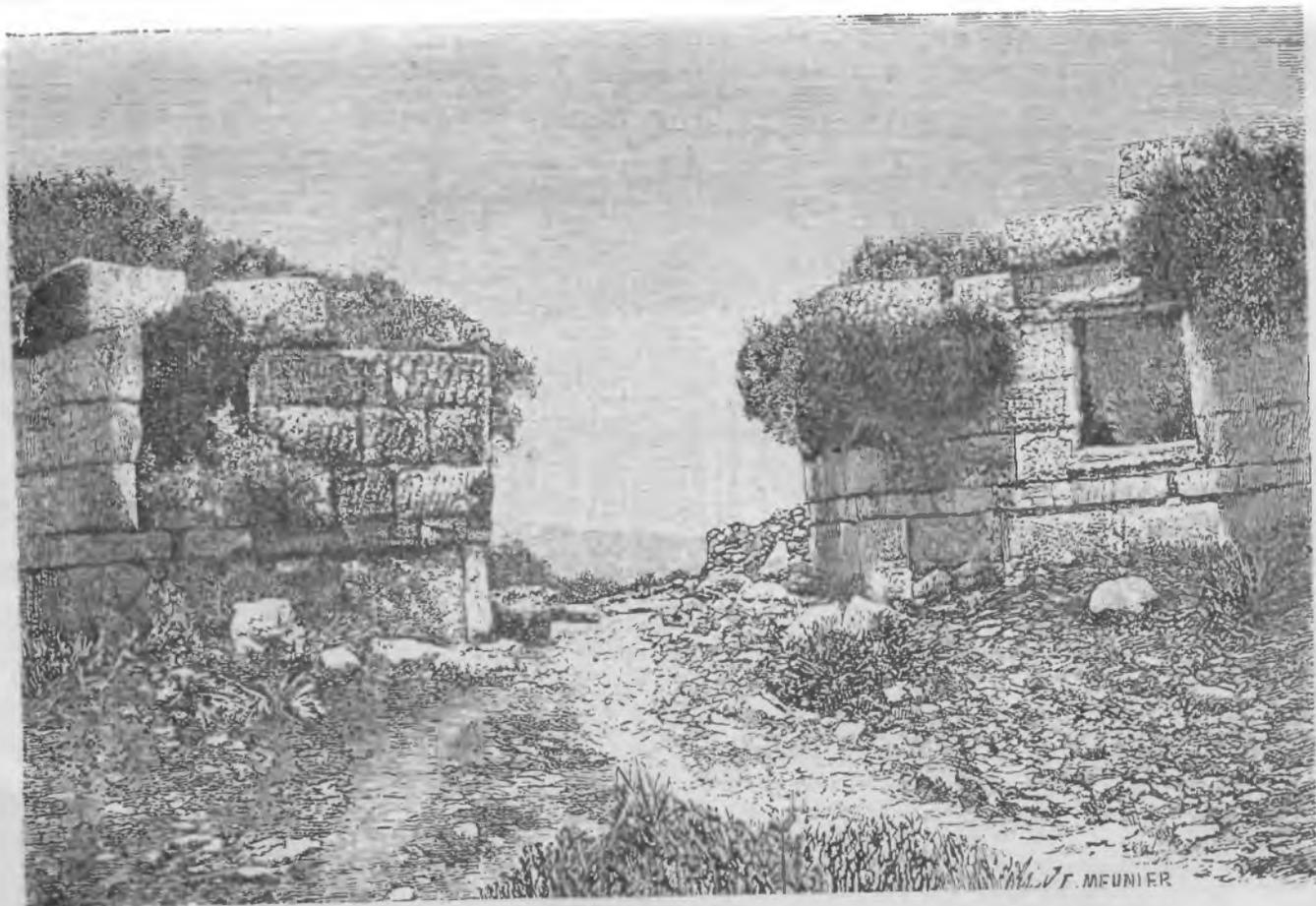
„Въ среднемъ разстояніе между башнями равнялось 100 метрамъ, причемъ онѣ выступали за стѣну на 6 или 7 метровъ. Нижній этажъ башенъ былъ построенъ очень прочно, начиная же со второго этажа стѣны состояли изъ одного ряда тесаннаго камня въ 60 сант. толщины. Всѣ выступавшія части ограды были укрѣплены массивными башнями, которыя съ внѣшней стороны были круглыми, а съ внутренней плоскими.

„Чтобы установить постоянное сообщеніе вдоль стѣны, въ каждой башнѣ были продѣланы по двѣ двери.

„Двѣ четырехугольныя башни въ три этажа находились по бокамъ главныхъ воротъ, называвшихся Мегалополисскими. Ворота эти вели въ круглый передній дворъ; съ противоположной стороны ихъ были другія ворота, шедшія въ городъ. Въ случаѣ, если бы нападающіе овладѣли первыми воротами, осажденные могли держаться на стѣнѣ, окружавшей передній дворъ.

„Всѣ каменные части были сдѣланы изъ великолѣпно обтесаннаго камня, расположеннаго горизонтальными слоями.

„Отъ главной ограды шла отдѣльная стѣна, спускавшаяся до дна оврага, гдѣ протекалъ ручей. Она, вѣроятно, служила защитой для людей, ходившихъ за водой“.

Мегалополисскія ворта въ Мессенѣ.

2. А ө и ны.— „Аѳинскія укрѣпленія состояли изъ нѣсколькихъ частей. Во-первыхъ, изъ очень древняго Акрополя, расположеннаго на возвышенномъ мѣстѣ. Во-вторыхъ, изъ городской стѣны, перестроенной вновьThemistoklomъ въ V вѣкѣ и имѣвшей въ окружности около 8 километровъ. Въ-третьихъ, изъ особой ограды для полуострова Пирея, который соединялся съ городомъ двумя параллельными стѣнами длиною въ 5,5 километровъ. Другая стѣна, въ 7 километровъ, шла отъ Аѳинъ до Фалерской гавани. Такимъ образомъ, у аѳинянъ всегда сохранялся свободный выходъ къ морю, даже въ томъ случаѣ, когда одна изъ внѣшнихъ стѣнъ попадала въ руки непріятели.

„Слѣды городской ограды найдены въ нѣсколькихъ мѣстахъ. На нихъ ясно можно различить три четырехугольныя башни, соединенныя особой куртиной въ 70 футовъ. Эти башни, находившіяся съ внѣшней стороны стѣны, должны были имѣть по фасаду 40 метровъ, съ боковъ по 28, стѣны же ихъ были толщиною, повидимому, отъ 2 до 3 метровъ.

„Эта стѣна имѣла прежде всего фундаментъ изъ песчаника, возвышавшійся надъ почвой на 2 фута. На фундаментѣ располагался рядъ громадныхъ камней; сверху была выстроена сплошная кирпичная стѣна, толщиною въ 6 метровъ; кругомъ нея на высотѣ шести метровъ шла дорога, защищенная съ внѣшней стороны зубчатымъ парапетомъ“.

(De Rochas d'Aiglun. Principes de la fortification antique, стр. 65 и 81).

19. Осада Платеи (428—421).

„Спартанскій царь Архидамъ прежде всего окружилъ городъ частоколомъ изъ срубленныхъ деревьевъ, чтобы никто больше не выходилъ изъ города; затѣмъ насыпалъ подлѣ города земляной валъ... Лакедемоняне нарубили брусевъ и крестообразно приладили ихъ вмѣсто стѣнъ съ обѣихъ сторонъ къ насыпи, чтобы насыпанная земля не расползалась далеко. На насыпь сносили хво-

ростъ, камни, землю, нагромождали все, что могло быть пригодно для этой цѣли. Пелопоннесцы насыпали землю въ теченіе семидесяти дней и ночей безъ перерыва, распредѣливши между собою работу по смѣнамъ...

„Видя, какъ насыпь поднимается, платееяне сколотили лѣса и поставили ихъ на городское укрѣпленіе въ томъ мѣстѣ, у котораго сдѣлана была насыпь, задѣлывая промежутки въ лѣсахъ кирпичомъ, который брали изъ скрытыхъ сосѣднихъ домовъ... Сооруженіе . . . прикрыто было шкурами и кожами, чтобы какъ рабочіе, такъ и деревянная клѣтка не подвергались дѣйствию огненныхъ стрѣлъ и были достаточно защищены.

„Стѣна поднималась до значительной высоты, но съ не меньшею ревностью возводилась и насыпь противъ нея. Тогда платееяне придумали слѣдующую хитрость: разобрали стѣну въ томъ мѣстѣ, къ которому примыкалъ валъ, и таскали землю въ городъ.

„Съ своей стороны пелопоннесцы, замѣтивши это, набросали въ отверстіе стѣны глины, набитой въ тростниковыя плетенки, чтобы она не могла обвалиться, какъ земля, и уноситься въ городъ.

„Встрѣтивши здѣсь преграду, платееяне остановили свою работу, но провели изъ города подземный ходъ, направили его по соображенію подъ окопъ и снова таскали землю къ себѣ. Долгое время стоявшее за городомъ войско не замѣчало ничего, такъ что, чѣмъ больше они насыпали земли, тѣмъ меньше подвигались къ концу, потому что снизу насыпь постепенно убывала и садилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ сдѣланы были ямы.

„Платееяне . . . придумали еще слѣдующее: отъ низкой стѣны по обѣимъ сторонамъ деревяннаго сооруженія возвели стѣну внутрь города въ видѣ полумѣсяца съ тою цѣлью, чтобы держаться за этой стѣной, если высокая стѣна будетъ взята, и заставить враговъ снова возводить валы противъ новаго укрѣпленія.

„Между тѣмъ пелопоннесцы вмѣстѣ съ насыпью придвигали къ городу боевыя машины. Одна изъ нихъ, придвинутая по насыпи, потрясла значительную часть высокаго

сооруженія и навела ужасъ на платейнъ. Другія машины поставлены были противъ другихъ частей стѣны. Однако платейне накидывали на нихъ петли и такимъ образомъ отклоняли удары. Кромѣ того, они повѣсили огромные брусья обоими концами на длинныхъ желѣзныхъ цѣпяхъ, укрѣпили ихъ на двухъ другихъ балкахъ, положенныхъ на стѣнѣ и выступающихъ впередъ, и тянули брусья вверхъ наискось къ стѣнѣ. Каждый разъ, когда гдѣ-либо грозилъ ударъ тарана, платейне не удерживали болѣе бревна и опускали его на ослабнувшихъ цѣпяхъ; бревно падало съ силою и отсѣкало голову тарана.

„Когда боевыя машины оказались бесполезными, а противъ окоповъ возведено было укрѣпленіе . . . пелопоннесцы рѣшили попытаться взять городъ огнемъ, полагая, что, быть можетъ, имъ удастся при благоприятномъ вѣтрѣ сжечь его, тѣмъ болѣе что Платея — городъ небольшой... Съ этою цѣлью пелопоннесцы снесли связки хворосту и стали бросать ихъ съ окоповъ въ промежуточное пространство между стѣною и валомъ . . . на городскую стѣну, куда только могли добросить съ высоты вала; наконецъ, кинули на хворостъ огонь съ сѣрой и смолой и такъ зажгли его... Огонь былъ ужасный; еще немного — и платейне, счастливо избѣжавшіе всѣхъ опасностей, погибли бы... Но пошелъ сильный дождь съ грозою, погасившій пламя, благодаря чему опасность миновала...

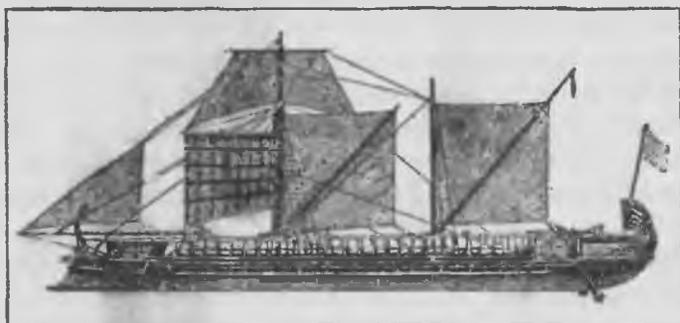
„Тогда осаждающіе рѣшили взять городъ блокадой. Они окружили его двумя кольцеобразными стѣнами. Одна стѣна была со стороны платейнъ, другая на случай нападенія снаружи, изъ Афинъ, причемъ разстояніе между стѣнами было около 16 футовъ (5 метровъ). Промежуточное пространство занято было строеніями, распределенными между стражей. Строенія шли непрерывно въ рядъ, благодаря чему все казалось одной толстой стѣной съ зубцами по обѣимъ сторонамъ. Черезъ каждые десять зубцовъ слѣдовали огромныя башни такой же толщины, какъ и стѣна, такъ что онѣ доходили до внутренняго и наружнаго фасада стѣны... По ночамъ въ дождливую погоду воины покидали зубцы и сторожили изъ башенъ“.

Фукидидъ разсказываетъ, какъ благодаря бурной ночи 212 платейцамъ удалось при помощи лѣстницъ пробраться черезъ непріятельскія укрѣпленія. Тѣ, которые вернулись въ городъ, вскорѣ убѣдились, что съѣстные припасы и силы истощены. Они сдались, и всѣ мужчины были перебиты, а женщины обращены въ рабство.

Осада продолжалась болѣе года.
(Фукидидъ. II, 75—77; III, 20—24, 52, 68; пер. Э. Мищенко).

20. Триера.

Триера была одновременно и паруснымъ и гребнымъ судномъ. Она получила свое названіе отъ трехъ рядовъ веселъ, расположенныхъ по одной сторонѣ одинъ надъ

Триера.

другимъ. Мы не будемъ здѣсь подробно описывать всѣ ея части и разсказывать, какимъ образомъ она строилась. Достаточно указать ея главныя черты.

„Тріера отличалась легкостью и хорошимъ ходомъ. Известно, что она могла сдѣлать отъ 9 до 10 миль въ часъ (отъ 16 до 18 километровъ), а это хорошая скорость и для современныхъ пароходовъ. Она очень возвышалась надъ водой и, быть можетъ, была менѣе устойчива, чѣмъ современные суда. Но для грековъ этотъ недостатокъ былъ менѣе важенъ, чѣмъ для насъ. Въ Греціи навигація начиналась весной и заканчивалась осенью. Зимой же

Передняя часть тріеры.

пускались въ море только въ видѣ исключенія и въ случаѣ какой-нибудь крайней необходимости. А въ теченіе лѣтняго сезона Средиземное море было обыкновенно совершенно спокойнымъ. Тріера не предназначалась, какъ наши пароходы, для плаванія въ почти постоянно волнующемся океанѣ, и ей не приходилось бороться съ его опасностями. Она скользила по тихимъ волнамъ Архипелага, усѣянаго гаванями и различными убѣжищами. Мы, впрочемъ, знаемъ, какія опустошенія производила буря въ древнемъ флотѣ: достаточно было внезапно налетѣвшаго урагана, чтобы уничтожить его цѣликомъ. Въ эпоху персидскихъ войнъ, на примѣръ, греки одержали побѣду надъ персидской эскадрой въ такой же мѣрѣ благодаря скверной погодѣ, какъ и своей доблести.

„Какъ боевое судно, тріера совмѣщала рѣдко встрѣчающіяся вмѣстѣ качества. Вся ея сила сосредоточивалась, повидимому, въ носовой части; ударъ носомъ, хотя и не отличался такой мощью, какъ въ нашихъ корабляхъ, былъ, однако, губителенъ, если тріера, приводив-

шаяся въ движеніе всѣми веслами, наносила его въ бокъ вражескаго корабля. Но носъ корабля былъ такъ прекрасно приспособленъ не только для нападенія, а обладалъ также и оборонительными средствами. Широкія эпотиды ¹⁾, которыя поддерживались прочными подпорками, могли выдержать столкновение безъ вреда для себя. Серьезной защитой былъ также и столосъ ²⁾. Наконецъ, съ вышины мачты часто бросались тяжелые желѣзные или свинцовые снаряды, которые могли проломить палубу вражескаго корабля и даже потопить его. Кромѣ того, тріера была подъ защитой стрѣлковъ и воиновъ, которые находили на ней много удобныхъ мѣстъ, приспособленныхъ какъ для нападенія, такъ и для защиты“.

(Cartault. La trière athénienne, стр. 253 и сл.).

21. Экипажъ корабля.

На каждой тріерѣ было 174 гребца и десятка два матросовъ, въ вѣдѣніи которыхъ были мачты и паруса. И тѣ и другіе набирались обыкновенно среди метэковъ и самыхъ бѣдныхъ гражданъ.

Гребцами командовалъ такъ называемый келевстъ (κελευστής). Главною обязанностью келевста было управлять греблей при помощи флейтиста, намѣчавшаго тактъ. Кромѣ того, онъ раздавалъ съѣстные припасы и наблюдалъ за поддержаніемъ дисциплины. Что касается матросовъ, то они, вѣроятно, находились подъ начальствомъ его помощниковъ - офицеровъ, наименованія которыхъ мы не знаемъ.

Капитанъ корабля назывался тріерархъ. У него былъ помощникъ, *υπερηγής*, на котораго онъ возлагалъ всю техническую часть своихъ обязанностей, тѣмъ болѣе, что самъ онъ не всегда былъ свѣдущъ въ этомъ отношеніи. Все значеніе роли этого помощника капитана явствуетъ изъ слѣдую-

¹⁾ Эпотиды—толстые деревянные брусья, выступавшіе по обѣимъ сторонамъ носа. (Прим. автора).

²⁾ Столосъ подымался вертикально надъ тараномъ и опирался на переднюю часть тріеры; онъ имѣлъ выпуклую форму. (Прим. автора).

щаго мѣста сочиненія Демосѳена: „Ошибка матроса влечетъ за собой только небольшой вредъ, но если ошибается помощникъ капитана, то это ведетъ всѣхъ находящихся на кораблѣ къ общей гибели“. Проревсъ, „сидя или стоя на носу, бросалъ взоры впередъ, внизъ и вокругъ себя, наблюдалъ, нѣтъ ли признаковъ шквала, старался избѣгать подводныхъ камней, приказывалъ бросать лоть, когда боялся наткнуться на мель, криками или сигналами сообщался съ рулевымъ и доставлялъ ему всѣ указанія, необходимыя для того, чтобы управлять кораблемъ, всегда соображаясь съ обстоятельствами. Онъ былъ также посредникомъ въ передачѣ приказаній помощника капитана остальному экипажу“. (Cartault, стр. 231—232). Пентеконтархъ былъ помощникомъ капитана по управленію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

По обычаю на тріеру брали извѣстное число гоплитовъ, обыкновенно около десятка, „чтобы они при абордажѣ могли помѣриться съ непріателемъ силами, или же, бросая въ него стрѣлы, не подпускать его близко, а при случаѣ—сойти на берегъ, съ цѣлью произвести пожаръ или опустошеніе“. (Cartault, стр. 236). То были такъ называемые *ἐπιβάται*.

Въ общемъ экипажъ тріеры состоялъ, включая сюда офицеровъ, нѣсколько болѣе, чѣмъ изъ 200 человекъ.

22. Триерархія.

Триерархія была литургіей, и кромѣ того литургіей самой древней. Безполезно было бы сообщать довольно сложныя, многократно измѣнявшіяся правила, сообразно которымъ эта повинность распредѣлялась между гражданами. Достаточно сказать, что она исключительно падала на самыхъ богатыхъ людей.

Во второй половинѣ четвертаго столѣтія триерархъ получалъ отъ государства оснащенный и снабженный парусами корабль. Кромѣ того, ему предоставлялся экипажъ и деньги для уплаты жалованья экипажу и для расходовъ по содержанію его. Онъ обязанъ былъ всю матеріальную часть въ концѣ года сдать или своему преемнику, если кампанія не была окончена, или особому долж-

ностному лицу, вѣдавшему морскія дѣла. Онъ самъ долженъ былъ нести случайные расходы, которые вызывались въ теченіе года необходимостью поддерживать корабль, ремонтировать его и, наконецъ, пополнять то, что было потеряно или погибло по его винѣ. Эти расходы и убытки исчислялись отъ 40 до 60 минъ (отъ 1.480 до 2.220 рублей) для каждой тріерархіи. Если корабль или его снасти подверглись порчѣ или гибели, то все это должно было возмѣщаться тріерархомъ государству деньгами или натурой. Сумма, подлежащая внесенію, опредѣлялась особымъ каталогомъ, гдѣ была указана установленная закономъ стоимость всего матеріальнаго состава.

Нѣкоторыя обстоятельства, какъ, напримѣръ, буря или морское сраженіе, въ которомъ могли погибнуть корабль и его снасти, считались независящими отъ воли человѣка и освобождали тріерарха отъ уплаты государству убытковъ. Но это освобожденіе должно было утверждаться судомъ. Свѣдушія должностныя лица опредѣляли величину долга. Если стоимость корабля не была внесена тріерархомъ въ теченіе года, то она могла быть удвоена по требованію совѣта.

Нерѣдко бывало, что тріерархъ бралъ на себя добавочные расходы и дарилъ государству тріеру и ея снасти. Иногда же онъ несъ необязательные для него расходы.

(Dürrbach. L'orateur Lycurgue, стр. 62).

23. Тріерархъ на своемъ кораблѣ.

Приказы относительно выступленія въ походъ и начала битвы, несомнѣнно, отдавались стратегомъ, отвѣтственнымъ главнокомандующимъ эскадры; тріерархи обязаны были повиноваться этимъ приказамъ. Стратегъ руководилъ также общимъ ходомъ дѣла. Такимъ образомъ, движенія военнаго флота управлялись всегда единой волей. Но несомнѣнно также, что каждый тріерархъ на своемъ кораблѣ былъ полнымъ господиномъ. Если бы стратегъ пожелалъ отдавать на тріерѣ непосредственныя и частныя приказанія, то изъ-за этого могли бы происходить столкновенія, въ которыхъ побѣдителемъ не всегда выходилъ бы стратегъ.

Интересный примѣръ такого столкновѣнія разсказанъ въ рѣчи Демосѳена противъ Поликла.

Когда аѳинскій флотъ имѣлъ стоянку въ Фазосѣ, стратегъ Тимомахъ посылаетъ тріерарху Аполлодору приказъ сняться съ якоря для неизвѣстнаго назначенія. Руководство этой экспедиціей онъ поручаетъ своему уполномоченному Каллипу. „Онъ отправляется на корабль и приказываетъ кормчему держать путь въ Македонію“. Такимъ образомъ, Каллипъ сейчасъ же вступаетъ въ управленіе кораблемъ, не встрѣчая препятствій со стороны Аполлодора. Но въ пути Аполлодоръ узнаетъ, что тріера идетъ въ Меѳону за Каллистратомъ, родственникомъ стратега, дважды присужденнымъ аѳинскимъ народомъ къ смертной казни. Между тѣмъ, формально запрещалось перевозить изгнанниковъ на тріерахъ республики. Поэтому между Каллипомъ и Аполлодоромъ происходитъ пререканіе, въ результатѣ котораго Аполлодоръ беретъ въ свои руки командованіе кораблемъ. „Я говорю кормчему, чтобы онъ держалъ путь къ Фазосу; Каллипъ противится этому и велитъ направить корабль въ Македонію, согласно приказаніямъ стратега. Кормчій отвѣчаетъ ему, что такъ какъ я тріерархъ корабля и отвѣтственъ за его дѣйствія, и такъ какъ отъ меня онъ получаетъ жалованіе, то онъ повернетъ къ Фазосу“. Такимъ образомъ, въ этомъ столкновѣніи двухъ властей власть тріерарха взяла верхъ. По прибытіи на Фазосъ Аполлодора потребовали къ стратегу. Онъ не рѣшился отправиться къ нему, боясь, что его закуютъ въ цѣпи. Послѣ этого его оставили въ покоѣ.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ можно сдѣлать заключеніе, что тріерархъ былъ обязанъ повиновеніемъ стратегу, какъ своему высшему начальнику. Въмѣстѣ съ тѣмъ, тріерархъ былъ отвѣтственъ передъ народомъ въ своемъ поведеніи и вообще во всемъ происходящемъ на его кораблѣ; а поэтому во всѣхъ особыхъ случаяхъ, подобно вышеописанному, гдѣ происходило нарушеніе закона, онъ могъ за свой страхъ и рискъ отказаться исполнять приказанія стратега. Мы видѣли, что въ данномъ примѣрѣ стратегъ не хотѣлъ или не могъ примѣнить имѣвшіяся въ его распо-

ряженіи принудительныя средства для того, чтобы добиться повиновенія со стороны Аполлодора. Во всякомъ случаѣ онъ не вымещалъ своего гнѣва на низшихъ офицерахъ, которые стали въ этомъ столкновеніи на сторону своего начальника.

Изъ этихъ словъ Демосѳена можно видѣть, что тріерархъ являлся дѣйствительнымъ командиромъ своего корабля. Слѣдовательно, тріерархія не была только простымъ налогомъ, падавшимъ на состояніе богатыхъ гражданъ; въ послѣднемъ случаѣ достаточно было бы внести при снаряженіи корабля часть расходовъ, отъ которыхъ желало освободиться государство. Съ другой стороны, тріерархъ не являлся простымъ довѣреннымъ лицомъ, отвѣтственнымъ за сохраненіе порученныхъ ему корабля и снастей, которые представляли большую цѣнность, а также денегъ, получаемыхъ имъ отъ стратега для уплаты жалованья экипажу. Кромѣ этого, на немъ лежали обязанности, выполняемыя у насъ капитанами кораблей. Онъ исполнялъ эти обязанности съ большимъ знаніемъ дѣла, такъ какъ обыкновенно самъ былъ судохозяиномъ и прекрасно понималъ все то, что относилось къ мореплаванію. Тріерархія выполнялась также достаточно часто для того, чтобы выработать опытность у людей, не имѣвшихъ ея. Однако, не слѣдуетъ забывать, что тріерархъ не былъ морякъ по ремеслу, и на эту должность могли попасть люди совершенно неопытные. Поэтому для нихъ являлось необходимымъ, чтобы на борту корабля былъ помощникъ, знакомый съ дѣломъ и способный руководить неопытнымъ командиромъ. Этотъ помощникъ былъ *κρηρῆγης*.

(Cartault. La Trière athénienne, стр. 224—226).

24. Пирей и аѳинскій флотъ.

Пирей былъ центромъ морского могущества аѳинянъ. Въ немъ было три порта, специально предназначавшихся для военнаго флота: портъ Кантаръ въ Пирейской бухтѣ, портъ Зея и портъ Мунихія.

Они были защищены цѣлой системой очень прочныхъ укрѣпленій; укрѣпленія эти охватывали весь полуостровъ, на которомъ находились порты, и соединялись съ аѳинскими стѣнами. Во всѣхъ трехъ гаваняхъ устраивались по окружности ихъ особыя сооруженія (*νεώσοικοι*) для причаливанія кораблей. У каждой тріеры было свое особое мѣсто. Около 330 года до Р. Х. этихъ помѣщеній было 82 въ Мунихіи, 196—въ Зеѣ и 94 въ Кантарѣ, слѣдовательно, всего 372. Кромѣ того, въ Пиреѣ находились корабельныя верфи и арсеналь, точныхъ размѣровъ которыхъ мы не знаемъ. Это было прямоугольное зданіе въ 25 метровъ длиной и 17 метровъ шириной.

Наличный составъ аѳинскаго флота въ различное время мѣнялся. Согласно Фукидиду, Аѳины во время Перикла имѣли 30 военныхъ судовъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи ихъ было 400.

25. Саламинская битва.

Вѣстникъ персовъ. „...Изъ войска аѳинянь

Пришелъ какой-то эллинъ къ намъ и Ксерксу.

Сказалъ, что только ночи мракъ настанеть,

Какъ эллины, за весла ухватившись,

Спасая жизнь, всѣ въ бѣгство устремятся

И тайно всѣ разъѣдутся оттуда.

А онъ, едва услыша эту рѣчь,

Коварства эллина не заподозривъ,

О зависти боговъ совсѣмъ забывъ.

Такой приказъ начальникамъ даетъ:

Какъ перестанетъ солнце землю жечь,

Небесное-жъ пространство мгла обниметь,

То пусть суда поставятъ въ три ряда

Стеречь проходы и пути морскіе.

Другими-жъ окружать Аякса островъ¹⁾

Коль эллины злой участи избѣгнутьъ.

Нашедши путь для бѣгства на судахъ,

То всѣ вожди должны лишиться жизни!

Сказалъ онъ такъ, въ душѣ надежды полный,

Не зная, что ему судили боги...

Безропотно приказу повинуюсь.

Вожди судовъ устраивали ужинъ.

¹⁾ Т. е. островъ Саламинъ.

Гребцы же весла къ кольямъ прикрѣпляли.
Но вотъ угасъ послѣдній солнца лучъ,
И ночи мракъ насталь: тогда гребцы
Съ солдатами взошли на корабли.
И съ строемъ строй судовъ перекликался...
Плывутъ они, храня порядокъ свой.
Всю ночь вожди въ порядокъ разставляли
Войска на мореходныхъ корабляхъ.
Кончалась ночь, а эллинское войско
Нигдѣ тайкомъ бѣжать и не пыталось;
И ѣдущій на бѣлыхъ лошадахъ
Ужъ ясный день объялъ собой всю землю,—
Вдругъ шумный крикъ отъ эллиновъ пронесся,
Какъ пѣсни звукъ,—и громко въ то же время
Имъ эхо скалъ откликнулось въ отвѣтъ.
И страхъ тогда всѣхъ варваровъ объялъ,
Въ надеждѣ обманувшихся: не къ бѣгству
Готовясь, пѣли эллины пѣанъ
Священный, но стремясь отважно въ бой.
И дружно вдругъ они морскія волны
Ударомъ весель вспѣнили своихъ,
И скоро всѣхъ ихъ видѣть мы могли.
Ихъ правое крыло шло впереди,
Порядокъ соблюдая, а за нимъ
Весь флотъ спѣшилъ, и слышенъ въ то же время
Былъ громкій крикъ: „Впередъ, сыны Эллады,
Спасайте родину, спасайте женъ,
Дѣтей своихъ, боговъ отцовскихъ храмы,
Гробницы предковъ: бой теперь—за все!“
Навстрѣчу имъ неслись и персовъ крики,
И медлить дольше было невозможно:
Одинъ корабль ударилъ мѣднымъ носомъ
Въ другой, и началъ эллинскій корабль
Сраженъе, сбивши съ судна финикійцевъ
Всѣ украшенья... Всюду бой кипѣлъ.
Сперва стояло твердо войско персовъ;
Дать помощи другъ другу не могли
И мѣдными носами поражали
Своихъ же—всѣ тогда они погибли.
А эллины искусно поражали
Кругомъ ихъ... И тонули корабли,
И подъ обломками судовъ разбитыхъ,
Подъ кровью мертвыхъ—скрылась гладь морская.
Покрылись трупами убитыхъ скалы
И берега, и варварское войско
Въ нестройномъ бѣгствѣ все отплыть спѣшило.

И какъ тунцовъ или другую рыбу
Ихъ эллины остатками снастей,
Обломками отъ весель били: стонъ
Съ рыданьями стоялъ надъ гладью моря,
Пока всего не кончилъ мракъ ночной“.

(Э с х и л ъ. Персы, 355—428. Переводъ Аппельрота).

26. Почести. воздававшіяся гражданамъ, погибшимъ за отечество.

„Аѳиняне, согласно обычаю предковъ, слѣдующимъ образомъ совершали на государственнй счетъ погребеніе первыхъ воиновъ, павшихъ въ этой войнѣ: за три дня до похоронъ соорудили подмости и тамъ выставили останки павшихъ воиновъ; каждый желающій аѳинянинъ дѣлалъ приношенія своимъ родственникамъ. Въ погребальномъ шествіи колесницы двигались съ кипарисными гробами, по одному на філу; кости каждаго находились въ гробу той філы, къ которой принадлежалъ покойникъ. Несли еще одно пустое приготовленное ложе для погибшихъ безъ вѣсти, останковъ которыхъ не могли отыскать и убрать. Въ процессіи участвовали всѣ желающіе, граждане и иноземцы; у могилы присутствовали и женщины, родственницы покойниковъ, съ рыданьями. Затѣмъ гробы поставлены были на государственное кладбище, находившееся въ красивѣйшемъ городскомъ предмѣстьѣ (Керамикѣ); на немъ всегда хоронятъ павшихъ въ войнѣ, кромѣ марафонскихъ воиновъ: такъ какъ доблесть этихъ послѣднихъ признана была чрезвычайною, то ихъ похоронили на мѣстѣ сраженія. Когда останки засыпаны, выбранное государствомъ лицо, такое, которое, по общему мнѣнію, обладаетъ выдающимся умомъ и занимаетъ высокое положеніе, произноситъ подобающее похвальное слово. Послѣ этого расходятся“.

(У к и д и д ъ, II, 34, въ пер. О. Мищенко).

До насъ дошло много списковъ, перечисляющихъ гражданъ, которымъ былъ оказанъ такой почетъ. Въ одномъ изъ документовъ, хранящихся въ Луврскомъ музеѣ, читаемъ:

„Граждане, имена которыхъ перечислены ниже и которые всѣ принадлежали къ филѣ Эрехтеидѣ, погибли въ теченіе

одного года на войнѣ на о. Кипрѣ, въ Египтѣ, Финикии, Галиасѣ, Эгинѣ и Мегарѣ“. (Corp. inscr. Attic., I, 433).

Кромѣ того, благодаря Фукидиду у насъ имѣется, если не текстъ, то главное содержаніе надгробной рѣчи, которая была произнесена Перикломъ въ первый годъ Пелопоннесской войны. Двѣ трети рѣчи наполнены великими похвалами учрежденіямъ, нравамъ и мужеству всѣхъ аѳинянъ вообще. Послѣ этого ораторъ переходитъ къ умершимъ. Онъ превозноситъ ихъ доблести и указываетъ на нихъ, какъ на примѣръ для живыхъ:

„Столь достойными государства были эти воины. Оставшимся въ живыхъ слѣдуетъ молить боговъ о дарованіи болѣе спокойнаго отношенія къ врагамъ, но они должны рѣшиться проявлять не меньшую отвагу въ борьбѣ. Не довольствуйтесь тѣмъ, что слушаете рѣчи о выгодахъ мужества... Напротивъ, вы обязаны ежедневно въ трудахъ вашихъ взирать на могущество государства и черезъ то полюбить его, и если оно кажется вамъ великимъ, помните, что его стяжали люди отвагою, умѣнемъ принимать надлежащія мѣры, люди, руководившіеся въ сраженіяхъ чувствомъ чести. Если въ какомъ-нибудь предпріятіи они потерпѣли неудачу, то не считали для себя позволительнымъ лишать городъ своихъ доблестей и приносили въ жертву ему прекраснѣйшій даръ: они отдавали за него жизнь, и за то каждый стяжалъ себѣ неувыдающую славу и почетнѣйшую могилу, не столько эту, въ которой покоятся ихъ останки, сколько ту, въ которой слава ихъ остается незабвенною, именно въ каждомъ словѣ, въ каждомъ дѣйствіи потомковъ. Могилою людей знаменитыхъ служить вся земля, и о нихъ свидѣлствуютъ не только надписи на надгробныхъ столбахъ въ родной странѣ. Не столько о самыхъ подвигахъ, сколько о мужествѣ воспоминаніе незаписанное вѣчно живетъ въ каждомъ человѣкѣ и въ чужихъ земляхъ. Соревнуйте имъ, почитайте счастьемъ свободу, а свободою мужество и потому не отступайте передъ военными опасностями...“ (Фукидидъ, II, 43, въ пер. Э. Мищенко).

Международныя отношенія.

Содержаніе: 1. Третейскій судъ между двумя городами.—2. Никіевъ миръ.—3. Древній союзный договоръ.—4. Союзный и коммерческій договоръ Македоніи и Халкиды.—5. Уступка торговой монополіи.—6. Право частнаго возмездія въ Греціи.—7. Монетный договоръ.—8. Проксены.—9. Греческая колонизація VIII и VII вѣковъ.—10. Аѳинскія колоніи V и IV вѣковъ.—11. Дельфійская амфиктіонія.—12. Первый аѳинскій союзъ.—13. Ахейскій союзъ.

1. Третейскій судъ между двумя городами (416 г. до Р. X.).

„Мелійцы и кимолійцы заявили, что они подчинятся рѣшенію аргивянъ относительно спорныхъ острововъ; аргійскій народъ присудилъ, что кимолійцамъ принадлежатъ Поліэга, Гетерія и Либія. Этотъ приговоръ разрѣшаетъ тяжбу въ пользу кимолійцевъ“.

(Lebas. Inscriptions d'Asie Mineure, 1).

2. Никіевъ миръ (421 г. до Р. X.).

„Договоръ заключили аѳиняне и лакедемоняне съ союзниками на слѣдующихъ условіяхъ, утвержденныхъ клятвами отъ каждаго города: что касается общихъ святынь, то всякому желающему предоставляется, согласно исконнымъ обычаямъ, приносить жертвы, вопрошать оракуловъ, отправлять священныя посольства сушею и моремъ безнаказанно. Святилищу и храму Аполлона въ Дельфахъ, а равно дельфійцамъ, имъ самимъ и землѣ ихъ, быть независимыми, свободными отъ дани, рѣшать дѣла собственнымъ судомъ по исконнымъ обычаямъ.“

„Договоръ долженъ существовать пятьдесятъ лѣтъ между аѳинянами съ союзниками аѳинянъ и лакедемонянами съ союзниками лакедемонянъ безъ коварства и ущерба, на сушѣ и на морѣ. Да не дозволено будетъ лакедемонянамъ и союзникамъ браться за оружіе съ цѣлью нанесенія вреда аѳинянамъ съ союзниками, ни аѳинянамъ и ихъ союзникамъ для нанесенія вреда лакедемонянамъ съ союзниками какими бы то ни было способами. Если бы между сторонами возникъ какой-либо споръ, они обязаны рѣшать его судомъ и клятвами согласно условіямъ, какія бы ни были приняты.

„Лакедемоняне и союзники да возвратятъ аѳинянамъ Амфиполь. Во всѣхъ городахъ, возвращенныхъ лакедемонянами аѳинянамъ, да дозволено будетъ каждому жителю уходить со своимъ достояніемъ, куда угодно. Городамъ быть независимыми... Города эти: Аргиль, Стагирь, Аканѳъ, Сколъ, Олинѳъ, Спартолъ; но не должны они быть союзниками ни лакедемонянъ, ни аѳинянъ; если бы аѳиняне склонили города къ союзу, то да будетъ позволено имъ, если пожелаютъ, вступить въ союзъ съ аѳинянами...

„Лакедемоняне и союзники обязуются возвратить аѳинянамъ Панактъ, а аѳиняне лакедемонянамъ—Корифасій, Киѳеру, Меѳону, Птелей, Аталанту.

„Обѣ договаривающіяся стороны должны возвратить другъ другу своихъ плѣнныхъ...

„Обѣ стороны, въ лицѣ семнадцати человѣкъ отъ каждаго города, пускай дадутъ клятву, какая въ землѣ ихъ почитается величайшею. Клятва должна гласить такъ: „Соблюдаю условія и договоръ безъ обмана и по справедливости“. Обѣ стороны повинны возобновлять клятву ежегодно. Столбы должны быть поставлены въ Олимпіи, въ Дельфахъ, на Истмѣ, въ Аѳинахъ въ акрополѣ, въ Лакедемонѣ у Амиклеи...

„Договоръ входитъ въ силу при эфорѣ Плейстолѣ, за четыре дня до окончанія мѣсяца Артемисія; въ Аѳинахъ же—при архонтѣ Алкеѣ, за шесть дней до окончанія мѣсяца Элафеболіона.

„Давали клятвы и заключали договоръ слѣдующія лица:

изъ лакедемонянь (слѣдуетъ 15 именъ), изъ аѳинянь (17 именъ)⁴.

(Θυκιδιδῶν, V, 18—19, перев. Θ. Мищенко).

3. Древній союзный договоръ.

„Договоръ между элейцами и эрейцами ¹⁾).

„Да будетъ союзъ на 100 лѣтъ и начнется онъ съ этого года. Если надо будетъ поговорить ²⁾ или приступить къ дѣйствіямъ, оба народа должны поступать сообща во всемъ, какъ и на войнѣ; если же они не будутъ дѣйствовать сообща, тѣ, кто нарушитъ договоръ, уплатятъ талантъ серебра Зевсу Олимпійскому. Если кто-нибудь уничтожитъ эту надпись, будь то должностное лицо или народъ,—онъ будетъ подвергнутъ упомянутой здѣсь священной пенѣ“.

(Michel. Recueil d'inscriptions grecques, 1).

4. Союзный и коммерческій договоръ Македоніи и Халкиды (между 389 и 383 г. до Р. Х.).

„Договоръ между Аминтой, сыномъ Арридея, и халкидцами.

„Союзъ между ними заключается на 50 лѣтъ противъ всѣхъ. Если кто-нибудь произведетъ нападеніе на Аминту, то ему придется воевать также съ халкидцами; если нападетъ на халкидцевъ, то будетъ воевать и съ Аминтой..

„Халкидцы могутъ вывозить смолу и лѣсъ, кромѣ еловаго, пригодный для постройки домовъ и кораблей, если только само халкидское государство не будетъ нуждаться въ этомъ. Если нужды въ лѣсѣ не будетъ, то разрѣшается вывозить и сосну, при чемъ халкидцы обязаны заявить объ этомъ Аминтѣ и заплатить установленныя пошлины. Для всѣхъ другихъ предметовъ разрѣшается, при условіи уплаты

¹⁾ Это самый древній документъ европейской дипломатіи (Egger). Точно неизвѣстно, къ какому году онъ относится, но несомнѣнно, что онъ принадлежитъ VI вѣку до Р. Х. (Прим. автора).

²⁾ Т.-е. вступить въ переговоры. (Прим. автора).

пошлины, вывозъ и ввозъ изъ Македоніи въ Халкиду и изъ Халкиды въ Македонію.

„Ни Аминта, ни халкидцы не должны вступать отдѣльно въ дружескія отношенія съ Амфиполисомъ, Боттіэей, Аканеомъ и Мендеей, но, если это будетъ выгодно обѣимъ сторонамъ, онѣ заключать договоръ съ общаго согласія.

„Клятва союза. . .“

(Michel. Тамъ же, 5).

5. Уступка торговой монополіи.

Три города острова Кеоса—Кареая, Коресъ и Юлида—сдѣлали почти одинаковыя постановленія о предоставленіи аѳинянамъ монополіи по вывозу сурика.

Вотъ постановленіе Юлиды:

„Постановленіе совѣта и народа Юлиды.

„По просьбѣ аѳинянъ совѣтъ и народъ Юлиды постановили, что съ этого дня сурикъ будетъ вывозиться только въ Аѳины и никуда въ другое мѣсто. Если же кто-нибудь попытается вывезти въ другое мѣсто, корабль и весь грузъ будутъ конфискованы. Половина будетъ отдана доносчику. Если доносчикъ—рабъ, онъ получитъ свободу и треть (?) конфискованнаго груза. При вывозѣ сурика изъ Кеоса надо нагружать на судно, указанное аѳинянами...

„Если аѳинянамъ угодно будетъ принять другія мѣры для обезпеченія монополіи касательно сурика, постановленія ихъ будутъ имѣть силу закона. . . Тотъ, кто будетъ уличенъ въ незаконномъ вывозѣ, подвергнется конфискаціи имущества; половина этого имущества поступаетъ въ собственность юлидскаго народа, другая половина—доносчику.

„Совѣтъ приметъ мѣры, чтобы эта надпись была написана и выставлена въ гавани“.

(Corpus inscript. Attic., т. II, 546).

6. Право частнаго возмездія въ Греціи.

Древнѣйшіе примѣры возмездія встрѣчаются у Гомера. Несторъ рассказываетъ въ „Иліадѣ“ о походѣ, предпринятомъ имъ противъ элейнъ, которые отказались выполнить

его требованія (Иліада, XI, 670 и сл.). Потерпѣвшіе взялись за оружіе подѣ его предводительствомъ, угнали многочисленныя стада и раздѣлили ихъ между собой, чтобы получить то, что имъ полагалось. Въ „Одиссеѣ“ говорится о подобномъ походѣ, предпринятомъ Одиссеемъ (Одиссея, XXI, 17 и сл.).

Подобное право частнаго возмездія называлось *ῥύσια* или *σῦλαι*. Примѣненіе его издавна было опредѣлено договорами. Однимъ изъ наибольшихъ преимуществъ, которое два греческихъ города могли предоставить другъ другу, былъ отказъ отъ права частнаго возмездія, вслѣдствіе чего обезпечивалась безопасность личности и имущества (*ἀσουλία* и *ἀσφαλεία*).

При отсутствіи подобнаго договора упомянутая льгота могла быть предоставлена простымъ указомъ, въ качествѣ личной и наслѣдственной привилегіи, иностранцамъ, оказавшимъ общественныя услуги, особенно проксенамъ ¹⁾.

Эпиграфическіе памятники, заключающіе въ себѣ подобныя договоры, насчитываются сотнями. Ихъ формула, почти всегда однообразная, иногда сопровождается дополнительными статьями, заслуживающими вниманія. Такимъ образомъ, *ἀσουλία* давалась обыкновенно какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, въ мирное время и въ случаѣ войны. Всякое нарушеніе запрещенія, наложеннаго закономъ, влекло за собой штрафъ, независимо отъ освобожденія плѣнниковъ и возвращенія захваченныхъ вещей. Обращеніе къ правосудію, по этому поводу, было доступно не только иностранцу, сдѣлавшемуся жертвой насилія, но любому лицу, такъ какъ это было фактомъ, касавшимся общественнаго порядка.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ договоровъ, относящихся къ *σῦλαι*, является договоръ, заключенный въ V вѣкѣ до нашей эры между двумя локрскими городами Эантомъ и Халейономъ. Оба города условились отмѣнить совершенно *σῦλαι* на сушѣ, но сохранили ихъ на морѣ, за исключеніемъ гавани. Всякій незаконный захватъ карался штрафомъ въ 4 драхмы (около 1 р. 50 коп.), причемъ захват-

¹⁾ Проксены—см. ниже § 8.

чикъ обязанъ былъ возвратить взятое въ теченіе 10 дней; при неисполненіи этого онъ долженъ былъ отдать еще половину наложеннаго раньше штрафа. Заявленія подаются, въ зависимости отъ случая, различнымъ судьямъ. Если, напримеръ, истецъ-эантецъ проживаетъ въ Халейонѣ, какъ метэкъ, онъ долженъ обратиться къ обыкновенному суду этого города. Если онъ не метэкъ, онъ долженъ обратиться къ особымъ судьямъ, извѣстнымъ въ Халейонѣ подъ названіемъ „судей для иностранцевъ“ (*ξενόδικαι*), и выбрать девять или пятнадцать присяжныхъ, въ зависимости отъ важности дѣла, среди именитыхъ халейонскихъ гражданъ. Наконецъ, если дѣло оффициально возбуждено однимъ изъ гражданъ Халейона, дѣйствующимъ во имя общественнаго порядка, судьями являются присяжные въ нечетномъ числѣ; они избираются среди деміурговъ, которые представляютъ собой главныхъ судей города и выносятъ приговоръ по большинству голосовъ. (R ö h l. Inscript. graecae antiq., 322).

Договоры болѣе поздней эпохи предоставляютъ судопроизводство по дѣламъ о захватѣ третейскому суду посторонняго города или соединенному суду изъ представителей обѣихъ сторонъ.

При отсутствіи договора право частнаго возмездія являлось общимъ достояніемъ и постоянно примѣнялось на дѣлѣ. Лизій говоритъ, что жители Беотіи постоянно пользовались этимъ средствомъ противъ аеинянъ, такъ какъ не могли добиться уплаты долга въ два таланта. (Противъ Никомаха, 12).

Демосѳенъ указываетъ на нѣкоторыхъ тріерарховъ, которые похищали все, что приходилось имъ по вкусу; этимъ они подвергали своихъ согражданъ всевозможнымъ родамъ возмездія и создавали для нихъ невозможность отправляться въ чужія страны безъ особаго пропуска. (Въ защиту вѣнка за тріерархію, 13).

Въ другой защитительной рѣчи (Противъ Лакрита) имѣется договоръ о ссудѣ подъ морское предпріятіе, выданной аеиняниномъ и эвбейцемъ жителямъ Фаселиды. Въ немъ установлено, что если корабль остановится въ Геллеспонтѣ, то товары должны быть свезены на берегъ

въ особое мѣсто, гдѣ они будутъ ограждены отъ захватовъ частныхъ лицъ.

Иногда государство брало въ свои руки осуществленіе права возмездія частныхъ лицъ и пользовалось имъ въ качествѣ предпринимателя.

Жители Халкедона нуждались въ деньгахъ для уплаты наемнымъ войскамъ. Они предложили гражданамъ и метѣкамъ, которые имѣли притязанія на частное возмездіе по отношенію къ какому-нибудь городу или частному лицу, сдѣлать объ этомъ заявленіе. Они рѣшили осуществить это возмездіе на счетъ кораблей, которые отправлялись въ Понтъ Эвксинскій, задержавъ ихъ подъ этимъ предлогомъ. (Лже-Аристотель. Экономика, II, 12). Въ македонскій періодъ обычай частнаго возмездія былъ не менѣе частымъ явленіемъ, но, повидимому, зависѣлъ отъ разрѣшенія правительства. Во время Полибія ¹⁾ въ Беотіи не происходило болѣе отправленія правосудія. Нѣсколько ахейцевъ, не будучи въ состояніи взыскать свои долги съ гражданъ этой страны, добились отъ стратега ихъ арміи, Филопемена, разрѣшенія прибѣгнуть къ частному возмездію. Въ другомъ мѣстѣ указывается, что критяне изъ города Элевтерны выдали особыя свидѣтельства противъ родосцевъ. Далѣе, делійцы, укрывшіеся въ Ахеѣ, собирались прибѣгнуть къ праву частнаго возмездія противъ аѳинянъ, но ахейцы этому воспротивились.

Въ общемъ, возмездіе считалось юридическимъ актомъ, приѣмомъ международныхъ отношеній и служило обезпеченіемъ и утвержденіемъ права. Это было учрежденіе, которое не надо смѣшивать ни съ набѣгомъ, ни съ разбоемъ или пиратствомъ.

Набѣгъ являлся враждебнымъ актомъ, примѣнявшимся только во время войны. Что же касается разбоя или пиратства, то это были проявленія насилія, часто безнаказанныя, но всегда считавшіяся незаконными.

(D a r e s t e. Séances et travaux d'Académie des sciences morales, т. СХХХІІІ, стр. 358—364).

¹⁾ Полибіій—см. вып. III, стр. 81, прим. 2.

7. Монетный договоръ.

Каждое государство-городъ имѣло свою монетную систему, такъ какъ право чеканить монету было признакомъ верховной государственной власти. По закону монеты любого изъ городовъ не имѣли никакой цѣнности въ сосѣднемъ государствѣ; поэтому при отправленіи въ чужія страны нужно было обмѣнивать свои монеты на деньги той страны, куда отправлялись.

Если вспомнить о необычайной раздробленности Греціи, станутъ понятны затрудненія, которыя происходили вслѣдствіе этого. Съ теченіемъ времени стали принимать мѣры съ цѣлью ихъ уменьшить. Нерѣдко бывали случаи, когда для торговыхъ сношеній среди разнообразныхъ монетъ выбирали одну, которая и получала преимущество въ качествѣ единицы обмѣна при международныхъ сношеніяхъ. Купцы, независимо отъ ихъ страны и мѣста жительства, заключали сдѣлки и расплачивались этой монетой; ее можно было всюду везти, такъ какъ она охотно принималась во всѣхъ банкахъ. Таковую роль сыграли въ V и IV вѣкѣхъ аѳинскія тѣтрадрахмы и кизикскіе статэры, а позднѣе—монеты македонской чеканки.

Быль сдѣланъ еще шагъ впередъ, когда у нѣкоторыхъ государствъ явилась мысль заключить между собою договоръ, подобный тому, который соединяетъ въ данное время Францію, Италію, Швейцарію, Бельгію и Грецію. По этому соглашенію договаривающіяся стороны устанавливали вѣсъ, пробу и цѣнность той звонкой монеты, которая должна была имѣть законное обращеніе на рынкахъ обоихъ государствъ. Онѣ опредѣляли, въ какомъ размѣрѣ каждая изъ нихъ имѣетъ право чеканить эту монету; при совмѣстной выдѣлкѣ ея опредѣлялась часть расходовъ и доходовъ, которая приходилась на каждый городъ. Мы располагаемъ отрывкомъ подобнаго договора между Фокидой и Митиленой. (*Michel. Recueil d'inscriptions grecques*, 8). Оба города должны были по очереди, въ продолженіе года, чеканить указанную въ договорѣ монету, причемъ монетный

дворъ одной изъ сторонъ на это время закрывался. Деньги фокидской чеканки должны были имѣть свободный доступъ въ Митилену, и наоборотъ.

Монетчикъ, сдѣлавшій подлогъ законной пробы и прибавлявшій лигатуры сверхъ установленной нормы, подлежалъ смертной казни. Онъ былъ отвѣтственъ передъ обоими городами и долженъ былъ судиться въ родномъ городѣ судомъ, въ составъ котораго входили представители обѣихъ сторонъ.

(По Lenormant. La Monnaie dans l'antiquité, II, стр. 54—63).

8. Проксены.

Проксены напоминаютъ нашихъ консуловъ. Но въ то время какъ у насъ консулы не всегда являются подданными того государства, въ которомъ представляютъ, въ Греціи былъ обычай избирать проксенами только гражданъ этого государства. Напримѣръ, въ Эфесѣ интересы аѳинянъ защищались не аѳиняниномъ, а эфесяниномъ, которому аѳинскій народъ давалъ титулъ проксена съ нѣкоторыми преимуществами и правами.

Обязанности проксена были одновременно дипломатическаго и консульскаго характера. Граждане государства, избравшаго его, могли требовать отъ него пріюта, покровительства и защиты ихъ интересовъ на судѣ. Онъ платилъ выкупъ за плѣнныхъ, заботился о достойномъ погребеніи павшихъ на войнѣ и, въ случаѣ чьей-либо смерти, завѣдывалъ имуществомъ умершаго и передавалъ его наследникамъ. Въ этомъ его обязанности соотвѣтствовали обязанностямъ современнаго консула. Но у него были еще другія, которыя приближали его къ нашимъ посламъ. На немъ лежало представленіе властямъ и народному собранію депутатовъ того государства, проксеномъ котораго онъ являлся; онъ долженъ былъ облегчать выполненіе всѣхъ возлагаемыхъ на нихъ порученій своимъ личнымъ вліяніемъ на согражданъ.

Въ греческихъ городахъ постоянные дворы были очень плохо устроены, вслѣдствіе чего долгъ гостепріимства,

который лежалъ на проксенѣ, причинялъ ему крупныя расходы; кромѣ того, ему приходилось оказывать денежную поддержку нуждающимся путешественникамъ, которые не всегда возвращали ему полученныя ими ссуды. Въ вознагражденіе за труды онъ получалъ часто привилегіи, иногда наслѣдственныя: на примѣръ, имѣлъ свободный доступъ въ высшее правительственное учрежденіе и въ народное собраніе страны, представителемъ которой онъ являлся. Его личности и имуществу было обезпечено покровительство какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, въ мирное время и во время войны; онъ пользовался свободой ввоза и вывоза товаровъ, имѣлъ право пріобрѣтать земельную собственность, былъ освобожденъ отъ нѣкоторыхъ налоговъ, а иногда получалъ право изополитіи, что означало пользованіе всѣми правами гражданства.

(Newton у Reinach. *Traité d'épigraphie grecque*, стр. 45—47).

9. Греческая колонизація VIII и VII в.в.

Основывая свои колоніи, греки лишь слѣдовали примѣру финикійцевъ, которые задолго до нихъ объѣхали берега Средиземнаго моря и учредили тамъ свои торговыя конторы. Но, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, имъ удалось создать не только простые рынки: это были города, которые греки воздвигали сотнями, начиная отъ отдаленныхъ береговъ Понта Эвксинскаго до Геркулесовыхъ столповъ. Расширеніе предѣловъ Греціи не было дѣломъ того или другаго отдѣльнаго племени; въ немъ принимали участіе всѣ племена: ахеяне и доряне такъ же, какъ іоняне. Это даже нельзя назвать дѣломъ исключительно приморскихъ государствъ-городовъ; колонистовъ высылали часто города, расположенные внутри материка, и не было ни одной области во всей Греціи, которая осталась бы чужда общему переселенческому движенію.

Это движеніе было вызвано самыми разнообразными причинами: любовь къ приключеніямъ и перемѣнамъ, быстрый ростъ населенія, сосредоточіе земельной собственности въ рукахъ аристократіи, внутренніе раздоры, бѣдствія, обру-

шившіяся на какой-нибудь край, изгнаніе по приговору суда, иноземное завоеваніе, необходимость искать новые внѣшніе рынки — все побуждало грековъ расширять свои колоніи. Постепенно они заняли всѣ берега Средиземнаго моря; иногда, если имъ удавалось, они проникали въ глубь страны; въ иныхъ случаяхъ они обосновывались только на морскомъ берегу, ограничиваясь если не узкой полосой поселка, то во всякомъ случаѣ довольно ограниченнымъ пространствомъ, откуда они распространяли свою дѣятельность во всѣхъ направленіяхъ. Расселеніе грековъ остановилось на границѣ извѣстнаго въ тѣ времена свѣта; такимъ образомъ, за предѣлами Эллады, въ собственномъ значеніи этого слова, образовалась новая Эллада, разсѣянная повсюду, растянутая какъ бы въ одну линію и раздѣленная на множество независимыхъ городовъ; между ними существовало, несмотря на это, единство, основанное на племенномъ родствѣ, на сходствѣ учреждений, подобіи вѣрованій и на общности интересовъ.

Эти первобытныя колоніи были въ большинствѣ случаевъ частными предпріятіями. Городъ, изъ котораго выходила каждая колонія, довольствовался тѣмъ, что посылалъ священный огонь, предназначенный для очага новаго города, и священнослужителей, на которыхъ возлагалась обязанность исполненія обряда при его основаніи. Этого было достаточно, чтобы установить между метрополіей и колоніей прочную связь, которая, впрочемъ, заключалась лишь въ извѣстныхъ знакахъ почтенія и преданности, проявляемыхъ колоніей по отношенію къ метрополіи; подчиняться или оказывать ей помощь колонія не была обязана. Если колонія случалось иногда взывать къ защитѣ метрополіи, то только оттого, что она считала это для себя выгоднымъ, и она была совершенно свободна искать помощи въ другомъ мѣстѣ. Она охотно покупала продукты метрополіи и продавала ей свои, но отнюдь не была обязана оказывать ей предпочтеніе. Въ общемъ, ихъ отношенія основывались на дружескихъ началахъ; но нерѣдко достаточно было малѣйшаго столкновенія ихъ интересовъ, чтобы эта дружба уступила мѣсто ненависти, которая влекла за собой войну.

„Если съ колоніей хорошо обращаются“, говорили керкиряне, „то она признаетъ метрополию; если же ее притѣсняютъ, она отдѣляется. Покидаютъ родину не для того, чтобы превратиться въ рабовъ тѣхъ, кого оставляютъ за собой, а для того, чтобы остаться равными имъ“. (Фукидидъ. I, 34).

10. Аѳинскія колоніи V и IV в.в.

Плутархъ справедливо отмѣчаетъ двойкую цѣль, которую преслѣдовали аѳиняне, основывая свои колоніи: съ одной стороны, они хотѣли помочь бѣднякамъ и освободить городъ отъ буйной толпы; съ другой стремились прочно завладѣть самыми удобными мѣстами, чтобы подержать своихъ союзниковъ.

Чаще всего колоніи основывали подъ вліяніемъ взаимодѣйствія этихъ двухъ причинъ—военной и экономической, но иногда одна изъ нихъ оказывала преобладающее вліяніе. Основаніе города Потидеи обезпечивало обладаніе Халкидикой; Лемнось и Имбросъ служили главными наблюдательными пунктами по отношенію къ еракійскому морю и живущимъ на его побережьѣ варварскимъ племенамъ. Херсонесъ выполнялъ ту же роль относительно Геллеспонта. Стремленіе снабдить средствами бѣдныхъ гражданъ замѣтнѣе всего въ статьѣ одного указа, которая предоставляетъ участки земли двумъ послѣднимъ классамъ. Очень часто также аѳиняне при побѣдѣ думали только о томъ, чтобы воспользоваться плодами завоеванія путемъ разграбленія побѣжденныхъ. Примѣромъ этого является клерухія ¹⁾ Лесбоса, въ которой колонисты сдавали въ аренду прежнимъ владѣльцамъ отобранные у нихъ участки земли. Злоба противъ ожесточенныхъ враговъ и алчность побѣдителей были главной причиной изгнанія эгинцевъ, мелійцевъ и самосцевъ.

Большая часть колоній не носила торговаго харак-

¹⁾ Клерухія—колонія. Подъ клерухіей въ частности разумѣется колонія, при учрежденіи которой дѣйствовало право побѣдителя, захватившаго земли въ свои руки.

тера; аѳиняне не стремились, подобно финикійцамъ, основывать свои поселенія съ цѣлью развитія торговли съ отдаленными странами. Они занимали нѣкоторые пункты, желая обезпечить безопасность торговли, только тогда, когда она являлась жизненной потребностью государства. Такъ, Херсонесъ Эракійскій охранялъ хлѣбные караваны, идущіе отъ береговъ Чернаго моря; равно какъ владѣніе Лемносомъ, Имбросомъ и нѣкоторыми городами Халкидики было полезно потому, что аѳинскій флотъ нуждался въ лѣсѣ Эракіи и Македоніи.

Эти колоніи были, главнымъ образомъ, стратегическими пунктами, благодаря чему починъ въ дѣлѣ ихъ основанія не могъ быть предоставленъ частнымъ лицамъ, такъ же какъ нельзя было допустить полной независимости такихъ поселеній. Государство брало на себя устройство клерухій; оно вооружало колонистовъ передъ ихъ отправленіемъ, перевозило, раздавало земельные участки и принимало подъ свое покровительство. Чтобы поддержать тѣсную связь съ метрополіей, имъ оставляли названіе и права аѳинскихъ гражданъ. Конечно, вслѣдствіе отдаленности, всѣ эти маленькіе государства-города достигали извѣстной автономіи, но ихъ внутреннее устройство оставалось точнымъ подражаніемъ государственному строю Аѳинъ.

Колонисты, связанные столькими нитями съ родиной, естественно продолжали подчиняться ея законамъ и постановленіямъ. Однимъ словомъ, эти клерухіи являлись особымъ видомъ Аттики, расположенной внѣ предѣловъ собственно Греціи, и составляли настоящую федерацію колоній.

(Foucart. Mémoires présentés à l'Académie des inscriptions, томъ IX, I-ая часть, стр. 407—409).

11. Дельфійская амфиктіонія.

Дельфійская амфиктіонія не была единственной въ греческомъ мірѣ, но она пользовалась наибольшимъ значеніемъ. Ее составляли двѣнадцать племенъ: ѳессалійцы, фокейцы, доряне изъ Дориды и Пелопоннеса, іоняне изъ Аѳинъ и

іоняне съ Эвбеи или Іоніи, беотійцы, ахеяне изъ Фтіотиды, малійцы, этеяне, перребы и долопы, магнезійцы, эніанцы и локрійцы.

Каждое племя имѣло два голоса. Но такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ, именно іоняне и доряне, чрезвычайно размножились и раздробились на нѣсколько государствъ, то пришлось раздѣлить также и голоса.

Города получали иногда цѣлый голосъ, иногда половину, а въ иныхъ случаяхъ еще меньшую часть голоса. Іоняне, напримѣръ, имѣли два голоса, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ Аѳинамъ, другой—іонянамъ Эвбеи или Азіи. То же самое встрѣчается у дорянъ. Лакедемонъ владѣлъ однимъ изъ двухъ голосовъ, другой же голосъ принадлежалъ прочимъ городамъ Дориды. Остается неизвѣстнымъ, какъ устраивались города, которые получали сообща одинъ голосъ на всѣхъ: избирали ли они вмѣстѣ только одного представителя или же имѣли каждый по четверти или пятой части голоса. Документы не даютъ освѣщенія этого вопроса.

Совѣтъ амфиктіоновъ собирался дважды въ годъ: разъ въ Эермопилахъ, другой разъ въ Дельфахъ. Онъ носилъ, главнымъ образомъ, религіозный характеръ: ему принадлежало завѣдываніе богатѣйшимъ храмомъ Аполлона и устройство пифійскихъ игръ.

Кромѣ того, совѣтъ обладалъ извѣстными судебными правами надъ всѣми городами союза; онъ разбиралъ жалобы одного города на другой и налагалъ штрафы. Но, какъ только бывали задѣты какіе-нибудь политическіе интересы, постановленіямъ совѣта переставали подчиняться. Прежде всего, не желали покоряться требованіямъ совѣта, въ которомъ такъ странно распредѣлялись права голосованія, крупныя государства, какъ Спарта и Аѳины. Во-вторыхъ, амфиктіоны не располагали матеріальной силой, а одного нравственнаго вліянія было недостаточно. Имъ удалось сыграть болѣе значительную роль лишь въ IV вѣкѣ, но и то благодаря угодничеству честолюбивымъ планамъ Филиппа Македонскаго въ дѣлѣ порабоженія Греціи.

(Foucart. Dict. des antiq., т. I, стр. 235—237).

12. Первый афинскій союзъ.

Послѣ сраженій при Саламинѣ, Платеѣ и Микале, афиняне рѣшили создать обширный союзъ, который помѣшалъ бы всякому новому наступательному движенію персовъ и былъ бы въ состояніи отнять у нихъ греческіе города Малой Азии, отогнавъ враговъ подальше отъ береговъ Архипелага. Благодаря военнымъ успѣхамъ Кимона и дипломатіи Аристида, къ Афинамъ примкнули почти всѣ приморскіе города на Эгейскомъ морѣ; такимъ образомъ возникъ союзъ, который является одной изъ самыхъ серьезныхъ попытокъ грековъ создать политическое объединеніе страны.

Средоточіе этого союза, поставленнаго подъ покровительствомъ Аполлона, находилось на священномъ островѣ Делосѣ. Союзъ имѣлъ особый Совѣтъ, который собирался періодически. Каждый городъ обязывался поставлять корабли и солдатъ или дѣлать, взаменъ этого, ежегодные взносы. Цифра общей суммы взносовъ равнялась 460 талантамъ (около 1 мил. 21 тыс. руб.).

Съ теченіемъ времени Делосскій союзъ измѣнилъ свой первоначальный характеръ. Когда союзники замѣтили, что персы перестали держать флотъ въ Архипелагѣ и гарнизоны на его берегахъ, они пришли къ заключенію, что ихъ союзъ отнынѣ бесполезенъ, вслѣдствіе чего союзная связь стала ослабѣвать. Интересъ къ общимъ дѣламъ уменьшился; союзники перестали посылать уполномоченныхъ на Делосъ, начали проявлять больше вялости при выполненіи своихъ обязательствъ, безпрестанно жаловались на ихъ тяжесть и имѣли лишь одно желаніе — освободиться отъ нихъ навсегда. Афиняне поддерживали эти стремленія лишь въ той мѣрѣ, въ какой это соотвѣтствовало ихъ расчетамъ. Такъ, на примѣръ, казна съ Делоса была перенесена въ Афины. Города, за исключеніемъ двухъ или трехъ, были освобождены отъ корабельной повинности, взаменъ чего обязывались платить извѣстную дань. Союзный Совѣтъ былъ упраздненъ, послѣ чего афинскій народъ сталъ править союзомъ безъ контроля, распространивъ на него настоящую государственную власть. Первоначально отдѣльныя

государства были лишь союзниками Аѳинъ, позднѣе они превратились въ подвластныя владѣнія. Въ глазахъ аѳинскаго народа взносы союзниковъ сдѣлались налогами, которые Аѳины могли произвольно увеличивать или уменьшать. Аѳиняне считали себя въ правѣ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію, даже употреблять на нужды республики, при условіи обезпеченія безопасности союзнымъ государствамъ; при этомъ аѳинскій флотъ существовалъ въ такой же мѣрѣ для защиты союзниковъ отъ внѣшнихъ враговъ, какъ и для того, чтобы держать ихъ въ повиновеніи.

Аѳины дошли до того, что вмѣшивались во внутреннее управленіе городовъ. Стремясь установить въ нихъ демократическій строй, они сочувствовали революціямъ, которыя влекли за собой паденіе аристократической партіи, и даже содѣйствовали этимъ переворотамъ; иногда они вводили новый государственный порядокъ, который поддерживался присылкой гарнизона. Аѳиняне не довольствовались наказаніемъ союзника, виновнаго въ нарушеніи союзнаго договора; они разбирали и преступленія противъ общаго права, по крайней мѣрѣ наиболѣе важныя. Одинъ уроженецъ Митилены, обвиненный въ убійствѣ за предѣлами Аттики, былъ привлеченъ къ суду аѳинскихъ геліастовъ.

Статьи договора, заключеннаго между Аѳинами и Халкидой въ то время, когда послѣдняя вошла въ составъ государства, показываютъ всю обширность возлагаемыхъ на подвластные города обязательствъ. Каждый халкидецъ долженъ былъ принести слѣдующую присягу: „Я не отдѣлюсь отъ аѳинскаго народа путемъ хитрыхъ увертокъ или какой-нибудь продѣлки, ни на словахъ, ни на дѣлѣ, и не буду слушать того, кто отъ него отдѣлится. Если кто-нибудь будетъ подговаривать сдѣлать это, то я донесу аѳинянамъ. Я обязуюсь платить дань, которая назначается ими послѣ моихъ указаній. Я буду стараться, насколько лишь возможно, быть хорошимъ и вѣрнымъ союзникомъ. Я пойду на защиту аѳинскаго народа, если кто-нибудь причинитъ ему вредъ, и буду оказывать Аѳинамъ повиновеніе“.

Халкидцы имѣли право судить своихъ должностныхъ лицъ, оставившихъ должность. Но въ случаѣ присужденія ихъ

къ изгнанію, а тимѣи или къ смертной казни послѣдніе могли апеллировать къ суду аѣинскихъ присяжныхъ. Со своей стороны, аѣиняне также принимали на себя обязательства, неопредѣленность которыхъ оставляла, впрочемъ, большую свободу дѣйствій. Совѣтъ и присяжные клялись исполнять слѣдующія постановленія: „Я не буду изгонять халкидцевъ изъ Халкиды и разрушать ихъ городовъ. Не буду присуждать никакое частное лицо къ атиміи или къ изгнанію; не буду лишать свободы, выносить смертный приговоръ, подвергать конфискаціи, не выслушавъ предварительно обвиняемаго, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это будетъ итти въ разрѣзъ съ рѣшеніемъ аѣинскаго народа. Я не буду ставить на голованіе ни одно постановленіе, направленное противъ какого-нибудь города или отдѣльнаго лица, безъ предварительнаго разбора дѣла“. (Ditte n b e r g e r. Sylloge inscr. Graecar., 10).

13. Ахейскій союзъ.

Ахейскій союзъ, достигшій наибольшаго значенія около 190 г. до Р. Х., охватилъ весь Пелопоннесъ. Говорили, что онъ былъ „самымъ совершеннымъ и обладалъ наиболѣе однороднымъ составомъ изъ всѣхъ эллинскихъ союзовъ; онъ сумѣлъ лучше другихъ примирить верховную власть, которую сохраняли различные города въ своемъ внутреннемъ управленіи, съ существованіемъ центральной власти, облеченной дѣйствительными правами“.

Не входя въ подробности его устройства, достаточно будетъ указать, что во главѣ его стоялъ особый Совѣтъ, въ которомъ каждый союзникъ имѣлъ право голоса. Совѣтъ этотъ „направлялъ внѣшнія дѣла союза. Только онъ постановлялъ объявленіе войны или заключеніе мира и новыхъ союзовъ, назначеніе пословъ въ другія страны“; наконецъ, онъ принималъ представителей иностранныхъ властей и давалъ отвѣты на ихъ запросы. Имъ опредѣлялось количество войскъ, которое можно было требовать у союзниковъ, и указывалось ихъ назначеніе. Онъ также завѣдывалъ союзной казной, составленной изъ взносовъ союзниковъ, опредѣлялъ размѣры необходимыхъ креди-

товъ и провѣрялъ отчеты должностныхъ лицъ. Ему принадлежала высшая судебная власть, но область его вѣдѣнія ограничивалась лишь тѣми преступленіями, которыя грозили интересамъ союза.

Необходимо прибавить, что Совѣтъ созывался „черезъ большіе промежутки и на очень короткое время“ и могъ рѣшать всѣ указанные вопросы только послѣ подготовительныхъ совѣщаній союзныхъ должностныхъ лицъ. (Dubois. *Les Ligues étolienne et achéenne*, стр. 141 и сл.).

Каждый городъ, входя въ составъ союза, „сохранялъ значительную часть независимости. За исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, которые грозили безопасности союза, каждый изъ нихъ сохранялъ свои законы, должностныхъ лицъ, свою казну и суды. Центральная власть вмѣшивалась въ мѣстныя дѣла лишь въ крайнихъ случаяхъ. Члены союза пользовались даже большою свободой въ сношеніяхъ съ иностранными государствами“. (Тамъ же, стр. 183). „Монета ихъ была одинаковой по вѣсу, пробѣ, цѣнности и виду, но каждый городъ могъ чеканить ее у себя въ извѣстномъ количествѣ, беря на себя расходы и пользуясь доходами, подъ отвѣтственностью своихъ должностныхъ лицъ; доказательствомъ этой отвѣтственности, а также способомъ провѣрки для союзныхъ властей, служилъ особый знакъ и подпись должностныхъ лицъ каждаго города, которые ставились на монетѣ рядомъ съ общимъ знакомъ союза“. (Lenormant. *La Monnaie dans l'antiquité*, II, стр. 101).

Въ сущности, въ ахейскомъ союзѣ грекамъ болѣе всего удалось установленіе могущественной центральной власти, причемъ составлявшіе этотъ союзъ города не подчинялись исключительному первенству одного изъ нихъ.

Оглавленіе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Управленіе.

	СТР.
1. Основаніе городовъ	1
2. Незначительные размѣры греческихъ государствъ	4
3. Духъ государства-города	5
4. Общественные классы	7
5. Жители Аѳинъ, не входившіе въ разрядъ гражданъ	13
6. Дарованіе правъ гражданства	14
7. Преслѣдованіе гражданина-самозванца	15
8. Пересмотръ списковъ гражданъ	16
9. Гражданинъ	17
10. Порабощеніе гражданина государствомъ	18
11. Общественныя трапезы въ Спартѣ	22
12. Демы и филы	24
13. Любовь къ свободѣ	25
14. Обязанность гражданина защищать національныя учрежденія	26
15. Предпочтеніе, оказываемое правленію средняго класса общества	27
16. Демократическія учрежденія	28
17. Аѳинское Народное Собраніе по изображенію комическихъ поэтовъ	30
18. Засѣданіе аѳинскаго Народнаго Собранія	33
19. Экстренное засѣданіе Народнаго Собранія	35
20. Государственный человекъ V вѣка—Перикль	36
21. Политическій дѣятель IV вѣка—Гиперидъ	37
22. Недостатки аѳинской демократіи	40
23. Совѣтъ въ Спартѣ	41
24. Народное Собраніе въ Спартѣ	42
25. Царская власть въ Спартѣ	43
26. Эфоры	45
27. Борьба партій въ Греціи	47
28. Убіиства въ Керкирѣ	48
29. Греческій тираннъ II в. до Р. X.	50

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Правосудіе.

	СТР.
1. Право частной мести	52
2. Аристократическій характеръ суда	54
3. Суды присяжныхъ	55
4. Отсутствие общественной обвинительной власти	57
5. Сикофанты	58
6. Пытка	60
7. Логографы	61
8. Клятва геліастовъ	62
9. Аѳинскій присяжный по изображенію Аристофана	63
10. Аѳинскій присяжный по описанію ораторовъ	64
11. Засѣданіе присяжныхъ (геліастовъ)	66
12. Захватъ имущества	68
13. Наказаніе за убійство	70
14. Разные виды наказаній	71
15. Смерть отъ цыкуты	73
16. Политическіе процессы	—
17. Процессъ по поводу вѣнка	74

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Налогѣ.

1. Система налоговъ въ Греціи	76
2. Налогъ на капиталъ	77
3. Косвенные налоги въ Аѳинахъ	78
4. Различные сборы	79
5. Освобожденіе отъ налоговъ въ Кизикѣ	80
6. Національная подписка	81
7. Государственные займы	—
8. Финансовые приемы	83
9. Литургіи	84
10. Хорегія	85
11. Щедрость гражданъ по отношенію къ государству	87

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

Войско и флотъ.

1. Патріотизмъ	89
2. Обязанность гражданина защищать свое отечество	91
3. Военная пѣснь VII вѣка до Р. X.	92

	СТР.
4. Вооруженіе въ гомеровскую эпоху	93
5. Битва въ гомеровскія времена	94
6. Наборъ войска	96
7. Злоупотребленія при наборѣ войска, по свидѣтельству Аристо- фана	100
8. Наемники	101
9. Войско различныхъ родовъ оружія	102
10. Командованіе войскомъ въ Спартѣ	106
11. Командованіе войскомъ въ Аѣинахъ	107
12. Начальникъ наемниковъ	108
13. Жалованье войскамъ	110
14. Порядокъ похода	111
15. Боевая тактика	113
16. Битва при Мараѳонѣ	117
17. Сраженіе при Мантинеѣ въ 418 г.	118
18. Укрѣпленія	119
19. Осада Платеи	123
20. Триера	126
21. Экипажъ корабля	128
22. Триерархія	129
23. Триерархъ на своемъ кораблѣ	130
24. Пирей и аѣинскія флоты	132
25. Саламинская битва	133
26. Почести, воздававшіяся гражданамъ, погибшимъ за отечество	135

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Международныя отношенія.

1. Третьейскій судъ между двумя городами (416 г. до Р. Х.)	137
2. Никіевъ миръ (421 г. до Р. Х.)	—
3. Древній союзный договоръ	139
4. Союзный коммерческій договоръ Македоніи и Халкиды	—
5. Уступка торговой монополіи	140
6. Право частнаго возмездія въ Греціи	—
7. Монетный договоръ	144
8. Проксены	145
9. Греческая колонизація VIII и VII в.в.	146
10. Аѣинскія колоніи V и IV в.в.	148
11. Дельфійская амфиктіонія	149
12. Первый аѣинскій союзъ	151
13. Ахейскій союзъ	153

П. Гир о.

Частная и общественная жизнь грековъ.

(Историческія чтенія).

Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія

Н. И. ДИХАРЕВОЙ.

Содержаніе:

- Выпускъ I. — Общія свѣдѣнія. — Семья. — Воспитаніе.
Съ 20-ю рис. Ц. 60 к.
Вып. II. — Частная жизнь. Съ 49-ю рис. Ц. 50 к.
Вып. III. — Рабство. — Трудъ и богатство. — Общественная
жизнь. Съ 20-ю рис. Ц. 70 к.
Вып. IV. — Религія. Съ 38-ю рис. Ц. 60 к.
Вып. V. — Управленіе. — Правосудіе. — Палаты. — Войско и
флотъ. — Международныя отношенія. Съ 18-ю рис. . Ц. 90 к.
Вып. VI. — Искусство Ц. 70 к.

*Ланглуа и Сеньобосъ. Введеніе въ изученіе исторіи. Пер. съ фр. А. Серебряковой. — 1 р.

Содержаніе: Предисловіе. Книга I. Предварительныя свѣдѣнія. — Книга II. Аналитическіе процессы. Отд. I. Внѣшняя (подготовительная) критика. — Отд. II. Внутренняя критика. — Книга III. Синтетическіе процессы.

*Мезіеръ. А. На поворотѣ. Алексѣевская и Петровская Русь. Историческ. хрестоматія. Съ 55 рис. — 2 р. 50 к.

Содержаніе: Часть I. Московская Русь наканунѣ реформъ. Отд. I. Какъ жили московскіе государи. — Отд. II. Городъ и деревня въ Московскомъ государствѣ. — Отд. III. Кѣмъ и какъ управлялось Московское государство. — Отд. IV. Исправленіе книгъ и начало раскола. — Отд. V. Бунтъ Стеньки Разина. Часть II. Эпоха Петра. Отд. I. Царь Петръ и правительница Софія. — Отд. II. Царь-преобразователь и новая Россія за работой. — Отд. III. Кто были противники петровскихъ реформъ. — Отд. IV. Смерть Петра Великаго.

*Минье. Исторія французской революціи. Изд. 6-е. Пер. подъ ред. и съ предисл. К. Арсеньева. — 80 к.

*Уч. Комит. М. Н. II. допущены съ учѣт. библ. среднихъ учебныхъ заведеній.

Книжный магазинъ Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ

(С.-Петербургъ, Гороховая, 51)

исполняетъ заказы на всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ. Каталоги высылаются по требованію бесплатно.